

ISSN 2074-9848
e-ISSN 2310-0532

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
BALTIJSKIJ REGION

2018

Том 10

№ 3

Калининград
Издательство
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
2018

БАЛТИЙСКИЙ
РЕГИОН
2018
Том 10
№ 3

Редакционная коллегия

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2018.
153 с.

Журнал основан
в 2009 году

Периодичность:
ежеквартально
на русском
и английском языках

Учредители:
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта
Санкт-Петербургский
государственный
университет

Редакция
Адрес: 236000, Россия,
Калининград,
ул. Зоологическая, 2

Выпускающий редактор:
Кузнецова
Татьяна Юрьевна
tikuznetsova@kantiana.ru
Тел/факс.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

Точка зрения авторов
может не совпадать
с позицией
учредителей

А. П. Клемешев, д-р полит. наук, проф., ректор БФУ им. И. Канта — главный редактор (Россия); *Г. М. Федоров*, д-р геогр. наук, проф., директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, БФУ им. И. Канта — зам. главного редактора (Россия); *Й. фон Браун*, директор Центра изучения развития, проф., Боннский университет (Германия); *И. М. Бусыгина*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *В. В. Воронов*, д-р социол. наук, ведущий исследователь Института социальных исследований, Даугавпилсский университет (Латвия); *А. Г. Дружинин*, д-р геогр. наук, директор Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем, ЮФУ (Россия); *М. В. Ильин*, д-р полит. наук, проф. кафедры сравнительной политологии, МГИМО (У) МИД РФ (Россия); *П. Йонниemi*, старший научный сотрудник, Карельский институт, Университет Восточной Финляндии (Финляндия); *Н. В. Каледин*, канд. геогр. наук, доц., зав. каф. региональной политики и политической географии, СПбГУ (Россия); *В. А. Колосов*, д-р геогр. наук, проф., зав. лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН (Россия); *Г. В. Кретинин*, д-р ист. наук, проф., Институт гуманитарных наук, БФУ им. И. Канта (Россия); *К. Ляхто*, проф., директор Пан-Европейского института высшей школы экономики, Университет г. Турку (Финляндия); *В. А. Мау*, д-р экон. наук, проф., ректор, РАНХиГС (Россия); *Н. М. Межевич*, д-р экон. наук, проф. кафедры европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия); *А. Ю. Мельвиль*, д-р филос. наук, проф., декан факультета социальных наук, НИУ — ВШЭ (Россия); *Т. Пальмовский*, д-р географии, проф., зав. кафедрой географии регионального развития, Гданьский университет (Польша); *А. А. Сергунин*, д-р полит. наук, проф., проф. кафедры теории и истории международных отношений, СПбГУ (Россия); *Э. Спиряевас*, д-р географии, проф., директор Центра трансграничных исследований, Клайпедский университет (Литва); *А. Е. Шаститко*, д-р экон. наук, зав. кафедрой конкурентной и промышленной политики, МГУ им. М. В. Ломоносова (Россия); *Д. Шиманска*, д-р географии, проф., зав. кафедрой урбанистики и регионального развития, Университет Николая Коперника в Торуне (Польша); *К. К. Худoley*, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой европейских исследований факультета международных отношений, СПбГУ (Россия).

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС77-46309 от 26 августа 2011 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Демографические процессы

- Ионцев В. А., Субботин А. А.* Современные сценарии демографического будущего мира (на примере России и Германии) 4
- Дегусарова В. С., Мартынов В. Л., Сазонова И. Е.* Геодемографические особенности пригородной зоны Санкт-Петербурга 19
- Кузнецова Т. Ю.* Особенности динамики численности населения в граничащих друг с другом регионах России и стран Европейского союза 41

Диаспоры

- Молодикова И. Н., Лялина А. В., Емельянова Л. Л.*, Взаимодействие с диаспорами и диаспоральными организациями как ключ к успешной политике интеграции мигрантов в ЕС 58
- Слука Н. А., Коробков А. В., Иванов П. Н.* Китайская диаспора в странах ЕС 80

Вопросы экономической и демографической безопасности

- Волошенко Е. В., Волошенко К. Ю.* Оценка и измерение экономической безопасности приграничных регионов России: теория и практика 96
- Федоров Г. М.* Демографическая обстановка и демографическая безопасность в регионах Западного порубежья России 119
- Лачининский С. С.* Некоторые аспекты экономической безопасности Санкт-Петербурга и Ленинградской области в условиях геоэкономической неопределенности 136

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

СОВРЕМЕННЫЕ СЦЕНАРИИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО БУДУЩЕГО МИРА (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ)

В. А. Ионцев¹

А. А. Субботин¹

Исследование посвящено современным сценариям демографического будущего. Цель работы — выявление альтернативных западным стандартам сценариев демографического развития мира. Демографическое развитие рассматривается как в положительном, так и негативном смыслах. Его анализ базируется на общей теории населения, классической теории демографического перехода, концепциях второго, третьего и четвертого демографических переходов и сценарии «евразийского пути демографического развития». Используются различные методы сравнительной демографии, исторических аналогий, экспертных оценок, демографического прогнозирования. Проанализированы закономерности современного демографического развития в России и Германии и различные перспективные сценарии этого развития. Отмечается настоятельная необходимость перехода России и Германии на «евразийский путь демографического развития». Результаты исследования могут быть использованы в процессе совершенствования демографической политики, проводимой в России и Германии.

Ключевые слова: евразийский путь демографического развития, классический демографический переход, второй, третий и четвертый демографические переходы, демографическое развитие, демографический кризис, индивидуалистическая семья, демографическое старение, международная миграция населения

Введение

Начать хочется с цитаты из книги Тило Саррацина, переведенной на русский язык в 2012 году:

Иной циник мог бы аргументировать: мигранты ведь могут выполнять любую низкую работу, которую многие немцы исполняют неохотно, — например, производство на свет и воспитание детей... Немецкий средний и верхний слои, напротив, живут комфортабельно, бездетно или малодетно в своих загородных виллах и элегантных квартирах старинной постройки. Они даже не замечают, что страна вследствие демографического развития изменилась до неузнаваемости, что ей грозит отказ от

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1.

Поступила в редакцию 16.05.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-1

© Ионцев В. А., Субботин А. А., 2018

самой себя — и это самое меньшее, что можно сказать. Когда они это заметят, может оказаться слишком поздно. Как говорит Гегель, столь же поэтично, сколь и мрачно: «Сова Минервы начинает свой полёт лишь с наступлением сумерек» [1, с. 315].

В конце статьи мы предложим сценарий, который может помочь не допустить «самоликвидации великого государства» Германии, как и другого, не менее великого, — России. Дело за политиками и людьми, живущими в этих странах, судьбы которых тесно переплелись в истории цивилизаций.

Необходимо сделать и несколько важных замечаний, связанных с такими понятиями, как *демографическое развитие*, *евразийский путь демографического развития*, *демографический кризис*.

Под *демографическим развитием*, как правило, понимается некое позитивное развитие по восходящей линии. Вместе с тем, по нашему мнению, это более сложное понятие, вмещающее в себя как положительные, так и отрицательные (негативные) детерминанты данного развития [2, р. 78—79]. Более того, вся история развития мирового населения обуславливается этими детерминантами (определяющими факторами), которые на тех или иных исторических этапах имеют разное соотношение. На наш взгляд, в современном демографическом развитии западных стран, отдельных государств Азии и России преобладают негативные детерминанты, что и характеризуется таким понятием, как *демографический кризис*.

Демографический кризис берет начало в 1963 году в США [3], а затем распространяется (на переломе 60—70-х годов прошлого века) во всех странах Западной Европы. Его суть заключается в том, что наряду с количественными негативными изменениями, в первую очередь в брачности и рождаемости (что описывает, в частности, концепция *второго демографического перехода* Ван де Каа [4] и Лестага [5]), происходят негативные структурные (пол, возраст) и качественные (семья, демографическое поведение, репродуктивное здоровье, духовность) изменения в населении. О демографическом кризисе в современной Европе в одной из своих недавних статей подробно написал известный американский (венгерский) демограф Пол Демени, который, правда, не затрагивает третью компоненту этого понятия, на наш взгляд, самую важную в настоящее время [6, р. 111—114], а именно — негативные качественные изменения в демографическом развитии как России, так и многих развитых стран мира.

Выход из ситуации демографического кризиса возможен, по нашему мнению, — по крайней мере для России — при условии ее перехода на евразийский путь демографического развития, включающего в себя различные модели. Например, модель *четвертого демографического перехода*, которую ниже рассмотрим подробнее, как и саму идею евразийства.

Статистические данные и методы исследования

Статистической базой исследования стали официальные источники данных по социально-демографическим показателям Федеральной службы государственной статистики России (Росстат): данные переписей населения России в 2002 и 2010 годах, Российский статистический ежегодник, Демографический ежегодник России, статистические бюллетени Росстата «Естественное движение населения Российской Федерации», «Численность и миграция населения Российской Федерации», Российский демографический лист — 2016 и ряд

других источников Росстата за последние 20 лет; данные Федерального статистического офиса Германии; данные Центрального разведывательного управления США, а также базы данных *World Population Prospects* и *Human Mortality Database*.

На основе материалов перечисленных источников, используя, в частности, методы сравнительной демографии (различные демографические показатели и коэффициенты), удалось получить подтверждение выводов, которые были сделаны в ходе эмпирических наблюдений и их анализа. Так, применяя суммарный коэффициент рождаемости для сравнения уровней рождаемости в России и Германии, можно сделать заключение о примерно равном их уровне (табл. 1). Но с точки зрения перспектив развития, особенно с учетом такого процесса, как старение, и фактора территории, Россия может оказаться в более сложной ситуации.

Таблица 1

Суммарный коэффициент рождаемости в 2017 году в отдельных странах мира

Развитые страны	Страны Балтийского региона	Страны евразийского пространства	Развивающиеся страны
Франция — 2,07	Швеция — 1,88	Таджикистан — 2,63	Турция — 2,01
Великобритания — 1,88	Норвегия — 1,85	Киргизия — 2,61	Никарагуа — 1,89
США — 1,87	Финляндия — 1,75	Казахстан — 2,25	Вьетнам — 1,81
Нидерланды — 1,78	Дания — 1,73	Узбекистан — 1,76	Чили — 1,80
Бельгия — 1,78	Эстония — 1,60	Армения — 1,64	Иран — 1,87
Австралия — 1,77	Литва — 1,59	Россия* — 1,61 (1,62)	Бразилия — 1,75
Канада — 1,60	Латвия — 1,51	Китай — 1,60	Таиланд — 1,52
Швейцария — 1,56	Германия — 1,45 (1,60)	Беларусь — 1,48	
Италия — 1,44	Польша — 1,35		
Южная Корея — 1,44			

* Россия является и страной Балтийского региона.

В скобках указаны данные национальных статистических служб.

Составлено по: *The World Factbook by the Central Intelligence Agency (CIA)*. 2018.

Что касается смертности, то при международных сравнениях широко используется показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении (ОПЖ). Наш прогноз по этому показателю на основе анализа имеющихся трендов, расчета таблиц дожития (смертности) и метода экстраполяции показал, что ОПЖ к 2050 году достигнет в Германии 90,6 лет для обоих полов (90 лет — для мужчин и 91,6 лет — для женщин), в России — 75,7 лет для обоих полов (69,9 лет — для мужчин, 80,7 лет — для женщин). Возможное отставание по данному показателю лишний раз подчеркивает необходимость перехода России к более народосберегающему образу жизни, что как раз и характеризует евразийский путь демографического развития.

При международных сравнениях миграционной ситуации чаще всего используются коэффициенты сальдо международной миграции в расчете на 1 тыс. жителей. Как показывают данные таблицы 2, по миграционному приросту Германия значительно превосходит Россию в последние 12 лет, что, с одной стороны, является плюсом для Германии, а с другой — потенциальной опасностью замещения коренного населения (см. концепцию *третьего демографического перехода*). Что же касается России, то, как показывают прогнозы

отечественных исследователей Д. Эдиева, С. Шульгина и других¹, к 2035 году численность населения страны без миграции составит 141,1 млн человек, с миграцией — 146,5 млн. Таким образом, можно констатировать, что надежда на мигрантов, хотя бы по 270—300 тыс. человек в год, в настоящее время не оправдывается (табл. 2).

Таблица 2

Основные демографические показатели России и Германии, млн человек

Показатель	1995 год		2005 год		2015 год	
	Россия	Германия	Россия	Германия	Россия	Германия
Общая численность родившихся	1,363	0,765	1,457	0,686	1,940	0,738
Общая численность умерших	2,203	0,885	2,303	0,830	2,030	0,925
Естественный прирост/убыль	-0,840	-0,120	-0,846	-0,144	-0,090	-0,188
СКР*	1,34	1,25	1,29	1,34	1,77	1,50
Е*	64,5	76,4	65,4	78,9	71,3	81,1
Общая численность постоянного населения на начало года	147,938	81,538	143,801	82,501	146,267	81,198
Численность женщин	78,5	41,893	77,1	42,148	78,5	41,362
Численность мужчин	69,5	39,645	66,7	40,353	67,8	39,836
Возрастные группы (лет)**:						
0—19	34,03** (23,0%)	17,53 (21,5%)	34,32 (23,9%)	16,75 (20,3%)	31,22 (21,3%)	14,78 (18,2%)
20—59	84,03** (56,8%)	47,13 (57,8%)	84,46 (58,7%)	45,21 (54,8%)	85,98 (58,8%)	44,17 (54,4%)
60 и старше	29,88** (20,2%)	16,88 (20,7%)	25,02 (17,4%)	20,54 (24,9%)	29,07 (19,9%)	22,25 (27,4%)
Миграционный прирост/убыль	0,503	0,398	0,282	0,790	0,228	1,139

* СКР — суммарный коэффициент рождаемости (среднее число детей на одну женщину репродуктивного возраста); Е — ожидаемая продолжительность предстоящей жизни (годы).

** Возрастные группы для России в 1995 году: 0—15 лет, мужчины 16—59 лет и женщины 16—64 лет, мужчины 60 лет и старше и женщины 55 лет и старше.

Составлено по: *Федеральная служба государственной статистики* (Росстат). URL: <http://www.gks.ru>; *Федеральный статистический офис Германии*. URL: <https://www.destatis.de>

**Теории и концепции демографического развития,
лежащие в основе различных сценариев демографического будущего**

Относительно классического демографического перехода, общая теория которого не только получила в настоящее время наибольшее распространение, но и продолжает навязываться западными странами всему мировому сообществу, возникает вопрос: а нужно ли другим государствам полностью копиро-

¹ См. *Российский демографический лист* — 2016 / РАНХиГС ; Росстат ; ИААА. М. ; Лаксенбург, 2016.

вать современную западную модель демографического развития? Основной тезис этой теории заключается в том, что все без исключения страны должны обязательно пройти выделенные четыре стадии демографического перехода. Именно на это указывал еще в 70-е годы XX века известный австралийский демограф Дж. Колдуэлл, который, рассматривая, как протекал демографический переход в развивающихся странах, писал о «вестернизации рождаемости» в них и о том, что «демографический переход теоретически не является универсальным процессом», а его всеобщность, включающая в себя все большее число развивающихся стран, становится следствием бездумного копирования ими социальных отношений, мировоззрения и нового образа жизни, сформировавшихся прежде всего в США и странах Западной Европы. Однако это заимствование, как подчеркивал Колдуэлл, «возможно лишь в рамках общего процесса индустриальной трансформации общества» [7, р. 351]. Его правоту подтверждает современный опыт отдельных стран (например, Польши, Латвии, Эстонии и других), которые, не завершив четвертой стадии классического демографического перехода, пытаются «перепрыгнуть» сразу на пятую стадию его «западной модели» (второй демографический переход). Последнее означает тупиковый путь демографического вымирания, что грозит для стран, прежде всего с малой численностью населения, достаточно быстрым исчезновением с карты мира.

При этом хотелось бы сказать, что процесс «навязывания» негативных западных демографических стандартов менее развитым странам особенно усилился в последние 30 лет, когда мировое информационное пространство оказалось в «паутине Интернета». Среди этих стандартов особое беспокойство вызывает распространение по всему миру так называемой индивидуалистической семьи, репродуктивные установки которой кардинально меняются в худшую сторону: господствующей моделью становится «одна семья — один ребенок». И эта модель в ближайшей перспективе может превратиться в модель «семья без детей», то есть семья, сознательно отказывающаяся в своей жизни от рождения детей. По данным директора Берлинского института населения и развития Райнера Клингхольца, в 2012 году доля таких семей в Германии составила примерно 15% (см.: [8]). Не меньше эта доля и в других развитых странах, чему, в частности, способствуют растущие движения типа «чайлдфри» (*childfree*), которое, зародившись в 1993 году в США и попав на благодатную европейскую почву сексуальных революций, стало быстро распространяться в странах Западной Европы. К сожалению, в 2006 году оно появилось и в России. Это и подобные ему движения («чайлдхейт», «реджекторы», «аффлексонадо») пропагандируют, по сути, сознательный отказ от рождения детей или «некие свободы личности без детей». Если добавить к этому явлению достаточно быстрый рост суррогатных семей, например так называемые партнерские семьи, сожительство или семьи, появляющиеся в результате нетрадиционных браков (уже в 16 европейских странах и во всех штатах США законодательно разрешены подобные браки), то о каком демографическом будущем этих стран можно говорить? И зачем все эти новые западные «прелести», которые, по сути, если принципиально ничего не изменится, неизбежно приведут к «смерти Запада» [1; 3; 9], навязывать всему миру? Возможно, для того чтобы быстрее воплотить в жизнь бредовую идею «мирового господства», не уничтожая при этом, по возможности, природную среду обитания и природные богатства. Зачем тратить огромные средства (триллионы долларов) на вооружение, когда можно изменить «умы новых подрастающих поколений людей» — и они начнут сами себя демографически убивать. И при этом «мировое гос-

подство» вовсе не означает, что Германия и большинство других европейских стран будут в нем участвовать. Возможно, этим и объясняются негативные демографические изменения, которые начали происходить в странах Запада на рубеже 60-х и 70-х годов прошлого века. И одной из первых стала Германия, где естественная убыль коренного немецкого населения (то есть превышение смертности над рождаемостью) произошла в 1971 году и продолжается по настоящее время, имея тенденцию к росту (см. табл. 2).

Это медленное, но верное убийство уже началось, усиливаясь посредством Интернета: с помощью этой глобальной сети и других современных информационных технологий развернулась настоящая информационная война против менее развитых стран со стороны небольшой группы развитых государств, прежде всего США и Великобритании [10; 11]. Первые высказывания о последствиях такой войны мы находим в работах известного российского философа А. А. Зиновьева, долгое время жившего в Германии, в одной из которых, он, в частности, написал:

«Бомба западнизации», взорванная в России, произвела в ней неслыханные ранее опустошения не только в сферах государственности, экономики, идеологии и культуры, но и в самом человеческом материале общества (курсив наш. — В. И., А. С.). В таких масштабах и в такие сроки это до сих пор еще не удавалось сделать никаким завоевателям и ни с каким оружием. Будучи предназначена (по замыслу изобретателей) для поражения коммунизма, «бомба западнизации» в практическом применении оказалась неизмеримо мощнее: она разрушила могучее многовековое объединение людей [12, с. 11—12].

Можно соглашаться либо не соглашаться с автором данного высказывания, но то, что современные информационные технологии могут оказывать очень негативное влияние на умы людей, — уже действительность. И эта действительность особенно ярко отражается в демографическом поведении. Более того, изменения происходят уже на генетическом уровне, на что обратил внимание В. И. Данилов-Данильян, говоря о росте среди населения «генетически искаженных распадных особей», и это становится «столь же опасной угрозой человеческому роду, как и деградация и гибель окружающей среды» [13, с. 474—475].

Последствия «вестернизации» рождаемости ощутили не только развивающиеся, но и некоторые развитые страны, что показано в таблице 1. Особенно бросается в глаза снижение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства (2,15 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста) в таких странах, как Италия и Польша, где стремительно размываются традиции и насаждается западный образ жизни, что и привело их, по сути, к демографическому кризису.

И несколько слов о повышении в последние годы рождаемости в отдельных западных странах, например во Франции до 2,0 (см. табл. 1), которое, по мнению известного демографа Д. Коулмэна, может стать началом демографического возрождения Запада [14, р. 107—115]. Вызывает большие сомнения подобное возрождение при сохраняющихся негативных качественных изменениях населения западных стран. Например, в детских садах в Швеции детям, у которых к 3—4 годам половая принадлежность уже ассоциируется с определенными соматическими и поведенческими свойствами, пытаются вопреки природе человека привить представление о себе как о некоем бесполом существе. И это среднее «оно» все чаще навязывается населению, в частности с помощью некорректного использования понятия «гендер» как «социального

пола». Некоторые наши «гендеристы» уже придумали «экономический пол»² (более опасные антидемографические понятия трудно назвать), а в Германии в 2017 году законодательно утвержден некий «средний пол». Стоит ли удивляться тому, что в развитых странах значительно растет число нетрадиционных браков и суррогатных семей, которые априори не способны к воспроизводству населения; усыновление же подобными брачными союзами детей ведет в будущем к их трагедиям.

Надо также заметить, что хотя на Западе имеет место повышение рождаемости, но ни в одной из стран она не достигла даже уровня простого воспроизводства (2,15). К тому же особую роль в этом повышении играют многочисленные иммигранты, большая часть которых уже стала гражданами, например, европейских стран, и рождаемость у «новых европейцев» значительно выше, нежели у коренного населения. Так, у турецкого населения Германии рождаемость в 3—4 раза выше, чем у немцев. И, видимо, не случайно с ростом турецкой общины в этой стране (число турок, получивших немецкое гражданство, превысило 3 млн человек) суммарный коэффициент рождаемости с 1,34 в 2005 году возрос до 1,5 в 2017-м. Соответственно процесс замещения коренного населения пришлым населением, о чем написал Д. Коулмэн еще в 2006 году, предложив свою концепцию *третьего демографического перехода* [15, р. 402—407], не только не приостановился за эти годы, но и усилился.

Концепция третьего демографического перехода представляет собой один из сценариев демографического будущего развитых стран мира, в которых, если сохранятся негативные демографические тенденции, коренное население может быть замещено мигрантами. При этом страны как таковые останутся, но полностью изменятся образ жизни, культура и традиции населения. Чтобы не допустить этого, Коулмэн предлагает, в частности, «запретить или ограничить новые потоки мигрантов из развивающихся стран». Насколько это возможно в глобализирующемся мире? На наш взгляд, невозможно, поскольку «мир поистине пришел в непрерывное миграционное движение» (подробнее см. [16]), без которого немыслимо его дальнейшее развитие и которое, по существу, нельзя остановить, какие бы «железные занавесы» сейчас ни возводить. Однако при всех критических замечаниях данный сценарий может рассматриваться как *сценарий-предостережение*, предупреждающий, к чему способна привести недооценка главенствующей роли демографического фактора в современном развитии мира, его регионов и стран.

К сожалению, все эти современные негативные западные тенденции все больше затрагивают Россию, практически все ее регионы — от Дальнего Востока до Калининградской области. При этом необходимо понимать, что Россия находится в особых демографических условиях:

— во-первых, у нее огромная территория (более 17 млн км²), освоение которой без дополнительных рабочих рук невозможно; и это касается не только северных и дальневосточных районов, но и центральной части страны (сотни тысяч квадратных километров Нечерноземья стали практически безлюдными);

— во-вторых, внутренний демографический потенциал страны полностью исчерпан: сегодня нет ни одного региона, за счет которого можно было бы помочь в заселении пустующих территорий, как это происходило в царский и советский периоды. В связи с этим чрезвычайно важным становится вопрос демографического будущего России.

² См., напр.: *Калабихина И.Е.* Экономико-демографическое развитие России: гендерный аспект: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2010. При этом, что символично, в данной работе термин «гендер» часто заменяется термином «тендер».

Выбор евразийского пути демографического развития

Неизбежно возникает и другой вопрос: по какому пути демографического развития идти тем или иным странам мира — по современному западному или своему самобытному пути, учитывающему географическое местоположение, традиции, демографические и культурные ценности, религиозные верования, исторический опыт и многое другое? Пока второй путь выбрали лишь несколько государств, например Китай и Северная Корея. Именно в связи с этим и встал вопрос о евразийском пути демографического развития (*евразийский демографический переход*) России и сопредельных с ней стран, поскольку они в последнее время, рассматривая идею «евразийства», в той или иной степени уже встали или пытаются встать на путь западного демографического развития (*второго демографического перехода*). Не случайно на Петербургском международном экономическом форуме (16—18 июня 2016 года) президент России В. В. Путин, выступая перед участниками, заявил: «Предлагаем подумать о создании большого евразийского партнерства...» [16]. Заметим, что В. В. Путин уже не первый раз обращается к идее «евразийства». Так, в апреле 2012 года он говорил, что «евразийство — традиция нашей политической мысли. Оно в России укоренилось давно, а сейчас приобретает совершенно новое звучание...» [17].

Хотелось бы сказать, что эта идея не просто укоренилась в нашей стране уже в 20-е годы прошлого века. Россия, на наш взгляд, единственная страна в мире, которая по своему местоположению, или, как писал Л. Гумилев, «месторазвитию» [18, с. 10] (до Уральских гор — *Европа*, после них — *Азия*, отсюда и *Евразия*), и по своему менталитету (двуглавый орел) в полной мере может обозначаться евразийским государством и, соответственно, выступать своеобразным центром евразийского пространства. Именно географический фактор местоположения России между Западом и Востоком и делает ее таким центром. А возрождение идеи евразийского развития академик М. Л. Титаренко (незадолго до своей смерти в феврале 2016 года) объяснял так:

Нас интересует суть нового евразийства, ставшего весьма актуальным предметом идейно-политических дискуссий после распада Советского Союза и поисков национальной идеи, которая бы послужила для сплочения и подъема суверенной России в условиях жесткой культурно-цивилизационной экспансии Запада. Эта экспансия привела к серьезному размыванию культурно-цивилизационной самоидентичности, аполитизации, духовной депрессии русского и других народов РФ, появлению идей местного сепаратизма, регионального изоляционизма, а также к возникновению и обострению межэтнических трений [19, с. 2].

Все это особенно негативно отразилось, как мы писали выше, на демографическом поведении российского населения, включая все его многочисленные национальности и народности, подталкивая тем самым Россию на путь *второго демографического перехода*.

Выступая против западного пути демографического развития (в первую очередь, против второго демографического перехода), надо вместе с тем сказать, что это не означает полного его отрицания. Именно страны Западной Европы первыми достигли значительных демографических успехов: укрепив институт семьи и сохраняя относительно высокую рождаемость, резко снизили смертность, обусловив более чем на 100 лет (примерно с 30-х годов XIX века) так называемый европейский демографический взрыв, сопровождаемый сни-

жением младенческой и материнской смертности, повышением средней продолжительности жизни, укреплением физического здоровья. Но вопреки здравому смыслу эти и другие демографические успехи на рубеже 60-х — 70-х годов прошлого века, в угоду крупному капиталу и обществу потребления, претерпевают большие негативные изменения, что нашло отражение в концепции второго демографического перехода, основные положения которой (главное из них — так называемая индивидуалистическая семья с одним ребенком или вообще без детей), по существу, и навязываются сейчас всему миру. Хотя надо заметить, что Ван де Каа, разрабатывая эту концепцию, не раз подчеркивал: речь в ней идет только о развитых европейских странах (правда, забыв почему-то про США, которые были и остаются первыми в насаждении западной масскультуры и суррогатных моделей семьи, в чем особенно преуспели президенты Клинтон и Обама).

Вопреки этому евразийский демографический переход подразумевает продолжение лучших национальных традиций по «сохранению и размножению» населения (о чем применительно к России еще в XVIII веке писал М. В. Ломоносов [20]), включая и европейские достижения. В этом и заключается важнейший «феномен евразийства», который М. Л. Титаренко характеризует следующим образом:

...по своей сути [феномен] содержит компоненты, которые присущи не только культурам народов Евразии. Евразийство, в отличие от евроцентризма, исходит из равноправия и горизонтальной структуры взаимоотношений между различными культурами, в то время как евроцентризм исходит из вертикальных взаимоотношений культур, признания одной культуры высшей, других — низшими. Стратегема евроцентризма рассматривает ассимиляцию других культур и вымирание уникальных малых культур как нормальное и неизбежное явление. Она требует замены самобытных систем культурных ценностей на некие «универсальные», по существу, на ценности западной масскультуры [19, с. 4].

Чтобы лучше понять содержание этих ценностей, можно обратиться к книге известного американского политика Патрика Бьюкенена «Смерть Запада» (2001), где он, в частности, пишет:

Насилие, гомосексуализм, грубая брань с экранов телевизоров и в кинофильмах, матерщина в текстах песен — все это окружало современную молодежь с колыбелей. Поэтому традиционная культура им попросту непонятна [3, с. 293].

А прошедшие 17 лет лишь усугубили ситуацию, прибавив еще несколько «нетрадиционных поколений». И все эти «рыночные формы массовой культуры» через СМИ и телевидение мутным потоком хлынули во многие страны, а появившийся Интернет готов захлестнуть ими весь мир. Затронули они, к сожалению, и Россию, и многие другие страны, что, несомненно, негативно отражается на их демографическом развитии.

К сожалению, Россия, которая несмотря на некоторое повышение рождаемости и снижение смертности в 2010—2015 годах, все глубже погружается в трясину демографического кризиса, обусловленного в первую очередь негативными изменениями в качестве российской молодежи, наиболее активно воспринимающей «рыночные формы массовой культуры» и демографические суррогаты. Этому значительно способствуют не только Интернет, но и другие СМИ, особенно «наше» телевидение, которое, как отметил еще в 2009 году С. П. Капица в статье «Россию превращают в страну дураков», занимается «разложением сознания людей», что по сути является преступной деятельностью. Прошло более 8 лет, но ситуация лишь усугубилась. «Ну что за тоска! Дурака

лелеют, дурака заботливо возвращают, дурака удобряют, и не видно этому конца...» [21, с. 126]. Таким образом, можно сказать, что если численность «дураков», или «распадных особей», будет продолжать увеличиваться, то уже скоро будет бессмысленным что-либо говорить о демографическом возрождении России (что, собственно, отмечают и Саррацин применительно к Германии, и Бьюкенен применительно к США, и др.) — при таком населении это станет невозможно! Задача здоровой части нашего общества и руководства государства и его регионов — не допустить дальнейшего развития подобной ситуации! А для этого надо уже хотя бы осознать всю пагубность современного демографического развития, обусловленного, в частности, развернувшейся информационной войной.

Именно против «универсальности» западного демографического перехода и распространения по всему миру масскультурных демографических ценностей и направлена наша разработка идеи *евразийского демографического перехода* [22, с. 463—464], который при этом может включать в себя различные модели демографического развития. Для России это модель, основанная на концепции *четвертого демографического перехода* [2, р. 80—84; 8, р. 15—21] и базовых евразийских демографических ценностях (важнейшая из которых — здоровые дети) и принципах (главный из них заключается в том, что взаимоотношения культур строятся на основе их гармоничности и взаимодействия). С точки зрения демографического развития это действительно знаковый принцип.

Концепция *четвертого демографического перехода*, предложенная В. А. Ионцевым в 2010 году как альтернативный Д. Коулмэну сценарий демографического будущего, рассматривает миграцию в качестве сугубо положительного явления, которое может иметь негативные последствия только вследствие неправильного понимания ее сущности и соответствующей неверной миграционной политики. Суть этой концепции состоит в том, что миграция как положительное явление может оказать большое позитивное влияние на будущее демографическое развитие, учитывающее как национальные, так и межстрановые интересы через поощрение браков между коренным населением и мигрантами. Рождение детей в таких смешанных семьях станет основой формирования «нового населения», которое, возможно, будет обладать более высокими репродуктивными установками и более качественными характеристиками, отвечающими всем требованиям развития стран в XXI веке.

При этом необходимо подчеркнуть, что доля подобных браков постоянно увеличивается во многих странах мира, в том числе в России и Германии. Так, по данным Немецкого статистического бюро, доля межнациональных браков в Германии к концу первого десятилетия XXI века достигла 11% от общего числа, а их количество превысило к концу этого десятилетия в среднем 41 тысячу в год. В России мы также наблюдаем увеличение доли межнациональных семей начиная с 1959 года. По переписи 1989 года, их число составило 12,8 млн (17,5%). В современной России эта тенденция к увеличению продолжается.

Говоря о количественных и качественных изменениях в населении (особенно если речь идет о негативных изменениях), важно понимать и то, что они тесно связаны и взаимно обусловлены. Так, «больные» родители, как правило, воспроизводят еще более «больных детей», будущие дети которых со значительной долей вероятности вообще окажутся не способны к воспроизводству новых поколений, а многие из них могут и не доживать до репродуктивного возраста (например, младенцы-наркоманы). И таким образом негативные ка-

качественные изменения уже через одно поколение могут отрицательно влиять на рождаемость, смертность и другие демографические процессы, что, к сожалению, уже наблюдается и в России, и в Германии.

Заключение

Как качественные, так и основные количественные показатели, представленные в таблице 2, значительно усугубляют демографическую ситуацию, которая сложилась за последние 35 лет. И общее, что объединяет Россию и Германию, — это то, что они уже несколько десятилетий живут в условиях депопуляции, обусловленной снижением рождаемости, которое, в свою очередь, достаточно быстро ведет к увеличению числа пожилых людей и, соответственно, к проблемам, обусловленным демографическим старением. В России доля пожилых приблизилась к 20%, но еще более быстрыми темпами стареет население Германии, где эта доля превысила 27%. И в России, и в Германии депопуляция приняла свою крайнюю форму, выражающуюся в естественной убыли населения. В России, где эта убыль началась в 1992 году, за 20 лет (1992—2012) она составила более 13,5 млн человек, в Германии, где естественная убыль началась в 1971—1972 годах, за 1980—2012 годы она составила 3,42 млн человек. Но, в отличие от России, где этот показатель стал снижаться (90 тыс. в 2015 году против 846 тыс. в 2005-м), в Германии естественная убыль имеет тенденцию к росту (см. табл. 2). И что совсем плохо, в последние годы численность российского трудоспособного населения (15—59 лет), сокращается почти по 1 млн в год. Собственно, и численность немецкого трудоспособного населения имеет тенденцию к уменьшению. С 2016 года в России в репродуктивный возраст стали входить самые малочисленные поколения женщин, родившихся в 1990-е годы, что вновь осложнило ситуацию в отношении рождаемости, обострив и без того непростую демографическую ситуацию в стране, не говоря уже о том, что необходимо обратить самое пристальное внимание на «качество» рождающихся детей и их воспитание.

Некоторую надежду на улучшение демографической ситуации внушает указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», подписанный президентом РФ 7 мая 2018 года. В этом документе в рамках научно-технологического и социально-экономического развития одной из задач ставится увеличение в России ожидаемой продолжительности *здоровой* жизни до 67 лет к 2024 году, что свидетельствует о понимании необходимости улучшения качественных характеристик населения [23].

Таким образом, и Германия, и — в еще большей степени — Россия, как и другие сопредельные с ней страны (особенно в силу их малочисленности), со всей очевидностью оказались перед выбором дальнейшего пути демографического развития. И наиболее успешным, на наш взгляд, для них является *евразийский демографический переход*, учитывающий местоположение государства, традиции и культуру его населения, менталитет и демографические ценности, среди которых «здоровые и интеллектуально подготовленные» дети являются главнейшими. Для Германии как страны, активно привлекающей мигрантов, этот сценарий также может быть полезен, поскольку если она продолжит свое демографическое развитие по пути *второго демографического перехода*, то уже в этом столетии может исчезнуть как немецкое государство. Подобное может произойти и с Россией, и со многими другими странами Бал-

тийского региона (особенно с учетом небольшой численности их населения и значительного миграционного оттока), если в них продолжится негативный западный тренд демографического развития.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-06-00048а «Социальная парадигма регионального развития: выбор приоритетов и трансформация экономики».

Список литературы

1. *Sarracini T.* Германия: самоликвидация / пер. с нем. М., 2012.
2. *Iontsev V., Prokhorova Y.* International Migration of Population and Nuptiality in the Light of the Concept of the Fourth Demographic Transition // Scientific Series «International Migration of Population: Russia and the Contemporary World» / ed. by V. Iontsev. 2014. Vol. 28. P. 78—85.
3. *Бьюкенен П.* Смерть Запада. М., 2004.
4. *Van de Kaa D.J.* Europe's Second Demographic Transition // Population Bulletin / The Population Reference Bureau. 1987. Vol. 42, № 1. P. 1—59.
5. *Lesthaeghe R.* The Second Demographic Transition: A Concise Overview of its Development // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2014. № 111 (51). P. 112—115.
6. *Demeny P.* Europe's Two Demographic Crisis: The Visible and the Unrecognized // Population and Development Review. 2016. Vol. 42, № 1. P. 111—120.
7. *Caldwell J. C.* Toward a Restatement of Demographic Transition Theory // Population and Development Review. 1976. Vol. 2, № 3—4. P. 321—366.
8. *Iontsev V., Prokhorova Y.* To the Issue of International Migration and Nuptiality within the Concept of the Fourth Demographic Transition // Scientific Series «International Migration of Population: Russia and the Contemporary World» / ed. V. Iontsev. 2013. Vol. 27. P. 6—21.
9. *Bushanan P.J.* The Death of the West. How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilisation. N. Y., 2002.
10. *Роговский Е. А.* Кибер-Вашингтон. Глобальные амбиции. М., 2014.
11. *Кунгурова Н. И., Терехов В. К.* Экономика знаний. Тема 3: Информационная война. Минск, 2010.
12. *Зиновьев А. А.* Русский эксперимент. М., 1994.
13. *Данилов-Данильян В. И.* Устойчивое развитие: 20 лет споров // Папенков К. В. Экономическая эффективность развития России. М., 2007.
14. *Coleman D., Basten S.* Death of the West: an Alternative View // Population studies. A Journal of Demography. Special Issue. Population: The Long View. 2015. Vol. 69, Suppl. 1. P. 107—118.
15. *Coleman D.* Immigration and Ethnic Change in Low-fertility Countries: A Third Demographic Transition // Population and Development Review. 2006. Vol. 32, № 3. P. 401—446.
16. *Путин В. В.* Выступление на Петербургском международном экономическом форуме (16—18 июня 2016 г.) // Российская газета. № 6999. 2016. URL: <https://rg.ru/2016/06/17/vladimir-putin-anonsiroval-sozdanie-bolshogo-evrazijskogo-part-nerstva.html> (дата обращения: 20.02.2018).
17. *Путин В. В.* Стенограмма выступления на встрече с активом партии «Единая Россия». Москва. 24 апреля 2012. URL: <http://eurasian-movement.ru/archives/2136> (дата обращения: 20.02.2018).
18. *Гумилев Л. Н.* Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993.
19. *Петровский В., Титаренко М.* О неоевразийской идентичности России // Международная жизнь. 2016. № 4. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/15023> (дата обращения: 20.02.2018).
20. *Ломоносов М. В.* О сохранении и размножении российского народа // Избранные произведения : в 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 130—144.
21. *Стругацкий А., Стругацкий Б.* Хищные вещи века : [фантастический роман]. М., 2016.

22. *Ионцев В. А.* Международная миграция и демографическое развитие. Возможен ли «евразийский демографический переход»? // Сборник материалов конференции «Миграционные мосты в Евразии» / под ред. С. В. Рязанцева. М., 2014. С. 459—464.

23. *Президент* подписал указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (дата обращения: 14.05.2018).

Об авторах

Владимир Алексеевич Ионцев, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой демографии, Высшая школа современных социальных наук, МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: vaiontsev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9461-3542>

Александр Алексеевич Субботин, исследователь, Высшая школа современных социальных наук, МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: aasubbotin@yahoo.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5016-0473>

Для цитирования:

Ионцев В. А., Субботин А. А. Современные сценарии демографического будущего мира (на примере России и Германии) // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №3. С. 4—18. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-1.

CURRENT SCENARIOS FOR THE DEMOGRAPHIC FUTURE OF THE WORLD: THE CASES OF RUSSIA AND GERMANY

V. A. Iontsev¹

A. A. Subbotin¹

¹ *Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991 Russia*

Submitted on May 16, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-1

In this article, we explore the demographic future of the world with a focus on scenarios for Russia and Germany. We seek an alternative to the Western standards of scenarios for global demographic development. We consider demographic development both in a positive and negative sense. Our analysis rests on such theoretical structures as the general theory of population, the classical theory of demographic transition, the concepts of the 'second', 'third', and 'fourth' demographic transitions, and scenarios for the 'Eurasian demographic development path'. We employ a range of methods from comparative demography as well as historical analogies, expert evaluations and demographic forecasts. We analyse the patterns of current demographic development in Russia and Germany to explore various demographic scenarios.

In the conclusion, we stress the need for Russia and other countries, including Germany, to embark on the 'Eurasian demographic development path' in view of the countries' geographical positions and demographic values, with children being a dominant one. Otherwise, both Germany and Russia may disappear as national states as early as this century. The findings of this study can be used to improve the demographic policies of Russia and Germany.

Keywords: Eurasian demographic development path, classical demographic transition, second, third, and fourth demographic transition, demographic development, demographic crisis, individualistic family, ageing, international migration

References

1. Sarrazin, T. 2010, *Deutschland schafft sich ab*, DVA Dt. Verlags-Anstalt, 20. Auflage. edition (in German).
2. Iontsev, V., Prokhorova, Y. 2014, International Migration of Population and Nuptiality in the Light of the Concept of the Fourth Demographic Transition. In Iontsev, V. (ed.) *Scientific Series "International Migration of Population: Russia and the Contemporary World"*, Vol. 28, p. 78—85.
3. Buchanan, P. 2004, *Death of the West* [Suicide superpower], Moscow (in Russ.).
4. Van de Kaa, D.J. 1987, Europe's Second Demographic Transition, *Population Bulletin. Washington: The Population Reference Bureau*, Vol. 42, no. 1, p. 1—59.
5. Lesthaeghe, R. 2014, The Second Demographic Transition: A Concise Overview of its Development, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, no. 111 (51), p. 112—115.
6. Demeny, P. 2016, Europe's Two Demographic Crisis: The Visible and the Unrecognized, *Population and Development Review*, Vol. 42, no. 1, p. 111—120.
7. Caldwell, J.C. 1976, Toward a Restatement of Demographic Transition Theory, *Population and Development Review*, Vol. 2, no. 3—4, p. 321—366.
8. Iontsev, V., Prokhorova, Y. 2013, To the Issue of International Migration and Nuptiality Within The Concept Of The Fourth Demographic Transition. In: Iontsev, V. (ed.) *Scientific Series "International Migration of Population: Russia and the Contemporary World"*, no. 27, p. 6—21.
9. Buchanan, P.J. 2002, *The Death of the West. How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilisation*, New York.
10. Rogovsky, E.A. 2014, *Kiber-Vashington. Globalnye ambicii* [Cyber-Washington. Global ambitions], Moscow, 848 p. (in Russ.).
11. Kungurova N.I., Terekhov V.K. 2010, *Ekonomika znaniy. Tema 3. Informacionnaya vojna* [Economics of knowledge. Theme 3. Information War], Minsk (in Belarus.).
12. Zinovev A.A. 1994, *Russkij eksperiment* [Russian Experiment], Moscow, 475 p. (in Russ.).
13. Danilov-Danilyan, V.I. 2007, Sustainable Development: 20 Years of Dispute. In: Papenov, K.V. *Ekonomicheskaya ehffektivnost' razvitiya Rossii* [Economic efficiency of the Development of Russia], Moscow (in Russ.).
14. Coleman, D., Basten, S. 2015, Death of the West: an Alternative View, *Population studies. A Journal of Demography*, Special issue. Population: The long view, Vol. 69, Supplement 1, p. 107—118.
15. Coleman, D. 2006, Immigration and Ethnic Change in Low-Fertility Countries: A Third Demographic Transition, *Population and Development Review*, Vol. 32, no. 3, p. 401—446.
16. Latukhina, K. 2016, Putin Announced the Creation of a Large Eurasian Partnership, *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], no. 6999, available at: <https://rg.ru/2016/06/17/vladimir-putin-anonsiroval-sozdanie-bolshogo-evrazijskogo-partnerstva.html> (accessed 20.02.2018) (in Russ.).
17. Putin, V.V. 2012, Transcript of the Speech at a Meeting with the United Russia Party Activists, Moscow, April 24, 2012, available at: <http://eurasian-movement.ru/archives/2136> (accessed 20.02.2018) (in Russ.).
18. Gumilev, L.N. 1993, *Ritmi Evrasii: epohy I zivilizazii* [Rhythms of Eurasia: Epochs and Civilizations], Moscow (in Russ.).

19. Petrovsky, V., Titarenko, M. 2016, On Neo-Eurasian Identity of Russia, *Mezhdunarodnaya zhizn* [International life], no. 4 (in Russ.).
20. Lomonosov, M. V. 1986, On the Preservation and Reproduction of the Russian People, *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], T. 2, Moscow, p. 130—144 (in Russ.).
21. Strugackiy, A. N. 2016, *Hishchnye veshchi veka* [The Final Circle of Paradise], Moscow, 224 p. (in Russ.).
22. Iontsev, V. A. 2014, International Migration and Demographic Development. Is "Eurasian Demographic Transition" Possible? In: Ryazancev, S. V. (ed.) *Migracionnye mosty v Evrazii* [Migration bridges in Eurasia], Conference Proceedings, Moscow, p. 459—464 (in Russ.).
23. The President Signed the Decree "On National Goals and Strategic Tasks of the Development of the Russian Federation for the Period until 2024", 2018, *Administration President of Russia*, available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/57425> (accessed 14.05.2018) (in Russ.).

The authors

Prof. Vladimir A. Iontsev, Head of the Department of Demography, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: vaiontsev@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9461-3542>

Alexander A. Subbotin, Researcher, Higher School of Contemporary Social Sciences, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: aasubbotin@yahoo.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5016-0473>

To cite this article:

Iontsev, V. A., Subbotin, A. A. 2018, Current Scenarios for the Demographic Future of the World: The Cases of Russia and Germany, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p. 4—18. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-1.

ГЕОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИГОРОДНОЙ ЗОНЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

*В. С. Дегусарова*¹

*В. Л. Мартынов*¹

*И. Е. Сазонова*¹

Представлен анализ структуры и динамики развития пригородной зоны Санкт-Петербурга, численность населения которой составляет более 1,6 млн человек. Применяются статистический, сравнительно-аналитический, исторический, эмпирический методы исследования. При этом учитываются не только демографические характеристики, но и показатели системы расселения. Отмечается, что особенно большое значение такие исследования имеют для пригородных территорий.

Актуальность проблемы обусловлена тем, что в российской общественной географии исследованиям пригородов уделяется небольшое внимание, тогда как в зарубежной географической науке они давно стали самостоятельным объектом исследований. Пригородная зона Санкт-Петербурга представляет интерес с точки зрения геодемографии в силу своих больших размеров, определяемых историей ее формирования. Система расселения пригородной зоны Санкт-Петербурга начала формироваться с основанием самого города и продолжает до сих пор. Ее современная пространственная структура определяется ныне существующей административной границей между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, формировавшейся на протяжении всего советского периода истории России. В результате длительного процесса формирования эта граница приобрела причудливый характер. Наиболее активная и притягательная часть территории пригородной зоны находится на расстоянии 14 (15)—30 (32) км от центра Санкт-Петербурга, между изохронами сорокаминутной и полтора часовой транспортной доступности. Двухчасовую изохрону (на расстоянии примерно 60 км от центра Санкт-Петербурга) можно считать границей как пригородной зоны, так и Санкт-Петербургской агломерации. Показано, что в настоящее время в пределах рассматриваемой пригородной зоны формируется новая система расселения, которая стала самой активной в демографическом, экономическом, социальном отношении частью территории Северо-Запада России.

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена 191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, 48.

Поступила в редакцию 24.04.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-2

© Дегусарова В. С., Мартынов В. Л., Сазонова И. Е., 2018

Ключевые слова: геодемография, пригородная зона, границы, численность населения, естественное движение населения, механическое движение населения, расстояние, изохроны

Введение

Геодемографические исследования в России в последние годы находятся на подъеме. Г. М. Федоров отмечает:

Геодемография — научная дисциплина, развивающаяся на стыке ряда общественных наук... Она обеспечивает комплексное изучение региональных особенностей демографических процессов в их обусловленности как внутренними (демографическими), так и внешними (экономическими, расселенческими, социальными, этническими, экологическими, политическими) факторами [1, с. 7].

Это определение представляется наиболее подходящим для осуществления геодемографических исследований, за одним исключением: расселенческие факторы обычно настолько тесно связаны с демографическими, что вряд их стоит рассматривать в качестве внешних. Более того, совместное изучение демографических и расселенческих факторов и позволяет относить исследование именно к геодемографическим, то есть географическим в своей основе.

Э. Л. Файбусович и С. Ю. Корнекова высказывают следующее мнение:

Очень хотелось бы, чтобы геодемография, впитывая идеи демографии в такой же мере, как экономическая география — экономических наук, социальная — социологических и так далее, развивалась как географическая наука [2, с. 34].

Т. Л. Бородина, не затрагивая определение понятия «геодемография» и крайне редко его употребляя, утверждает:

Анализ размещения населения и его территориальных сдвигов традиционно выступает в качестве одной из интегральных тем позднесоветской и российской социально-экономической географии, в рамках которой взаимосвязанно исследуются природно-ресурсный потенциал территорий, их хозяйственных систем и населения [3, с. 47].

В определении геодемографии прослеживается существенное отличие российской и англо-саксонской науки. В последней геодемография рассматривается скорее не как наука, а как чисто прикладное направление исследований, нацеленное на выявление разнообразных предпочтений тех или иных групп населения. Так, А. Синглетон и С. Спилман в статье «Прошлое, настоящее и будущее геодемографических исследований в Соединенных Штатах и Великобритании» утверждают:

Геодемографические модели могут быть определены как идиографические, основанные на описании характеристик множества географических ареалов, с их операционализацией, основанной на принципе, что социально-пространственная структура тесно связана с поведением, отношениями и предпочтениями... Геодемографические классификации «свободны от теории»... [4, р. 563].

В последние годы большое внимание уделяется пространственным аспектам Санкт-Петербурга и Ленинградской области. К числу последних по времени работ по этой теме можно отнести, в частности, статьи И. Л. Резникова «Выявление границ Санкт-Петербургской городской агломерации» [5], А. М. Ходачека «О Санкт-Петербургской агломерации на основе концепции градостроительного развития» [6]. Такого рода статьи публиковались и в зарубежных изданиях (см., например, [7]). Много исследований посвящено также

географическому изучению Московской агломерации, опыт которой может быть полезен для Санкт-Петербургской (см., например, [8; 9]). Значительное внимание геодемографическим (в англо-саксонском понимании) исследованиям городских агломераций уделяется в британской и американской географии (см., например, статью о геодемографии Большого Лондона [10]).

Но «агломерация» не тождественна «пригородной зоне». В понимании авторов данной статьи «пригородная зона» включает в свой состав территории Санкт-Петербурга, ранее являвшиеся «районами Ленинградской области, подчиненными Ленинградскому городскому совету», и непосредственно примыкающие к Санкт-Петербургу части территории Ленинградской области.

Собственно «пригородным» проблемам в советской, затем российской общественной географии внимания уделялось и уделяется немного. Пригороды воспринимались и зачастую воспринимаются сейчас лишь как «приложение» к главному городу агломерации. В западной географии, особенно американской, пригородные зоны стали рассматриваться как отдельный объект экономико-географических исследований несколько десятилетий назад. В качестве примера можно привести выдержавшую несколько изданий книгу «Suburban Gridlock» (однозначный перевод на русский язык дать сложно, самое подходящее — «Пригородный затор»), первое издание которой вышло в 1986 году, а последнее — в 2017-м [11]. В предисловии к этой книге ее автор Р. Черверо следующим образом характеризовал изменение значения пригородов:

Субурбия стала частью образа жизни американцев после II Мировой войны, как место, где семья может вести сельский образ жизни, имея при этом тот же выбор профессий, что и городские жители... Образ пригородов как преимущественно спальных районов навсегда изменился с перетоком туда офисов и предприятий, а также проблем, которые они несут с собой [11, р. XXI—XXII].

История российских, и в частности петербургских, «субурбий» существенно иная, чем в США, но многие наши современные «пригородные» проблемы очень похожи на североамериканские.

Граница Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Административные границы современного Санкт-Петербурга и Ленинградской области складывались на протяжении нескольких десятков лет и в большей своей части имеют искусственный характер. Часто эти границы проходят в буквальном смысле посередине улицы, одна сторона которой принадлежит Санкт-Петербургу, а другая — Ленинградской области. Может возникнуть вопрос: каким образом сформировались границы Санкт-Петербурга и Ленинградской области, вдоль которых сложились пригородные зоны? Ответ на него следует искать в истории системы административно-территориального деления (АТД) советского времени. В СССР целесообразность установления административных границ не обсуждалась в открытой печати и даже научной литературе. Никаких объяснений процессам формирования ныне существующей системы АТД дать нельзя, логику в этих процессах искать бесполезно, можно лишь описать, как формировались те или иные границы.

В ходе реформы административно-территориального деления второй половины 20-х годов, известной как «районирование», из Ленинграда, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Череповецкой и Мурманской губерний была образована Ленинградская область (официальная дата образования — 1 августа 1927 года). В ее составе в 1930 году образуется Ленинградский При-

городный район, окружавший со всех сторон тогдашнюю территорию Ленинграда. В 1931 году Ленинград был выделен из состава Ленинградской области, в подчинение Ленинградскому городскому совету передается Кронштадт. В 1936 году Ленинградский Пригородный район упраздняется, часть его территории с городами Петергоф, Детское Село (Пушкин) и Колпино подчиняется Ленинградскому городскому совету, оставаясь при этом в составе Ленинградской области.

Остальная часть территории Ленинградского Пригородного района остается и в составе, и под управлением Ленинградской области. Образуются Красносельский, Слудский (Павловский), Парголово и Всеволожский районы. В 1948 году Ленинграду подчиняется г. Сестрорецк и небольшая часть территории, до 1940 года входившей в состав Финляндии, с главным городом Териоки (Зеленогорск). В 1950 году Ленинграду подчиняется г. Урицк (Лигово), затем включенный в черту города.

В 1953 году упраздняется Павловский район Ленинградской области, территория которого делится между Ленинградом (северная часть района с г. Павловск) и Ленинградской областью (Тосненским и Гатчинским районами). В 1954 году то же самое происходит с Парголово районом. Южная его часть с поселками Парголово, Левашово, Осиновая Роща была отнесена к Выборгскому (Ленинград) и Сестрорецкому (подчиненные Ленинграду территории) районам, северная — к Всеволожскому району Ленинградской области. В результате Всеволожский район стал состоять из двух почти не связанных между собой частей, разделенных Ржевским артиллерийским полигоном. В 1955, 1960 и 1963 годах к Ленинграду отходят части территории Всеволожского района, граница города отодвигается на восток. В 1973 году частью Ленинграда становится г. Красное Село. В 1976 году Ленинграду подчиняется г. Ломоносов, при этом остающийся районным центром Ленинградской области¹.

В результате всех этих многочисленных изменений формируется крайне причудливая граница Санкт-Петербурга и Ленинградской области. На северном берегу Финского залива самая дальняя точка городской территории находится примерно в 70 км от центра города (пос. Смолячково Курортного района), на южном берегу — примерно в 50 км (Бронка, западная окраина г. Ломоносов), на севере — в 25 км (пос. Осиновая Роща Выборгского района Санкт-Петербурга), на юге — примерно в 30 км (неподалеку от пос. Лесное Пушкинского района Санкт-Петербурга), на востоке — примерно в 10 км.

С принятием в 1993 году ныне действующей Конституции Российской Федерации город федерального значения Санкт-Петербург и Ленинградская область получают статус *субъектов Федерации*. Границы между ними закрепляются региональными законами. В Санкт-Петербурге был принят закон от 31.12.1996 года № 186-59 «Об административно-территориальном устройстве Санкт-Петербурга», вместо которого в настоящее время действует закон «О территориальном устройстве Санкт-Петербурга» от 30.06.2005 года². В Ленинградской области закон «Об административно-территориальном делении Ленинградской области» № 9-ОЗ был принят 17.04.1996 года. В настоящее время вместо него действует закон с тем же названием от 26.05.2017 года³.

¹ См.: *Административно-территориальное деление Ленинградской области* : справочник. URL: http://msu.lenobl.ru/Files/file/2_-_soderzhanie.pdf (дата обращения: 21.04.2018).

² *О территориальном устройстве Санкт-Петербурга* : закон Санкт-Петербурга. URL: <http://gov.spb.ru/law?d&nd=8414528> (дата обращения: 21.04.2018).

³ *Закон об административно-территориальном устройстве Ленинградской области*. URL: <http://docs.cntd.ru/document/891832035> (дата обращения: 21.04.2018).

Этими законами фактически отменялся статус «территорий Ленинградской области, подчиненных Администрации Санкт-Петербурга», и те территории, которые числились таковыми (Кронштадтский и Курортный районы, часть Приморского и Выборгского районов, Колпинский, Пушкинский, Петродворцовый районы) были юридически включены в состав Санкт-Петербурга. Однако про давно уже несуществующие «подчиненные районы» упоминают даже в научных статьях: «По своей периферии РМЖЗ (районы массовой жилой застройки. — *Примеч. авт.*) граничат с кольцом пригородных территорий городского подчинения» [12, с. 43]. Ко времени выхода из печати цитируемой статьи (2010 г.) «пригородных территорий городского подчинения» юридически не существовало уже 14 лет. Кроме того, даже в период, когда они существовали, «кольца» вокруг города эти территории не образовывали — их никогда не было к востоку от Санкт-Петербурга, где он непосредственно граничил с Ленинградской областью.

Небольшие изменения границ между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, меняющие в числе прочего и места регистрации граждан по месту жительства (Санкт-Петербург на Ленинградскую область и наоборот), происходили нередко. Так, в 2004 году в состав Ленинградской области из состава Курортного района Санкт-Петербурга передана территория танкового полка, расположенного между пос. Песочный (Курортный район Санкт-Петербурга) и г. Сертолово (Всеволожский район Ленинградской области). Соответственно примерно 1,5 тыс. человек были «перемещены» между субъектами Федерации, не покидая своих домов. Аналогичная ситуация сложилась с воинской частью, расположенной у Рябовского шоссе, на границе с Всеволожским районом Ленинградской области, но там она затронула 500 человек⁴.

В 2010 году изменена в пользу Санкт-Петербурга граница между Ломоносовским районом Ленинградской области и Красносельским районом Санкт-Петербурга, где был построен новый жилой микрорайон, получивший название Ново-Горелово. Принадлежность территории, на которой с разрешения городских властей построен жилой комплекс, к Ленинградской области обнаружилась лишь в процессе постройки. В результате эта территория и несколько тысяч человек, живущих здесь, были переданы в состав Санкт-Петербурга⁵.

Большой проблемой в «территориальных» отношениях Санкт-Петербурга и Ленинградской области является пос. Хвойный с населением более 5 тыс. человек, расположенный к югу от основной территории Санкт-Петербурга, но входящий в его состав, будучи при этом со всех сторон окруженным территорией Гатчинского района Ленинградской области [13]. При первоначальном определении границ между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью как субъектами Федерации во второй половине 1990-х годов городские власти про этот поселок просто забыли.

⁴ См.: Новая граница между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью ставит под сомнение легитимность петербургских депутатов. URL: <https://regnum.ru/news/226072.html> (дата обращения: 21.04.2018).

⁵ Об утверждении Дополнительного соглашения к Соглашению «Об уточнении границы между Санкт-Петербургом и Ленинградской областью как субъектами Российской Федерации»: постановление Законодательного собрания Ленинградской области от 08.12.2010 г. URL: <http://lenobl.kodeks.ru/lenobl?d&nd=891843911&prevDoc=891843911&spack=110listid%3D01000000100%26listpos%3D175%26lsz%3D5089%26nd%3D9000002%26nh%3D0%26start%3D160%26> (дата обращения: 21.04.2018).

Санкт-Петербург и Ленинградская область: две стороны пригородной зоны

В таблице 1 приводятся сведения об изменении численности населения основных городов современной пригородной зоны Санкт-Петербурга, независимо от их нынешней административной принадлежности к нему или Ленинградской области. Название городов приводятся в порядке их географического расположения вокруг Санкт-Петербурга по часовой стрелке. Следует отметить, что юридический статус городов и поселков, входящих в состав Санкт-Петербурга, не вполне понятен. Официально на этой территории существует только один населенный пункт — город Санкт-Петербург. Реально существование городов и поселков продолжается, это признается и Главным управлением миграционной службы МВД РФ (ранее — Федеральная миграционная служба), регистрирующей граждан по месту жительства в этих городах и поселках с обязательным их указанием, например: «Санкт-Петербург, город Петергоф». Если поселок входит в состав другого города или поселка, что тоже бывает, то официальный адрес приобретает «многоэтажный» характер, например: «Санкт-Петербург, Парголово, Осиновая Роща». Без указания города или поселка обозначить «пригородный» адрес невозможно, так как улицы с «типовыми» названиями (Ленина, Советская, Лесная, Парковая, Спортивная, Школьная и т. д.) в юридических границах города встречаются многократно.

Таблица 1

Численность населения городов пригородной зоны Санкт-Петербурга в конце XIX — начале XXI века*

Город	Численность населения, тыс. чел.			
	1897 год	1959 год	1989 год	2018 год
Сестрорецк	10	25	35	41
Серголово	—	—	18	53
Всеволожск	—	—	32	73
Шлиссельбург	5	7	13	15
Кировск	—	11	24	27
Отрадное	—	6	24	25
Колпино	9	35	141	146
Никольское	—	—	17	23
Тосно	—	15	32	38
Коммунар	—	5	18	22
Пушкин	22	46	98	110
Гатчина	15	37	79	94
Красное Село	3	16	Нет сведений**	57
Петергоф	11	38	81	98***
Ломоносов	5	28	42	43
Кронштадт	60	40	45	44

* Города в таблице обозначены так, как они называются в настоящее время.

** По переписи 1989 года г. Красное Село, являющийся частью Красносельского района Ленинграда — Санкт-Петербурга, отдельно не учитывался.

*** Численность населения г. Петергоф на 1959, 1989 и 2018 гг. вместе с пос. Стрельна, без него численность населения Петергофа на 2018 г. 83 тыс. человек.

Источники: *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. Наличное население в губерниях, уездах, городах Российской Империи (без Финляндии). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php (дата обращения: 21.04.2018); *Всеобщая* перепись населения 1959 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу. URL:

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus59_reg2.php (дата обращения: 21.04.2018); *Все-союзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения РСФСР, ее территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу*. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg2.php (дата обращения: 21.04.2018); *Численность населения Санкт-Петербурга по состоянию на 1 января 2018 года*. URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/4e67d90040bd4afc874f87a3e1dde74c/СПб+числ+на+01.01.2018+по+МО.pdf (дата обращения: 21.04.2018); *Оценка численности населения Ленинградской области на 1 января 2018 года*. URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/resources/8478a90040bd4d06876d87a3e1dde74c/ЛО_Числ+на+01.01.2018.pdf (дата обращения: 21.04.2018).

Может возникнуть вопрос: почему в таблице 1 отсутствуют данные о численности населения городов пригородной зоны в межвоенное время? Существовавшие к 1941 году пригороды Ленинграда во время Великой Отечественной войны претерпели очень сильные разрушения, особенно это касается городов, занятых германской армией: Петергофа, Красного Села, Гатчины, Пушкина, Павловска. По утверждению Ю.А. Ступина, городское население Ленинградской области на 1 января 1945 года составляло 27,4% довоенной численности [14, с. 65] Другими словами, после 1945 года история этих населенных пунктов начинается, по сути, заново, и они представляют собой не продолжение существовавших до 1941 года городов, а новые, стоящие на том же месте [15]. Сведения же о численности населения в 1897 году в таблице 1 приводятся главным образом для того, чтобы можно было понять особенности пространственной трансформации системы городских поселений в пригородной зоне Ленинграда-Санкт-Петербурга на протяжении XX века.

На конец XIX — начало XX века практически все «пригородные города» располагались к югу от Санкт-Петербурга, четко сохраняя «магистральный» характер расположения, существовавший с XVIII века. В межвоенное время в пригородной системе расселения появляется только один новый город — Кировск (Невдубстрой), возникший как поселок при строительстве ГРЭС и «перетянувший» на себя основные функции Шлиссельбурга в верхнем течении Невы. В послевоенные десятилетия система городского расселения в пригородной зоне Ленинграда начинает постепенно меняться за счет территорий к северу и востоку от Ленинграда, ранее не имевших городских поселений.

С возобновлением массового жилищного строительства в начале XXI века начинается «заполнение пространства», отделяющего эти пригородные города как от Санкт-Петербурга, так и друг от друга, что обеспечило очередной старт отложенного в 1990-е годы поляризационного разворота Петербургской системы расселения. Анализ региональных систем расселения России с позиции теории дифференциальной урбанизации еще на рубеже XX—XXI веков предлагали проводить Т.Г. Нефедова и А.И. Трейвиш [16; 17].

Чтобы оценить объем и значение этого «заполнения пространства» и геодемографическую составляющую поляризационной реверсии, есть смысл провести анализ изменений численности населения на приграничных территориях Ленинграда-Санкт-Петербурга и Ленинградской области за 1979—2017 годы. Выбор 1979 года в качестве исходной даты определяется тем, что к этому времени окончательно складывается существующая система АТД Ленинградской области.

В таблице 2 приводятся данные по районам Ленинграда-Санкт-Петербурга, до середины 1990-х годов числившимся в составе «территорий Ленинградской области, подчиненных Ленинградскому городскому совету». Районы собственно Ленинграда-Санкт-Петербурга — даже те, которые граничат непосредственно с Ленинградской областью, — не учитывались. Со стороны Ленинградской области учтены все районы, граничащие с Ленинградом-Санкт-Петербургом, кроме Выборгского района, поскольку основная его часть к приго-

родным районам Санкт-Петербурга не относится. Соответственно в качестве пригородных районов Ленинграда учтены Кронштадтский и Курортный (ранее Сестрорецкий) районы, пригородные части Приморского (ранее Ждановского) и Выборгского (Санкт-Петербург) районов, Колпинский, Пушкинский, Павловский (существовал в 1995—2005 годах), Петродворцовый и Ломоносовский (Санкт-Петербург; существовал в 1995—2003 годах) районы, а в качестве пригородных районов Ленинградской области — Всеволожский, Кировский, Тосненский, Гатчинский, Ломоносовский (Ленинградская область) районы (табл. 2).

Таблица 2

Численность и доля (% в общей численности) населения пригородных районов Ленинграда-Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 1979—2017 годах

Год	Пригородные районы Ленинграда-Санкт-Петербурга		Пригородные районы Ленинградской области		Всего	
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%
1979	514	11,2	591	38,9	1105	18,1
1989	563	11,2	661	39,8	1224	18,3
2002	543	11,5	728	43,6	1264	20,0
2012	592	12,0	803	48,1	1395	20,1
2018	733	13,7	877	50,0	1610	22,5

Расчитано по: *Всесоюзная перепись населения 1979 г.*; *Всесоюзная перепись населения 1989 г.*; *Всероссийская перепись населения 2002 г.*; *Численность населения муниципальных образований Санкт-Петербурга на 1 января 2012 года*; *Численность населения муниципальных образований и Сосновоборского городского округа Ленинградской области на 1 января 2012 года*; *Численность населения Санкт-Петербурга по состоянию на 1 января 2018 года*; *Оценка численности населения Ленинградской области на 1 января 2018 года.*

На протяжении десятилетия между последними советскими переписями (1979—1989 гг.) прослеживается спокойное «эволюционное» развитие обеих сторон пригородной зоны тогдашнего Ленинграда — как городской, так и областной ее частей. Рост численности населения здесь происходил примерно такими же темпами, как в целом по Ленинграду и области.

Особенностью пригородной зоны и со стороны Ленинграда, и со стороны области тогда была и остается до настоящего времени очень высокая доля частного сектора. Участки под одноэтажную застройку особенно активно выделялись в 1950—1960-е годы с целью решения «жилищной проблемы» Ленинграда. В результате этого сформировались массивы частной застройки, где концентрировались рабочие и инженерно-технический персонал определенных предприятий: например, пос. Скорород, входящий в состав Петергофа. Большое значение имела также многоэтажная застройка пригородов так называемым хозяйственным способом, то есть теми предприятиями, организациями и учреждениями, которым требовалось улучшение жилищных условий для их работников. Хозспособ означал, что такая застройка велась силами самих этих предприятий и за их счет. Под хозспособ отводились наименее востребованные участки городской территории. Так, в пос. Песочный Сестрорецкого (ныне Курортного) района появился жилой массив завода «Русский дизель».

В 90-е годы XX века численность населения пригородных территорий Ленинградской области растет быстрее, чем пригородных районов Санкт-Петербурга. В последних количество жителей сокращается вместе с численностью населения города в целом. В Ленинградской области в это же время осуществляется активная жилая застройка территорий, непосредственно примыкающих

к границам Санкт-Петербурга. В первую очередь это касается Всеволожского района, где начинается постройка новых жилых кварталов на территориях, прилегающих к станции метро «Девяткино» (единственной станции Петербургского метрополитена, находящейся на территории Ленинградской области). В первые годы XXI в. быстрый рост численности населения характерен для пригородных территорий как Санкт-Петербурга, так и Ленинградской области.

Для Санкт-Петербурга рост численности и доли населения пригородных районов однозначно свидетельствует о том, что в городской системе расселения концентрация ослабевает, а поляризация сокращается. В таблице 3 сопоставляются сведения о численности населения центральных и пригородных районов Ленинграда-Санкт-Петербурга за 1959—2017 годы. Под центральными понимаются районы, в которых проживала большая часть населения Санкт-Петербурга-Ленинграда до середины XX века. Для 1959 и 1989 годов это Ленинский, Октябрьский, Куйбышевский, Смольнинский, Дзержинский, Василеостровский (в 1959 году — вместе со Свердловским) и Петроградский районы; для 2002, 2012 и 2017 годов — Адмиралтейский (включивший в свой состав Ленинский и Октябрьский районы), Центральный (бывшие Куйбышевский, Смольнинский и Дзержинский районы), Василеостровский и Петроградский.

Таблица 3

**Численность и доля (% от общей численности) населения
центральных и пригородных районов
Ленинграда-Санкт-Петербурга в 1979—2017 годах**

Год	Пригородные районы		Центральные районы	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1959	357	11,6	1 513	52,2
1979	514	11,2	951	20,7
1989	563	11,2	850	16,9
2002	543	11,5	759	16,3
2012	592	12,0	716	14,5
2018	733	13,7	730	13,6

Рассчитано по: *Всесоюзная перепись населения 1959 г.*; *Всесоюзная перепись населения 1979 г.*; *Всесоюзная перепись населения 1989 г.*; *Всероссийская перепись населения 2002 г.*; *Численность населения муниципальных образований Санкт-Петербурга на 1 января 2012 года*; *Численность населения муниципальных образований и Сосновоборского городского округа Ленинградской области на 1 января 2012 года*; *Численность населения муниципальных образований Санкт-Петербурга по состоянию на 1 января 2018 года*; *Оценка численности населения Ленинградской области на 1 января 2018 года*.

По состоянию на 1 января 2018 года доля пригородных районов в общей численности населения впервые в истории города превысила долю центральных районов. Еще в 2014 году утверждалось, что «в России... деконцентрации населения под влиянием субурбанизации пока не случилось» [18, с. 65]. Сведения, приводимые в таблице 3, показывают, что деконцентрация населения в Санкт-Петербурге «случилась» давно, она происходит уже несколько десятков лет.

Ничего нового или необычного в ускоренном развитии пригородов, проявляющемся в первую очередь в росте численности населения, нет. Это логичное продолжение основных тенденций пространственного развития города, представляющего собой «слоеный пирог», где чередуются жилые и промышленные пояса. Развитие окраин Ленинграда в 60—80-е годы XX века также было проявлением деконцентрации. Более того, можно считать, что в быстром росте этих окраин проявлялся процесс субурбанизации: все новые окраинные районы Санкт-Петербурга возникли на месте пригородных поселений, до середины

XX века не входивших в черту города. Так, нынешний крупный жилой массив Шувалово-Озерки возник на месте поселков Первое Парголово и Второе Парголово. Огромный «спальный» массив Купчино, сформированный между Московской и Витебской железными дорогами в 1960—1990-е годы, сохранил название одного из сёл, существовавших на этой территории. Если бы границы Санкт-Петербурга-Ленинграда в XX веке не менялись, как это было, например, в Париже или Нью-Йорке, то, скорее всего, вокруг Санкт-Петербурга с южной границей по Обводному каналу, а северной — по Большой Невке располагалось бы несколько десятков самостоятельных городских поселений.

Санкт-Петербург и Ленинградскую область очень часто «объединяют» в самых разных отношениях, в том числе и геодемографическом (см., например, [19]). В реальности это совершенно различные во всех отношениях регионы, что хорошо заметно и по основным геодемографическим тенденциям.

Для Ленинградской области рост численности населения пригородных районов означает усиление процесса его концентрации, а следовательно, дальнейшее углубление хронического демографического раздела между периферийными и пригородными территориями. Для области с 2003 года характерен рост численности населения за счет компенсирующего естественную убыль миграционного прироста. Причем с каждым годом вклад пригородных районов в положительную динамику областного населения увеличивается, а с 2012 года в периферийных муниципальных районах наблюдается суммарное сокращение численности населения вследствие уменьшающегося миграционного прироста — как результат пониженной аттрактивности этих территорий (табл. 4). К 2016 г. положительная динамика населения в Ленинградской области за пределами пригородной зоны сохранилась только в Сосновоборском городском округе (г. Сосновый Бор, градообразующее предприятие — Ленинградская атомная электростанция).

Таблица 4

Компоненты формирования численности населения пригородных муниципальных районов Ленинградской области в 2011—2016 годах (человек)

Муниципальный район	2011			2013			2016		
	ЕП	МП	СП	ЕП	МП	СП	ЕП	МП	СП
Ленинградская область, всего	-10481	25807	15326	-9813	22602	12789	-8600	21659	13059
Пригородные МР, всего	-4205	17487	13282	-3882	19201	15319	-3024	22010	18986
Всеволожский	-981	6389	5408	-853	12008	11155	-355	19329	18974
Гатчинский	-1293	5309	4016	-1352	4144	2792	-1124	767	-357
Кировский	-682	1905	1223	-572	194	-378	-472	961	489
Ломоносовский	-421	168	-253	-412	462	50	-374	595	221
Тосненский	-828	3716	2888	-693	2393	1700	-699	358	-341
Периферийные МР, всего	-3929	5600	1671	-3620	1460	-2160	-3478	51	-3427

Примечание: ЕП — естественный прирост; МП — миграционный прирост; СП — суммарный прирост; МР — муниципальные районы.

Рассчитано по: База данных показателей муниципальных образований Ленинградской области. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst41/DBInet.cgi> (дата обращения: 21.04.2018).

По мнению А. Махровой и П. Кириллова, в постсоветской России сложилась новая модель урбанизации, для которой жилищная сфера становится важным индикатором и фактором развития [20]. Но следует иметь в виду, что скорее активное жилищное строительство ведется там, где стремятся жить люди, чем наоборот. Это подтверждается сведениями, приводимыми В. И. Гришановым, Н. Н. Ноздриной и И. М. Шнейдерман:

Возникает парадоксальная на первый взгляд ситуация, при которой мигрантов прежде всего привлекает жизнь в крупных городах и агломерациях, где жилье наиболее дорого. Это связано с тем, что именно в них представлен широкий выбор мест приложения труда для специалистов различных уровней квалификации. <...> Это еще раз подтверждает, что ведущим фактором привлечения мигрантов в настоящее время выступает отнюдь не жилье — но оно является существенным ограничением для успешной миграции [21, с. 92, 95].

Растущая потенциальная селитебная емкость пригородной зоны стала причиной расхождения трендов миграционной динамики этой территории Ленинградской области и ее периферийных частей, разнообразила миграционные потоки, изменила балансы миграций (табл. 5).

Таблица 5

**Миграционный прирост пригородных муниципальных районов
Ленинградской области в 2011—2016 годах (человек)**

Муниципальный район	Миграционный прирост	2011	2013	2016
Всеволожский	Всего	6389	12008	19329
	В пределах России	5286	9210	17729
	внутрирегиональная	–151	526	1245
	межрегиональная	5437	8684	16484
	Международная	1103	2798	1600
Гатчинский	Всего	6540	11482	18084
	В пределах России	5309	4144	767
	внутрирегиональная	4328	2915	530
	межрегиональная	150	204	–98
	Международная	4178	2711	628
Кировский	Всего	981	1229	237
	В пределах России	5159	3940	865
	внутрирегиональная	1905	194	961
	межрегиональная	1354	716	614
	Международная	–16	–91	39
Ломоносовский	Всего	1370	807	575
	В пределах России	551	–522	347
	внутрирегиональная	1921	285	922
	межрегиональная	168	462	595
	Международная	6	56	483
	В пределах России	–58	–108	–34
	внутрирегиональная	64	164	517
	межрегиональная	162	406	112
	Международная	226	570	629
	Внешняя (для региона) миграция			

Окончание табл. 5

Муниципальный район	Миграционный прирост	2011	2013	2016
Госненский	Всего, из него:	3716	2393	358
	в пределах России, в т. ч.	3308	1321	163
	внутрирегиональная	349	114	-59
	межрегиональная	2959	1207	222
	международная	408	1072	195
	Внешняя (для региона) миграция	3367	2279	417

Составлено по: База данных показателей муниципальных образований Ленинградской области.

Под увеличивающимся давлением мигрантов оказались муниципальные районы, лидирующие по масштабам жилищного строительства: Всеволожский и Ломоносовский, где миграционный прирост за 2011—2016 годы возрос более чем в 3 раза. Некоторые поселения побили рекорды прироста миграционного сальдо, например Аннинское — в 69 раз, в Муринское — в 13 раз.

Растущие масштабы потоков в пригородную зону мигрантов, омолаживающих возрастную структуру, могли бы стать реальным региональным фактором улучшения показателей естественного воспроизводства населения. Однако ожидаемый эффект на муниципальном уровне пока не проявился, о чем свидетельствует динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности. К 2016 году ощущается лишь точечный результат: сложившийся естественный прирост отмечен лишь в отдельных поселениях области, примыкающих к границам Санкт-Петербурга, причем только за счет низкой смертности, уровень рождаемости ни в одном из них, за исключением Всеволожского поселения, даже не приблизился к областному показателю (табл. 6).

Таблица 6

Общие коэффициенты рождаемости, смертности, естественного прироста пригородных муниципальных районов Ленинградской области в 2011—2016 годах (на 1000 человек)

Муниципальный район	Общий коэффициент	2011	2013	2016
Ленинградская область	ОКР	8,6	8,8	9,2
	ОКС	14,7	14,4	14,0
	ОКЕП	-6,1	-5,6	-4,8
Всеволожский	ОКР	7,7	8,5	9,6
	ОКС	11,4	11,6	10,7
	ОКЕП	-3,7	-3,1	-1,1
Гатчинский	ОКР	8,5	8,4	8,9
	ОКС	14,0	13,9	13,5
	ОКЕП	-5,5	-5,5	-4,6
Кировский	ОКР	8,0	8,4	9,1
	ОКС	14,7	13,8	13,6
	ОКЕП	-6,7	-5,4	-4,5
Ломоносовский	ОКР	7,0	7,6	7,7
	ОКС	13,0	13,5	13,0
	ОКЕП	-6,0	-5,9	-5,3

Муниципальный район	Общий коэффициент	2011	2013	2016
Тосненский	ОКР	8,2	8,4	8,0
	ОКС	14,9	13,7	13,4
	ОКЕП	-6,7	-5,3	-5,4

Примечание: ОКР — общий коэффициент рождаемости; ОКС — общий коэффициент смертности; ОКЕП — общий коэффициент естественного прироста.

Составлено по: База данных показателей муниципальных образований Ленинградской области ; Регионы России. Социально-экономические показатели — 2014 г. Общие коэффициенты рождаемости, смертности, младенческой смертности и естественного прироста населения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B14_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/02-08-1.htm (дата обращения: 11.04.2018).

К сожалению, аналогичные данные по пригородным районам Санкт-Петербурга приводить не имеет смысла в силу особенностей системы регистрации рождений. Федеральный закон от 15.11.1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» утверждает, что «Государственная регистрация рождения производится органом записи актов гражданского состояния по месту рождения ребенка или по месту жительства родителей» (п. 1)⁶. Местом рождения для всех родившихся в Санкт-Петербурге записывается только Санкт-Петербург, без указания района, муниципального образования и т.д. Учет родившихся ведется районными органами ЗАГС, но оформлять свидетельство о рождении ребенка в ЗАГСе по месту жительства (регистрации по месту жительства или пребывания) родителей или по месту фактического рождения ребенка (в большинстве случаев — адресу родильного дома) — зависит только от воли самих родителей. При этом реальное место жительства родителей может не совпадать и очень часто не совпадает с официальным. Кроме того, детей, появившихся на свет в «северной столице», здесь же регистрируют жители других регионов России и даже зарубежных стран. Вследствие этого к данным о естественном движении населения по районам, а тем более муниципальным образованиям Санкт-Петербурга можно относиться лишь с очень высокой долей условности, и всерьез воспринимать их вряд ли стоит.

Сложности возникают и при рассмотрении процессов естественного движения населения по городским/сельским поселениям Ленинградской области, относящимся к пригородной зоне. Так, общий коэффициент рождаемости Сертоловского и Всеволожского городских поселений (оба — Всеволожский район), очень сходных по темпам и направленности изменения численности населения в постсоветское время, на 2016 год отличается в 2,7 раза (Сертоловское ГП — 6,5‰, Всеволожское — 17,7‰). Объяснение этого различия простое — во Всеволожске находится единственный родильный дом Всеволожского района. Новорожденные, регистрируемые по месту рождения, учитываются по Всеволожскому городскому поселению. От Сертолово ближе до родильных домов Санкт-Петербурга, чем Всеволожска, и младенцев, появившихся на свет в этих родильных домах, родители предпочитают регистрировать также по месту рождения — в Санкт-Петербурге.

⁶ Об актах гражданского состояния» от 15.11.1997 года № 143-ФЗ (последняя редакция): федеральный закон. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16758 (дата обращения: 21.04.2018).

Пригородная зона как симбиоз Санкт-Петербурга и Ленинградской области

Следует сказать, что на обеих сторонах границы Санкт-Петербурга и Ленинградской области формируются очень сходные между собой территориальные общности, по терминологии А. А. Ткаченко [22], или территориальные общественные системы, по А. Г. Дружинину, который отмечает:

ТОС (территориальная общественная система. — *Примеч. авт.*)... должна все в большей мере восприниматься и как сочетание территориально-социальных (экономических, культурных, политических) программ, отношений, институтов, образов, «работающих» (и проявляющихся) в природно-хозяйственной, экономико-демографической и социально-экологической, экистической и иных сферах [23, с. 43].

Для подтверждения этого в таблице 7 приведены сведения о росте численности населения для муниципальных образований Санкт-Петербурга и городских/сельских поселений Ленинградской области, расположенных в пределах пригородной зоны. Муниципальные образования (МО) — низовой уровень системы АТД Санкт-Петербурга, городские/сельские поселения (ГП/СП) — низовой уровень системы АТД Ленинградской области. Указываются сведения о численности населения МО в пределах «пригородных» частей Санкт-Петербурга, включая южную часть Красносельского района, и всех ГП/СП Ленинградской области, примыкающих к границам города, включая ГП/СП Выборгского района. Приводятся также сведения о расстоянии от центров МО и ГП/СП до центра собственно Санкт-Петербурга. Муниципальные образования Санкт-Петербурга и городские поселения Ленинградской области располагаются по часовой стрелке. Поскольку ГП/СП Ленинградской области, примыкающих к границам Санкт-Петербурга, меньше, чем МО в пределах «пригородных» районов Санкт-Петербурга, прямое соответствие между графами таблицы прослеживается не всегда.

Таблица 7

**Численность населения пригородных МО Санкт-Петербурга
и ГП/СП Ленинградской области**

Район и муниципальное образование Санкт-Петербурга				Район и городское/сельское поселение Ленинградской области			
Название	Численность населения, тыс. чел.		р*	Название	Численность населения, тыс. чел.		р
	2012	2018			2012	2018	
<i>Курортный район</i>				<i>Выборгский район</i>			
пос. Смолячково	0,5	0,8	70	Полянское	15,7	15,4	87
пос. Молодежное	1,6	1,7	66	Первомайское	8,7	9,5	67
пос. Серово	0,3	0,3	65	Рошинское	20,4	20,8	66
пос. Ушково	0,6	0,7	60	<i>Всеволожский район</i>			
г. Зеленогорск	15,1	15,3	50	Сертоловское	48,9	53,0	27
пос. Комарово	1,2	1,3	48	Юкковское	3,4	4,2	20
пос. Репино	2,5	2,8	45	Бугровское	9,1	13,4	17
пос. Солнечное	1,4	1,6	41	Муринское	8,3	30,8	18
г. Сестрорецк	37,8	41,1	36	Новодевятикинское**	11,4	18,4	20
пос. Белоостров	2,1	2,2	34	Всеволожское	60,6	73,1	30
пос. Песочный	8,3	9,0	27	Заневское	7,5	29,6	15
<i>Приморский район</i>				Свердловское	10,6	12,1	29
пос. Лисий Нос	4,8	4,9	25	<i>Кировский район</i>			
Лакhta-Ольгино	4,0	4,4	21	Отраденское	24,5	25,4	36

Окончание табл. 7

Район и муниципальное образование Санкт-Петербурга				Район и городское/сельское поселение Ленинградской области			
Название	Численность населения, тыс. чел.		Р*	Название	Численность населения, тыс. чел.		Р
	2012	2018			2012	2018	
<i>Выборгский район</i>				<i>Тосненский район</i>			
пос. Левашово	3,7	4,9	24	Никольское**	20,4	23,1	45
пос. Парголово	15,9	59,2	20	Красноборское	5,2	5,2	39
<i>Колпинский район</i>				Тельмановское			
Металлострой	26,6	29,2	22	Фёдоровское	3,7	4,2	37
Усть-Ижора	1,5	1,8	22	<i>Гатчинский район</i>			
Петро-Славянка	1,1	1,3	23	Сусанинское	7,8	8,4	66
Понтонный	8,3	9,0	26	Коммунарское	20,7	22,1	38
Сапёрный	1,4	1,6	29	Пудомягское	6,0	6,4	47
Г. Колпино	140,4	145,7	31	Веревское	6,6	7,2	41
<i>Пушкинский район</i>				<i>Ломоносовский район</i>			
пос. Шушары	23,3	77,1	16	Виллозское	6,6	7,8	43
пос. Александровская	2,7	2,7	25	Лаголовское	3,8	3,6	36
г. Пушкин	95,2	109,9	26	Аннинское	7,7	9,4	27
пос. Тярлево	2,0	1,4	28	Горбунковское	9,9	9,0	30
г. Павловск	16,4	17,7	33	Низинское	4,0	4,3	35
<i>Красносельский район</i>				Пениковское			
Горелово	23,3	29,7	26				
г. Красное Село	45,0	56,8	28				
<i>Петродворцовый район</i>							
пос. Стрельна	12,6	14,8	25				
г. Петергоф	74,1	82,9	30				
г. Ломоносов	43,1	43,2	40				
<i>Кронштадтский район</i>							
г. Кронштадт	43,7	44,4	51				

* Расстояние до центра Санкт-Петербурга.

** Непосредственно с Санкт-Петербургом не граничит, но находится на очень небольшом расстоянии от границы.

Составлено по: Численность населения муниципальных образований и Сосновоборского городского округа Ленинградской области на 1 января 2012 года; Численность населения Санкт-Петербурга по состоянию на 1 января 2018 года; Численность населения муниципальных образований Санкт-Петербурга по состоянию на 1 января 2018 года; Оценка численности населения Ленинградской области на 1 января 2018 года.

Следует иметь в виду, что приводимые выше данные отражают численность населения, зарегистрированного в МО Санкт-Петербурга и ГП/СП Ленинградской области по месту жительства или по месту пребывания. Реальная численность населения может совпадать с приводимой в таблице, а может отличаться как в большую, так и в меньшую сторону. Но определить эту реальную численность по показателям текущего учета нельзя.

По имеющимся данным, прирост численности населения в пригородной зоне Санкт-Петербурга приходится главным образом на населенные пункты, расположенные на расстоянии примерно от 14—16 до 30—32 км от центра города, независимо от того, принадлежат они Санкт-Петербургу или Ленин-

градской области. В ряде случаев рост в населенных пунктах, расположенных в этом интервале, происходит едва ли не скачкообразно. Так, к северу от города в МО Парголово (Выборгский район Санкт-Петербурга), центр которого находится примерно в 20 км от центра Санкт-Петербурга, численность населения за 6 лет (2012—2018 гг.) выросла почти вчетверо, с 16 до 60 тыс. человек. В расположенном к югу (16 км) от Санкт-Петербурга МО Шушары (Пушкинский район Санкт-Петербурга) количество жителей увеличилось с 23 до 77 тыс. человек, то есть без малого в 4 раза. В Муринском ГП (Всеволожский район Ленинградской области), расположенном в 18 км от центра Санкт-Петербурга, численность населения также увеличилась почти вчетверо — с 8,3 тыс. до 30,8 тыс. человек. Примерно таким же было увеличение количества жителей в Заневском ГП (расстояние от центра Санкт-Петербурга 15 км) — с 7,5 тыс. до 29,6 тыс. человек.

В этом же поясе (от 14—15 до 30—32 км) находятся уже сложившиеся крупные поселения пригородной зоны, где также быстро нарастает численность населения (Сертолово, Всеволожск, Пушкин, Петергоф и др.). Следует иметь в виду, что столь большой для пригородной зоны разброс расстояний (14—15 км и 30—32 км) в значительной мере связан с тем, что берутся расстояния от центра Санкт-Петербурга до центров соответствующих территориальных единиц, размеры же территории МО Санкт-Петербурга и ГП/СП Ленинградской области при этом не учитываются. Например, пос. Парголово с его 60-тысячным (на 2018 год) населением тянется вдоль Выборгского шоссе примерно на 7 км.

Далее 30—32 км от центра Санкт-Петербурга его влияние на рост численности населения начинает сокращаться, а на расстояниях свыше 50 км сходит на нет. Можно считать, что часть системы расселения пригородной зоны, где все происходящие процессы определяются воздействием Санкт-Петербурга, ограничивается расстоянием в 30—32 км от центра города. Дальше располагаются населенные пункты, формирующие собственные локальные системы расселения, взаимодействующие с Санкт-Петербургской, но не полностью определяемые ею. В первую очередь это проявляется в намного более медленных темпах роста количества жителей. В Зеленогорске (50 км от Санкт-Петербурга), Кронштадте (51 км), Ломоносове (40 км) численность населения за 2012—2018 годы практически не менялась. На расстояниях же свыше 60 км от Санкт-Петербурга его влияние на демографические процессы уже совершенно не проявляется.

Отдаление на 60 км от центра Санкт-Петербурга соответствует изохроне двухчасовой транспортной доступности до центра города, которую обычно определяют как границу агломерации. Обычно эту изохрону проводят примерно в 120—130 км от центра города, руководствуясь средней скоростью движения автомобиля по дороге с твердым покрытием. Но в этом случае исключаются дорожные пробки и остановки в пути следования при движении на автомобиле, ожидание транспорта и переходы между остановками при перемещении на общественном транспорте.

То, что преодоление 60 км в условиях пригородной зоны Санкт-Петербурга в направлении пригород — центр города требует примерно двух часов времени, не имеет никакого теоретического обоснования — это данные, установленные эмпирическим путем. При этом по мере приближения к центру города время сокращается медленнее, чем расстояние: для преодоления 30 км требуется около полутора часов, 20 км — примерно час независимо от направления. На расстояниях менее 20 км прослеживается зависимость от направления,

минимальное время для поселений пригородной зоны — около 40 минут (окрестности уже упомянутой выше станции метро «Девяткино»). В данном случае речь идет скорее об «идеальных изохронах», пользуясь терминологией польского географа П. Шлешиньского [24], но реальные изохроны не слишком значительно от них отличаются. Таким образом, во временном отношении наиболее активная в геодемографическом смысле часть пригородной зоны располагается между изохроной сорокаминутной и полуторачасовой доступности от центра Санкт-Петербурга.

Деконцентрация системы расселения в Санкт-Петербурге началась в 60-е годы XX века, когда главным видом городского общественного транспорта стал метрополитен.

В 1970-е годы с появлением новых жилых районов начали проявляться тенденции к деконцентрации, каждый такой район фактически представлял собой полуавтономный город. Но в условиях индустриального Ленинграда внутреннее единство города в целом обеспечивалось за счет постоянного маятникового перемещения людей из мест жительства к местам работы. В 1990-е годы с закрытием многих промышленных предприятий большая часть новых рабочих мест создавалась в историческом центре города, и транспортные потоки между окраинами и центром лишь усилились.

Но в первые годы XXI века по мере «постиндустриализации» окраинные районы становятся наиболее динамичными в экономическом отношении частями Санкт-Петербурга. Здесь создается большая часть новых рабочих мест, и у значительной части населения окраинных районов исчезает потребность в постоянном перемещении между окраинами и центром. В это же время внешние границы окраинной зоны начинают смещаться в пригороды, охватывая с каждым годом все большие территории.

Сейчас единство городского пространства обеспечивается учреждениями высшего образования (большая часть вузов расположена в центральных районах) и «высокой культурой» (музеи, театры и т. д.). Но для большей части населения вполне достаточно «базовой» социальной инфраструктуры, которая формируется в местах их проживания.

Изобилие свободных площадей в пригородной зоне позволяет строить на ее территории все что угодно, включая высшие учебные заведения. Так, Санкт-Петербургский государственный университет, а также Санкт-Петербургский университет информационных технологий, механики и оптики уже заявили о своих намерениях построить кампусы в планируемом городоспутнике с рабочим названием Южный, строительство которого предполагается между Пушкиным и Гатчиной [25; 26].

Заключение

Вдоль границ Санкт-Петербурга и Ленинградской области в последние десятилетия происходят трансформации пространственной структуры общества. Особенно интересны здесь геодемографические процессы, поскольку в них, пожалуй, впервые в современной России проявляется децентрализация системы расселения, когда на «староосвоенных» территориях, к тому же принадлежащих двум разным субъектам Федерации, формируется в значительной мере новая сеть населенных мест, единая для обоих этих субъектов. Складывается совершенно новая для России территориальная система расселения, в которой пригородная зона является наиболее динамичной ее частью.

Такое развитие событий хорошо объясняется предложенной одним из авторов данной статьи концепцией «коммуникационной среды» [27], позволяющей не только описывать процессы формирования и современное состояние пространственной структуры общества, но и прогнозировать будущие изменения.

Если же говорить о практических решениях, связанных с развитием пригородной зоны, то они должны заключаться в изменении административного статуса пригородных территорий и, возможно, внесении поправок в законодательство РФ. Очевидно, что требуется организовать всеобъемлющую систему взаимодействия между пригородными территориями, относящимися к разным субъектам Федерации. Здесь можно использовать предложенные А. А. Ткаченко и А. А. Фомкиной подходы к организации «метрополитенских муниципальных районов», разработанные по аналогии со «стандартными метрополитенскими статистическими ареалами» США [28], а также международный опыт управления развитием городских агломераций, подробный анализ которого с географических позиций дан в статье А. Р. Батчаева, Б. С. Жихаревича и Н. А. Лебедевой, опубликованной в 2012 г. [29].

А. Г. Махрова пишет о современном состоянии Московской агломерации:

...Совмещение в Московской агломерации признаков, характерных для разных стадий развития, оставляет открытым вопрос о том, на какой стадии развития она находится. Не совсем ясно, переходит ли она к стадии реурбанизации, пережив стадию субурбанизации и контрурбанизации в виде сезонной дачной миграции, или реализует уникальную модель развития, обусловленную историческим наследием и современной спецификой [30, с. 16].

Если попытаться пересказать эту фразу «понятными словами», то получается очень просто: трансформация системы расселения Подмосковья происходит настолько хаотично, что ее не то что объяснить, но даже описать затруднительно.

Санкт-Петербург отстает в своем урбанистическом развитии от столицы, но это отставание может быть использовано для более планомерного и упорядоченного пространственного развития пригородной зоны с учетом того, что именно эта зона станет одной из самых активных — если не самой активной — в демографическом, социальном, экономическом отношении частью Северо-Запада России на ближайшие десятилетия.

Список литературы

1. Федоров Г. М. Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России // Балтийский регион. 2014. №2 (20). С. 7—28.
2. Файбусович Э. Л., Корнекова С. Ю. Перспективы геодемографии как научного направления гуманитарной географии // Известия Русского географического общества. 2013. Т. 145, вып. 1. С. 32.
3. Бородина Т. Л. Региональные особенности динамики населения России в постсоветский период // Известия РАН. Сер. Географическая. 2017. № 1. С. 47—61.
4. Singleton A. D., Spielman S. E. The Past, Present, and Future of Geodemographic Research in the United States and United Kingdom // The Professional Geographer. 2014. Vol. 66, iss. 4. P. 563.
5. Резников И. Л. Выявление границ Санкт-Петербургской городской агломерации // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2017. Т. 62, № 1. С. 89—103.
6. Ходачек А. М. О Санкт-Петербургской агломерации на основе концепции градостроительного развития // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2017. №4 (1). С. 35—47.
7. Kryukova O. V., Martynov V. L., Sazonova I. Y., Polyakova S. D. Main spatial problems of St. Petersburg // European Journal of Geography. 2016. Vol. 7, №2. P. 85—95.

8. Браде И., Махрова А.Г., Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Особенности субурбанизации в Московской агломерации в постсоветский период // Известия РАН. Сер. Географическая. 2013. №2. С. 19—29.
9. Куричев Н.К., Куричева Е.К. Взаимосвязь жилищного строительства в Московской агломерации и миграции в столичный регион // Известия РАН. Сер. Географическая. 2018. №1. С. 5—20.
10. Singleton A.D., Longley P. The internal structure of Greater London: a comparison of national and regional geodemographic models // Geo. Open Access: geography and environment. 2015. Vol. 2, iss. 1. P. 69—87.
11. Cervero R. Suburban Gridlock. N. Y., 2017.
12. Аксенов К., Брадэ И., Рох К. Социально-пространственная дифференциация в районах массовой жилой застройки Ленинграда — Санкт-Петербурга в постсоветское время // Известия РАН. Сер. Географическая. 2010. №1. С. 42—53.
13. Бевза Е. Район в двух ипостасях. В Красном Селе город сливается с пригородом // Аргументы и факты. 2014. №39.
14. Ступин Ю.А. Трансформация территориальной организации населения Карельского перешейка в XX веке: середина 40-х — конец 50-х годов // Известия РАН. 2017. Т. 149, №2. С. 65.
15. Мартынов В.Л., Епихин А.А., Кононова Г.А. Историческая география Северо-Запада : учебное пособие. СПб., 2008.
16. Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Российские городские системы в зеркале эволюционных теорий урбанизации // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемены. М., 2001. С. 171—195.
17. Нефёдова Т.Г., Трейвиш А.И. Перестройка расселения в современной России: урбанизация или дезурбанизация? // Региональные исследования. 2017. №2 (56). С. 12—23.
18. Мкртчян Н.В., Карачурина Л.Б. Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России // Балтийский регион. 2014. №2 (20). С. 62—80.
19. Кузнецова Т.Ю., Федоров Г.М. Территориальная дифференциация демографического развития Балтийского мегарегиона // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2011. №1. С. 131—137.
20. Махрова А., Кириллов П. Российская урбанизация и жилье горожан. URL: <http://www.demoscore.ru/weekly/2015/0645/tema01.php> (дата обращения: 21.04.2018).
21. Гришианов В.И., Ноздрин Н.Н., Шнейдерман И.Н. Роль жилья в миграционных процессах в России // Народонаселение. 2017. №4 (78). С. 92—95.
22. Ткаченко А.А. Территориальная общность в системе понятий географии населения // Известия Академии наук СССР. Сер. Географическая. 1982. №4. С. 94—97.
23. Дружинин А.Г. От гуманизации к неогуманизации российской социально-экономической географии: тренды, проблемы, приоритеты // Южно-Российский форум: экономика, социология, политология, социально-экономическая география. 2011. №1 (2). С. 43.
24. Ковтун Н., Фёдорова Н. СПбГУ готовится к полному переезду под Гатчину // Деловой Петербург. 2016. 18 июля.
25. Зарубина О. Кампусная лихорадка: почему ИТМО обошел СПбГУ. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/18/10/2017/59e75f079a79477bd44922cb (дата обращения: 21.04.2018).
26. Śleszyński P. Dostępność czasowa i jej zastosowania = Temporal accessibility and its applications // Przegląd Geograficzny. 2014. S. 171—215.
27. Мартынов В.Л. Коммуникационная среда мира и общественное развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2001. №1. С. 20—30.
28. Ткаченко А.А., Фомкина А.А. Агломерированное население: к проблеме идентификации и учета // Известия Русского географического общества. 2014. Т. 146, №5. С. 48—56.
29. Батчаев А.Р., Жихаревич Б.С., Лебедева Н.А. Международный опыт управления развитием городских агломераций // Известия Русского географического общества. 2012. Т. 144, №4. С. 1—10.
30. Махрова А.Г. Особенности стадийного развития Московской агломерации // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2014. №4. С. 10—16.

Об авторах

Валентина Сергеевна Дегусарова, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: degus1@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8785-5594>

Василий Львович Мартынов, доктор географических наук, профессор кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

Ирина Евгеньевна Сазонова, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Россия.

E-mail: iesazonova@mail.ru

Для цитирования:

Дегусарова В. С., Мартынов В. Л., Сазонова И. Е. Геодемографические особенности пригородной зоны Санкт-Петербурга // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №3. С. 19—40. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-2.

GEODEMOGRAPHY OF THE SAINT PETERSBURG SUBURBS

V. S. Degusarova¹

V. L. Martynov¹

I. E. Sazonova¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia
48 Moyka emb., Saint Petersburg, 191186, Russia

Submitted on April 24, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-2

In this article, we analyse the structure and the development dynamics of the Saint Petersburg suburbs — home to over 1.6 million people. To this end, we employ statistical, historical, and empirical research methods and carry out a comparative analysis. Geodemographic studies should take into account not only demographic data but also the characteristics of the settlement system. Such studies are particularly important for suburbs. Russian social geography pays little attention to suburban studies, although such territories have become an independent object of research in international geographical science. The Saint Petersburg suburbs are of special interest from the perspective of geodemography, which is explained by the significant size of the area — a result of the territory's historical development. The formation of the settlement system of the Saint Petersburg suburbs started with the foundation of the city, and continues to this day. Today, their spatial structure is shaped by the current administrative border between Saint Petersburg and the Leningrad region — a product of the territory's development in the Soviet period of Russia's history. The lengthy process of border formation has given it a peculiar character. The most vibrant and attractive areas of the suburbs are located at a distance of 14—32 km from the centre of Saint Petersburg, between the isochrones of forty- and ninety-minute transport accessibility. Lying at a

distance of approximately 60 km from the city centre, the two-hour travel time band marks the border of both the commuter zone and the Saint Petersburg agglomeration. A new settlement system is emerging within the suburban area of Saint Petersburg — the most economically, demographically, and socially vibrant territory of Russia's North-West.

Keywords: geodemography, suburban area, borders, population, natural population movement, migratory movement, distance, isochrones

References

1. Fedorov G.M. 2014, Current Issues in the Geodemographic Studies in Russia, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 4—21. doi: 10.5922/2079-8555-2014-2-1.
2. Faibusovich, E.L., Kornekova, S. Yu. 2013, Prospects of Geodemography as a School of Human Geography, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Regional Research of Russia], Vol. 145, no. 1, p. 32 (in Russ.).
3. Borodina, T.L. 2017, Regional Features of the Population Dynamics in Russia in the Post-Soviet Period, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, no. 1, p. 47—61. doi:10.15356/0373-2444-2017-1-47-61.
4. Singleton, A.D., Spielman, S.E. 2014, The Past, Present, and Future of Geodemographic Research in the United States and United Kingdom, *The Professional Geographer*, Vol. 66, no. 4, p. 563. doi: 10.1080/00330124.2013.848764.
5. Reznikov, I.L. 2017, Delimitation of the St. Petersburg Urban Agglomeration Vestnik SPbGU. Nauki o Zemle [Bulletin of St. Petersburg State University. Earth sciences], Vol. 62, no. 1, p. 89—103. doi: 10.21638/11701/spbu07.2017.106 (in Russ.).
6. Khodachek, A.M. 2017, On the St. Petersburg Agglomeration Based on the Concept of Urban Development, *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economics of the North-West: Problems and Prospects for Development], no. 4 (1), p. 35—47 (in Russ.).
7. Kryukova, O.V., Martynov, V.L., Sazonova, I.Y., Polyakova, S.D. 2016, Main Spatial Problems of St. Petersburg, *European Journal of Geography*, Vol. 7, no 2, p. 85—95, June 2016.
8. Brade, I., Makhrova, A.G., Nefedova, T.G., Treyvish, A.I. 2013, Features of Suburbanization in the Moscow Agglomeration in the Post-Soviet Period, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk Seriya Geograficheskaya*, no. 2, p. 19—29 (in Russ.).
9. Kurichev, N.K., Kuricheva, E.K. 2018, Interconnection of Housing Construction in the Moscow Agglomeration and Migration in the Metropolitan Region, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk Seriya Geograficheskaya*, no. 1, p. 5—20. doi: 10.7868/S2587556618010010 (in Russ.).
10. Singleton, A.D., Longley, P. 2015, The Internal Structure of Greater London: A Comparison of National and Regional Geodemographic Models, *Geo. Open Access: Geography and Environment*, Vol. 2, no. 1, Jan — June, p. 69—87.
11. Cervero, R. 2017, *Suburban Gridlock*, New York, 295 p.
12. Aksenov, K., Brade, I., Rokh, K. 2010, Socio-Spatial Differentiation in Areas of Mass Residential Development in Leningrad — St. Petersburg in the Post-Soviet Period, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk Seriya Geograficheskaya*, no. 1, p. 42—53 (in Russ.).
13. Bevza, E. 2014, The District is in Two Hypostases. In Krasnoe Selo, the City Merges with the Suburbs, *Argumenty i Fakty* [Arguments and Facts], no. 39, 24.09.2014 (in Russ.).
14. Stupin, Yu. A. 2017, Transformation of the Territorial Organization of the Population of the Karelian Isthmus in the XX Century: the mid 40's — the end of the 50's, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk Seriya Geograficheskaya*, Vol. 149, no. 2. p. 65 (in Russ.).
15. Martynov, V.L., Epikhin, A.A., Kononova, G.A. 2008, *Istoricheskaya geografiya Severo-Zapada* [Historical Geography of the North-West], St. Petersburg, 256 p. (in Russ.).
16. Nefedova, T.G., Treivish, A.I. 2001, Russian Urban Systems in the Mirror of the Evolutionary Theories of Urbanization. In: *Gorod i derevnya v Evropeiskoi Rossii: sto let pe_remen* [City and village in European Russia: a hundred years of change], Moscow, p. 171—195 (in Russ.).
17. Nefedova, T. G., Treivish, A. I. 2017, Restructuring of Resettlement in Modern Russia: Urbanization or De-urbanization? *Regional'nye issledovaniya* [Regional research], no. 2 (56), p. 12—23 (in Russ.).

18. Mkrtchyan, N. V., Karachurina, L. B. 2014, The Baltics and Russian North-West: the Core and the Periphery in the 2000s, *Balt. Reg.*, no. 2 (20), p. 48—62. doi: 10.5922/2079-8555-2014-2-4.
19. Kuznetsova, T. Yu., Fedorov, G. M. 2011, The Territorial Differentiation of Demographic Development of the Baltic Macroregion, *IKBFU's Vestnik: Natural and medical sciences*, no. 1, p. 131—137 (in Russ.).
20. Makhrova, A., Kirillov, P. 2015, Russian Urbanization and Housing of Citizens, *Demoscope Weekly*, 2015, no. 645—646, 1—14 June, available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2015/0645/tema01.php> (accessed 21.04.2018) (in Russ.).
21. Grishanov, V. I., Nozdrina, N. N., Schneiderman, I. N. 2017, The Role of Housing in the Migration Processes in Russia, *Narodonaselenie* [Population], no. 4 (78), p. 92—95. doi: 10.26653/1561-7785-2017-4-7 (in Russ.).
22. Tkachenko, A. A. 1982, Territorial Community in the System of Concepts of Geography of the Population, *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya Geograficheskaya*, no. 4, p. 94—97 (in Russ.).
23. Druzhinin, A. G. 2011, From Humanization to Neo-humanization of Russian Socio-economic Geography: Trends, Problems, Priorities, *Yuzhno-Rossiiskii forum: ekonomika, sotsiologiya, politologiya, sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya* [South-Russian Forum: Economics, Sociology, Political Science, Social and Economic Geography], no. 1 (2), p. 43 (in Russ.).
24. Kovtun, N., Fedorova, N. 2016, St. Petersburg State University prepares for a Full Move to Gatchina, *Delovoi Peterburg* [Business Petersburg], July 18, 2016 (in Russ.).
25. Zarubina, O. 2017, Campus Fever: Why ITMO Went around St. Petersburg State University, RBC, available at: https://www.rbc.ru/spb_sz/18/10/2017/59e75f079a79477bd44922cb (accessed 21.04.2018) (in Russ.).
26. Śleszyński, P. Dostępność czasowa i jej zastosowania = Temporal accessibility and its applications, *Przegląd Geograficzny*, 2014, S. 171—215 (in Polish).
27. Martynov, V. L. 2001, Communication Environment of the World and Social Development, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 1, p. 20—30 (in Russ.).
28. Tkachenko, A. A., Fomkina, A. A. 2014, Agglomerated Population: To the Problem of Identification and Accounting, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, Vol. 146, no. 5, p. 48—56 (in Russ.).
29. Batchaev, A. R., Zhikharevich, B. S., Lebedeva, N. A. 2012, International Experience in Managing the Development of Urban Agglomerations, *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva*, Vol. 144, no. 4, p. 1—10 (in Russ.).

The authors

Dr Valentina S. Degusarova, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia.

E-mail: de-gus1@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8785-5594>

Prof. Vasily L. Martynov, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: martin-vas@yandex.ru

Dr Irina E. Sazonova, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: iesazonova@mail.ru

To cite this article:

Degusarova, V. S., Martynov, V. L., Sazonova, I. E. 2018, Geodemography of the Saint Petersburg Suburbs, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p. 19—40. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-2.

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В ГРАНИЧАЩИХ ДРУГ С ДРУГОМ РЕГИОНАХ РОССИИ И СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Т. Ю. Кузнецова¹

Статья посвящена сравнительному анализу динамики численности населения в граничащих друг с другом регионах России и стран Европейского союза. Отмечается, что большинство из таких регионов, являясь периферийными в своих странах, имеют и менее благоприятную демографическую ситуацию, однако сильно различающуюся от места к месту. Для реализации поставленной цели были использованы официальные данные статистических органов России и ЕС, которые проанализированы с помощью экономико-статистических методов и картирования полученных результатов. Выявлены большие различия между приграничными регионами и городами. Наиболее неблагоприятна демографическая обстановка вблизи границ в странах Прибалтики, несколько лучше — в Польше и Финляндии. В приграничных субъектах РФ население увеличивается в Санкт-Петербурге, Ленинградской и Калининградской областях, но в ряде городов, расположенных в непосредственной близости от границы, число жителей сокращается. Важными факторами улучшения демографической ситуации могли бы стать снижение барьерной и усиление контактной функции границы, активизация трансграничного сотрудничества.

Ключевые слова: демографическая ситуация, приграничные регионы, приграничные города, Россия, страны Балтии, Польша, Финляндия

Введение

Конец XX века оказался рубежом, резко изменившим ход не только экономического, но и демографического развития бывших социалистических стран Восточной Европы. Изменились и условия развития их регионов, ставших после распада СССР приграничными и, предположительно, либо периферийными, либо способными получить импульс к развитию благодаря трансграничному сотрудничеству. Приграничные же регионы граничащих с государствами Восточной Европы стран с традиционной рыночной экономикой

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 23.04.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-3

© Кузнецова Т. Ю., 2018

улучшили свое экономико-географическое положение благодаря снижению барьерной и повышению контактной функции границы. Более ориентированными на экономическое сотрудничество с соседями стали территории, расположенные в западных частях восточноевропейских стран, и граничащие с ними регионы государств Западной Европы. Население вошедших в Европейский союз бывших социалистических стран и республик СССР получило возможность миграции в экономически развитые государства ЕС в поисках более высокооплачиваемой работы и лучших условий жизни. И наоборот: столкнулось с притоком мигрантов из экономически менее развитых стран «третьего мира» (хотя и в меньшей степени, чем их более богатые западные соседи).

Россия граничит с пятью государствами, входящими в Европейский союз, причем все приграничные регионы РФ и стран ЕС расположены в пределах Балтийского макрорегиона. В последние годы российские исследователи значительное внимание стали уделять демографическим проблемам, в том числе выделяются и анализируются типологические различия регионов [1]. Однако в научных публикациях нечасто встречается сравнительный анализ демографической ситуации в России и ее регионах, с одной стороны, и в зарубежных странах и регионах — с другой. При этом отметим, что Балтийский регион, включая российский Северо-Запад, может считаться лидером как объект таких исследований [2—8]. Ряд работ посвящен региональным особенностям демографического развития в странах СНГ [9; 10], Баренц-регионе (Баренцевом Евро-Арктическом регионе) [11].

В данной статье автор уделяет внимание сопоставлению демографического развития граничащих друг с другом регионов РФ и стран ЕС для оценки потенциала и актуальности трансграничного сотрудничества.

Среди граничащих с Россией стран Евросоюза Финляндия относится к государствам с традиционной рыночной экономикой, Польша — к постсоциалистическим, а Литва, Латвия и Эстония (также постсоциалистические) — к постсоветским странам. Характер границы между ними и Российской Федерацией после распада СССР и перехода бывших социалистических стран на путь рыночного развития с последующим вхождением Польши и государств Прибалтики в НАТО и ЕС, а также вступлением в ЕС Финляндии сильно изменился, хотя прозрачность границ между Россией и названными странами остается намного меньшей, чем между членами Европейского союза [12]. В связи с этим была поставлена задача на основе анализа опубликованных статистических данных рассмотреть, как повлияло (если повлияло) на демографические процессы и структуры изменение геополитического положения регионов, расположенных с обеих сторон границы России с нынешними странами Европейского союза, то есть с пятью перечисленными выше государствами, а также выяснить, имеются ли различия в ходе демографических процессов и формировании геодемографической обстановки в приграничных регионах вдоль границ России с каждым из этих государств. Проводимый в статье анализ должен также показать, действует ли на исследуемой территории концепция поляризации, а именно: как развиваются приграничные регионы (которые исследователи часто относят к периферийным [13—15]) по сравнению с остальной частью граничащих друг с другом регионов России и соседних стран ЕС.

Методы исследования

При сравнении демографической ситуации в приграничных регионах России и стран ЕС ввиду отсутствия полного соответствия между иерархическими уровнями этих регионов межрегиональный анализ производится между субъектами РФ, с одной стороны, и статистическими регионами уровня NUTS 3 (то

есть третьего уровня) в классификации Евросоюза — с другой. По нашему мнению, это наилучшее, хотя и неполное соответствие субъектам РФ среди регионов стран ЕС различного уровня.

Исследование производится на основе статистических данных, отражающих динамику численности населения (на уровне стран — с 1950 по 2018 год и на уровне регионов — с 1990 по 2017 год), а также общий, естественный и миграционный прирост населения, общий коэффициент рождаемости и смертности (2016 год).

Демографическая ситуация на уровне регионов анализируется, в числе прочего, и в контексте общестрановых тенденций. Используются экономико-статистические методы (группировки, графоаналитический метод, типологизация) и картирование полученных результатов.

Источниками статистических данных являются *Росстат*¹ (в части данных по России и ее субъектам), *Eurostat* и справочники по рассматриваемым странам².

Динамика численности населения России и граничащих с ней стран ЕС

Динамика численности населения отражает состояние экономики и общества и представляет собой сложное комплексное явление [16]. Ее изучение важно не только для понимания специфики самой демографической ситуации, но и для оценки хода экономических и социальных процессов в странах и регионах. Исследователи отмечают, что сокращение численности населения труднообратимо [17]. Начинаясь с экономического спада, оно становится частью круга негативных процессов: сокращение налоговых поступлений, деградация в сфере социальных услуг и инфраструктуры и т.п. — и приводит к увеличению оттока населения. При этом в сравнительных исследованиях развития стран Европы основное внимание уделяется экономическому аспекту и динамике уровня жизни [18—21]. Между тем не меньшие изменения произошли и в демографических процессах, а сформировавшаяся новая демографическая ситуация на востоке Европы не только влияет на развитие экономики, но и, на наш взгляд, играет значительную роль в изменении здесь качества жизни и даже цивилизационных ценностей.

Наиболее сложная ситуация наблюдается в странах Балтии, где с начала 1990-х годов быстро сокращается численность населения вследствие резкого падения и так невысокой рождаемости, а в Литве и Латвии еще и из-за интенсивной эмиграции [22]. В Эстонии, например, количество жителей почти в полтора раза меньше, чем в Ленинградской области, а скоро может стать меньшим по сравнению и с Калининградской областью. В Латвии численность населения уже меньше, чем в далеком 1950 году, а в Литве — как в начале 1960-х. В России сокращение численности населения наименее; в Польше оно, хотя и гораздо медленнее, чем раньше, но увеличивается. А в Финляндии, не испытавшей столь серьезных политических сдвигов, какие произошли в Прибалтике, население продолжает заметно возрастать.

¹ *Демография* // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 12.05.2018).

² См.: *Eurostat*. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 10.05.2018); *Калининградстат*. URL: <http://kaliningrad.gks.ru> (дата обращения: 22.06.2018); *Central Statistical Bureau of Latvia*. URL: <http://www.csb.gov.lv/en> (дата обращения: 08.06.2018); *Statistics Estonia*. URL: <https://www.stat.ee/en> (дата обращения: 08.06.2018); *Statistics Finland*. URL: https://www.stat.fi/index_en.html (дата обращения: 08.06.2018); *Statistics Lithuania*. URL: <https://www.stat.gov.lt/en> (дата обращения: 08.06.2018); *Statistics Poland*. URL: <http://stat.gov.pl/en/> (дата обращения: 08.06.2018).

В 2016—2017 годах количество жителей России, Финляндии и Польши возросло, хотя смертность здесь была немного выше рождаемости. Источником роста стал миграционный прирост: в Финляндии и России — значительный, в Польше — небольшой. В Литве и Латвии ситуация оказалась наименее благоприятной из-за значительной естественной убыли населения и выросшего отрицательного сальдо миграции (значительный отток литовцев и латышей в более богатые страны ЕС демонстрирует центр-периферийные отношения в современной Европе [23]). В Эстонии естественная убыль населения была меньше и имело место небольшое положительное сальдо миграции. Но оно не покрывало естественной убыли, и численность жителей здесь, как и в двух других странах Балтии, сокращалась. Таким образом, по особенностям динамики населения и ее источникам можно выделить две группы стран:

- 1) Россия, Польша и Финляндия с более благоприятными показателями (причем уровень рождаемости в России выше, чем в двух других странах, но и показатели смертности также выше);
- 2) Литва, Латвия и Эстония, которые имеют крайне низкие показатели естественного воспроизводства населения, обусловленные низкой рождаемостью и высокой смертностью, особенно в первых двух странах.

Динамика численности населения в приграничных субъектах России и стран ЕС

Динамика численности населения на исследуемых приграничных территориях более негативная, чем в данных странах в целом. Доля жителей приграничных регионов в общей численности государства в период с 1990 по 2016 год уменьшилась повсеместно, кроме Польши. Наиболее существенное сокращение произошло в тех странах, где в приграничных регионах сконцентрировано от 1/3 до 1/5 населения (рис. 1).

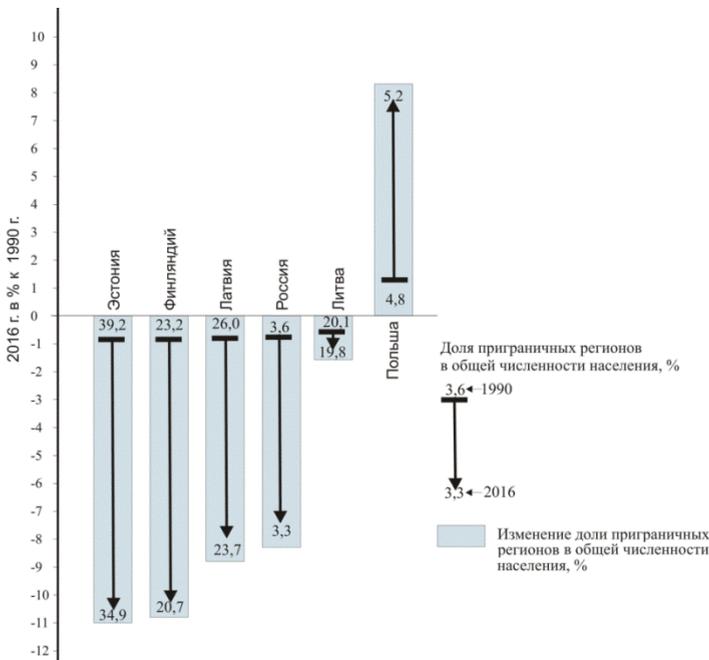

Рис. 1. Изменение доли приграничных субъектов в общей численности населения страны, 1990—2016 годы

Несмотря на общие тенденции, необходимо отметить, что демографическое развитие приграничных регионов рассматриваемых стран неравномерно, на чем далее остановимся подробнее.

Российская Федерация

Общую границу со странами ЕС имеют Республика Карелия, Мурманская, Ленинградская, Псковская и Калининградская области. Они значительно различаются между собой в демографическом аспекте. Выделяются регионы — международные «коридоры развития»³ (Ленинградская и Калининградская области) с более благоприятными социально-экономическими и демографическими показателями и депрессивные регионы (Республика Карелия, Мурманская и Псковская области), где демографическая ситуация в постсоветский период крайне неблагоприятна, что отражают показатели динамики численности жителей. Население в первой группе регионов возрастает, а во второй — быстро сокращается (рис. 2). Хотя стоит отметить, что в Ленинградской области, несмотря на наличие общей позитивной тенденции, численность жителей в городах, расположенных в непосредственной близости к границе с Эстонией, сокращается [27].

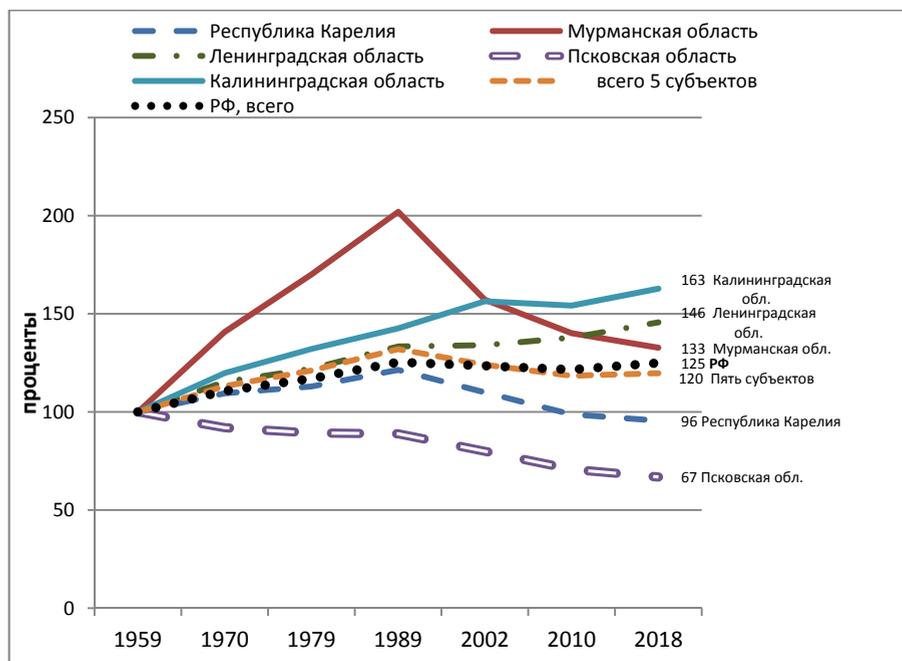

Рис. 2. Динамика численности населения субъектов РФ, расположенных на границе со странами ЕС, 1959—2018 годы (на начало года)

³ Понятие *международные «коридоры развития»* [24; 25] берет начало из идей Дж. Фридманна, который под «коридорами развития» понимал регионы, расположенные между национальными «регионами-ядрами» и использующие возможности своего географического положения для развития экономики [26]. «Международные коридоры развития», в отличие от расположенных внутри одной страны, находятся между «регионами-ядрами» двух и более государств. Они могут обслуживать внешнеэкономические связи, встраиваться в общие цепочки создания добавленной стоимости, заимствовать инновации из «регионов-ядер» двух и более государств.

Источником увеличения численности населения формирующихся международных «коридоров развития» является миграционный прирост (рис. 3). В северных регионах — Карелии и Мурманской области — он отрицательный, а в Псковской области чуть выше нуля.

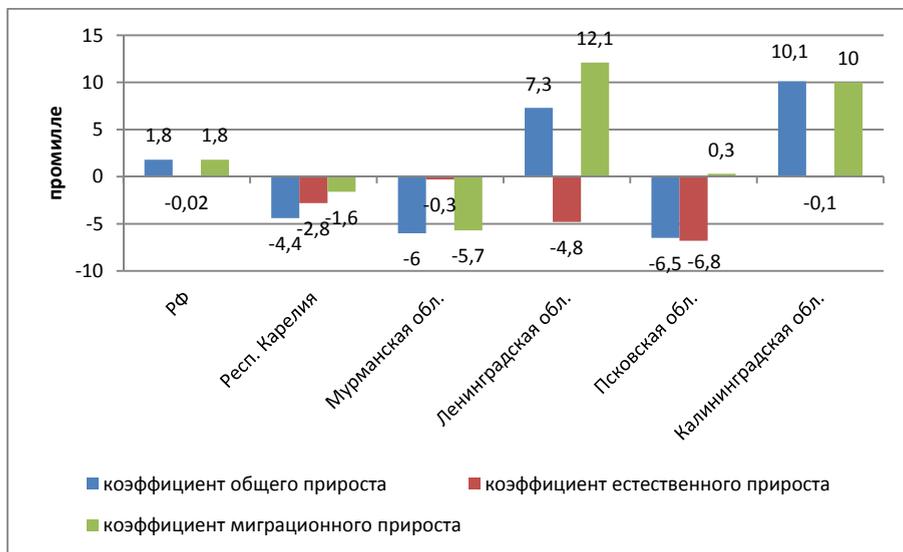

Рис. 3. Естественный, миграционный и общий прирост численности населения субъектов РФ, расположенных на границе со странами ЕС, 2016 год

Естественный прирост населения в Калининградской области близок к нулю, а в Ленинградской области — отрицательный. Правда, следует заметить, что отражаемые статистикой значительные темпы естественной убыли населения в Ленинградской области связаны с тем, что часть регистраций рождений ее жителей происходит в Санкт-Петербурге. Поэтому и коэффициент рождаемости в Ленинградской области самый низкий из пяти рассматриваемых субъектов. В трех остальных регионах (Республика Карелия, Мурманская и Псковская области) наблюдается сокращение численности населения.

Страны Европейского союза

В прилегающих к границе с Россией регионах стран ЕС отмечаются такие же, как в российских приграничных регионах, различия в динамике численности населения и ее источниках. Четко выделяются «полюса роста» — международные «коридоры развития» и депрессивная в демографическом отношении периферия. Гданьский регион (где положительным фактором динамики населения выступает Гданьская агломерация — Трехградье) представляет собой международный «коридор развития» как и российские регионы данного типа (Ленинградская и Калининградская области), и резко выделяется высокими темпами роста. Гданьский регион отличается от остальных и тем, что значительное общее увеличение числа жителей складывается почти в равных долях как из миграционного, так и из естественного прироста населения: здесь самый высокий коэффициент рождаемости (13,3 на 1000 жителей в 2016 году)

при самом низком коэффициенте смертности (7,5). Такие особенности связаны с более «молодой» возрастной структурой населения, сложившейся вследствие интенсивного притока мигрантов.

Несколько ниже темпы роста в финской Северной Остроботнии, где увеличение населения обеспечивается повышенным естественным его приростом за счет относительно высокой рождаемости. В остальных регионах всех пяти стран начиная с 1995 года число жителей сокращается (рис. 4, 5).

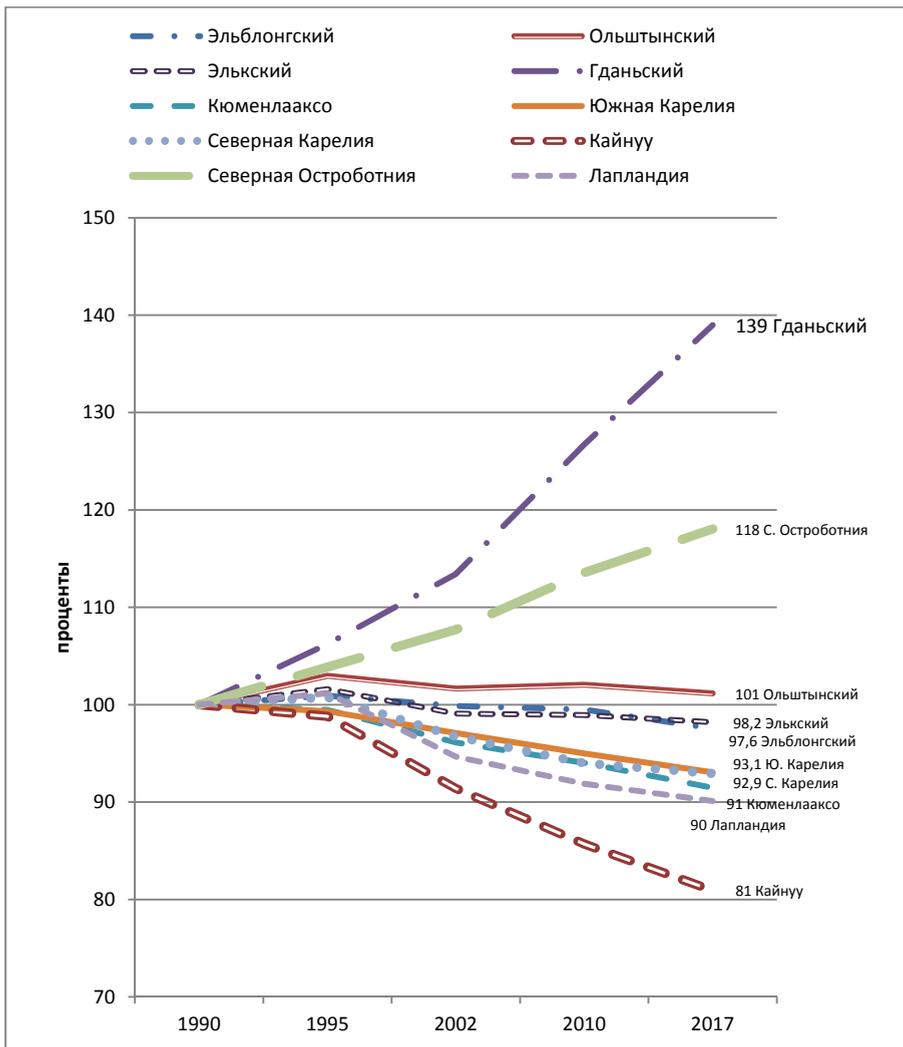

Рис. 4. Динамика численности населения регионов Польши и Финляндии, 1990—2017 годы, в процентах к 1990 году

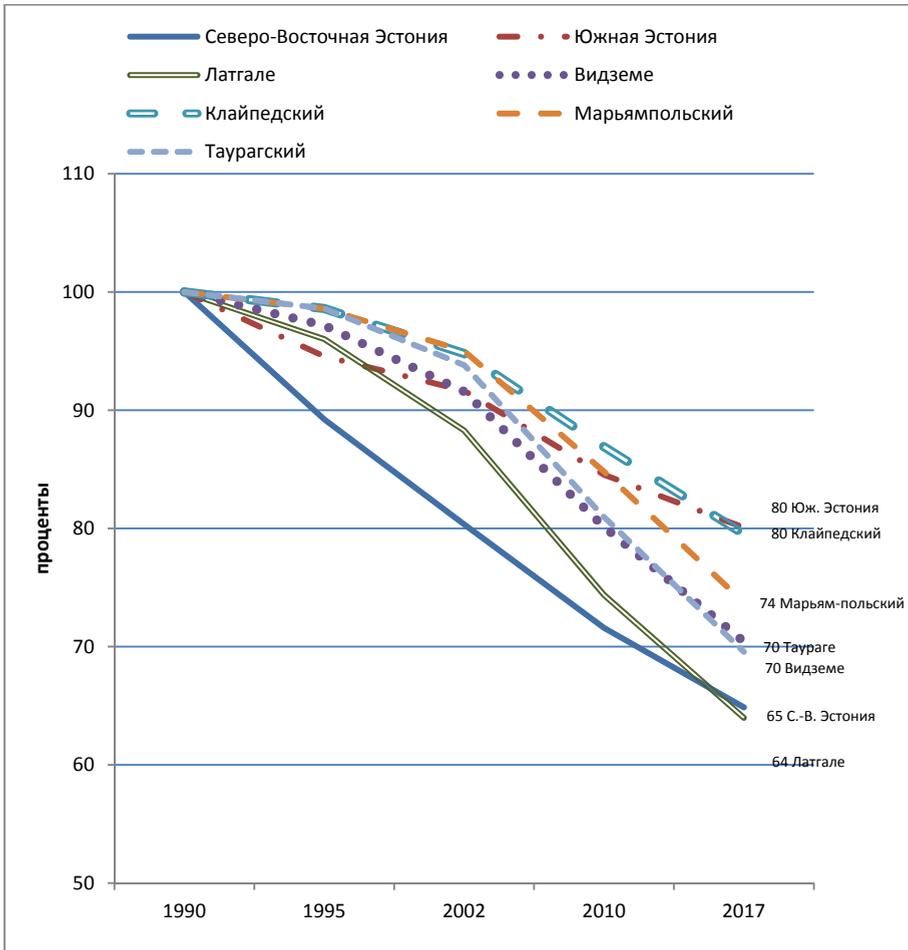

Рис. 5. Динамика численности населения регионов стран Прибалтики, 1990—2017 годы, в процентах к 1990 году

Так же, как и в России, теряют население северные регионы Финляндии (рис. 4). Особенно быстро снижается численность населения в пограничных с Россией регионах стран Прибалтики (рис. 5). Здесь из семи регионов только в Клайпедском население сокращается медленнее, чем в среднем по стране, что можно объяснить его функциями в качестве международного «коридора развития». Активное сокращение численности населения происходит во всех муниципальных образованиях Латвии, удаленных от столицы [28], однако в приграничных с Россией регионах данный процесс имеет более выраженный характер.

Соотношение естественного и миграционного движения в динамике численности населения рассматриваемых регионов отражают рисунки 6 и 7.

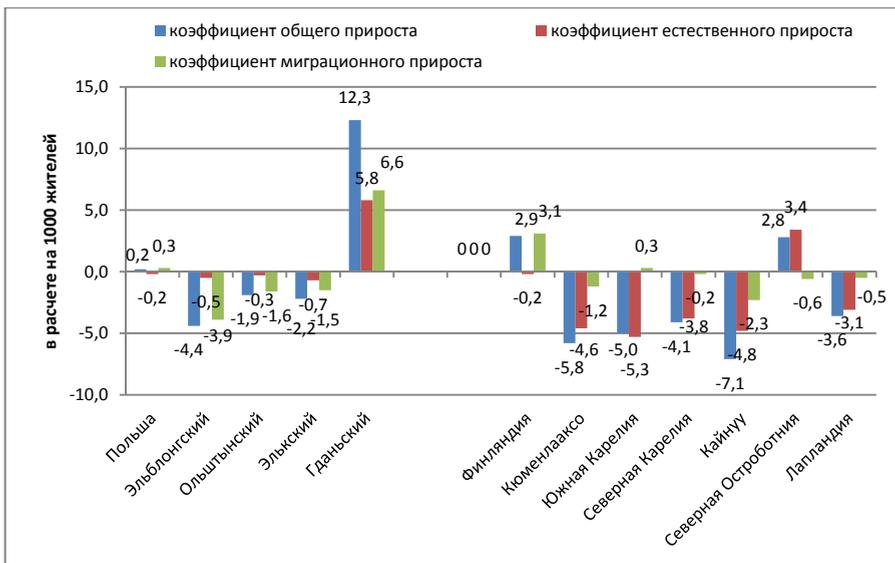

Рис. 6. Естественный, миграционный и общий прирост населения регионов Польши и Финляндии, расположенных на границе с РФ, 2016 год

Источник: [10].

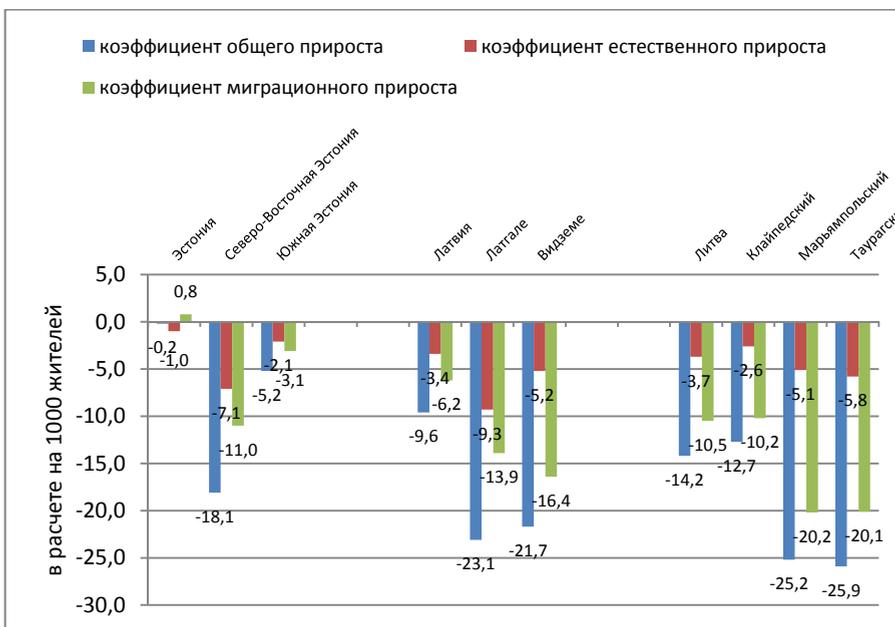

Рис. 7. Естественный, миграционный и общий прирост населения регионов стран Прибалтики, расположенных на границе с РФ, 2016 год

Источник: [10].

В Польше миграционный прирост в 2016 году не имел ни один из пограничных с РФ регионов, кроме Гданьского. А в Финляндии он отмечался только в Южной Карелии, в основном за счет динамично развивающегося центра региона — города Лаппеенранта (при этом обе названные страны имели небольшой миграционный прирост). В государствах же Прибалтики все пограничные с РФ регионы характеризовались значительным оттоком населения.

Сравнение динамики численности населения имеющих общую границу приграничных регионов РФ и стран ЕС

Сопоставляя показатели общего, естественного и миграционного прироста на 1000 жителей рассматриваемых регионов со средним уровнем соответствующих стран, можно отметить следующие особенности. Во-первых, из российских регионов только в Калининградской области, несмотря на ее эксклавное положение, три показателя (общий, естественный и миграционный прирост населения) выше средних по стране (хотя относительно высокий естественный прирост населения связан не столько с интенсивностью рождаемости, сколько с благоприятной структурой населения). В Ленинградской области два показателя выше, а естественная убыль населения больше, чем в среднем в РФ. В Карелии выше только коэффициент естественного прироста (но, как в Калининградской области, вследствие специфики возрастной структуры населения).

Еще менее благоприятны по сравнению со средними по соответствующим странам показатели большинства граничащих с РФ регионов государств ЕС. В Польше только в Гданьском регионе все три показателя выше средних по стране, в трех других регионах — все три ниже. В Финляндии выше среднего только один показатель в одном регионе из шести — коэффициент естественного прироста в Северной Остроботнии. В Литве все три показателя лучше среднего (но ненамного) в Клайпедском регионе, в двух остальных — все три ниже. Два латвийских и два литовских региона имеют по три показателя ниже среднего уровня.

Указанные особенности подтверждают, что три приграничных региона (международные «коридоры развития») — Калининградский, Ленинградский и Гданьский — выделяются на фоне остальных, которые предстают в виде депрессивных в демографическом (и экономическом) отношении территорий, как и следует из центр-периферийной концепции. Некоторые признаки «коридора развития» имеет и Клайпедский регион (но потенциал его в этом направлении невелик из-за небольших размеров экономики Литвы). То есть большинство рассматриваемых регионов РФ и ЕС разделены границей, в которой барьерные функции преобладают над контактными. И регионы — «коридоры развития» не представляют собой исключение, поскольку их динамизм никак не зависит от трансграничных связей: это портовые комплексы, обслуживающие преимущественно транзитные связи в интересах всей страны или достаточно большого хинтерланда.

Рисунок 8 отражает географическое сопоставление показателей динамики численности населения граничащих друг с другом регионов России и стран ЕС. Видно, что показатели всех российских регионов лучше по сравнению с показателями граничащих с ними регионов Польши и стран Прибалтики, за исключением Гданьского региона, где коэффициенты общего и естественного прироста населения выше, чем в Калининградской области (но миграционного

прироста — ниже). Соотношение регионов России и Финляндии не столь однозначно: в одних приграничных финских регионах ситуация лучше (особенно на севере — в Северной Карелии, Северной Остроботнии и Лапландии), в других — хуже (особенно в Кайнуу).

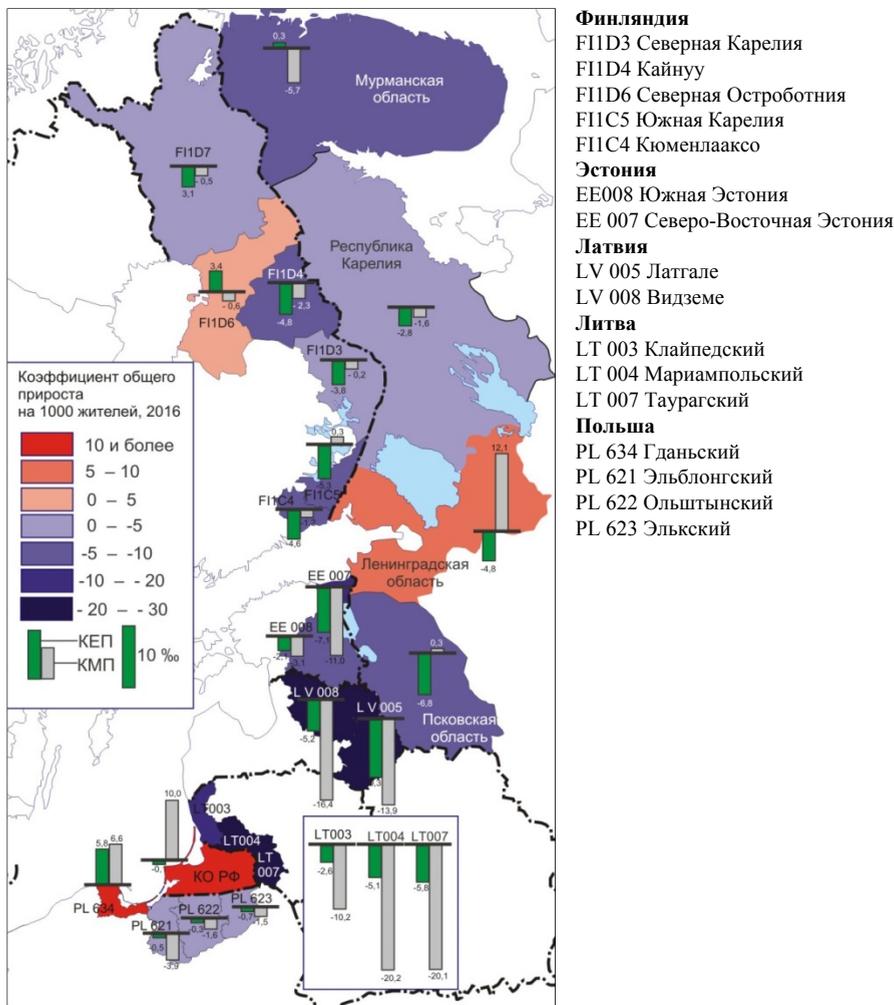

Рис. 8. Сравнительные показатели динамики численности населения граничащих друг с другом регионов России и стран ЕС

Заметим, что даже на границе с Ленинградской областью, где трансграничное сотрудничество относительно активно, демографические показатели менее благоприятны, чем в среднем по Финляндии. Практически только в находящемся вблизи границы городе Лаппеенранта возрастает численность населения, в том числе за счет размещения здесь выезжающих из России русскоязычных финнов-ингерманландцев (источники сообщают о проживании здесь значительного количества русскоговорящего населения)⁴. Но в расположенном

⁴ Финские города. Лаппеенранта. URL: <http://da.fi/304.html> (дата обращения: 15.06.2018).

также в провинции Южная Карелия приграничном городе Иматра, как и в регионе в целом, количество жителей сокращается. Что касается российских приграничных городов Выборга и Светлогорска (связанных с двумя названными финскими городами транспортными путями и образующих своеобразные «пары» Выборг — Лаппеенранта и Светогорск — Иматра), потерявших значительное число жителей в 1990-е годы, то в 2000—2016 годах население здесь остается практически стабильным (см. табл.).

**Динамика численности населения
приграничных городов РФ и соседних стран ЕС***

Город (страна)	Численность населения, тыс. человек, 2017 (на начало года)	Изменение численности населения, в среднем за год, %		
		1979—1988	1989—1999	2000—2016
<i>Россия — Финляндия</i>				
Иматра (Фин.)	28,4	0,6	-3,7	-0,7
Лаппеенранта (Фин.)	55,5	3,9	3,9	0,4
Выборг (РФ)	78,5	3,4	-0,7	-0,1
Светогорск (РФ)	15,7	9,1	-0,6	0,1
<i>Россия — Эстония</i>				
Нарва (Эст.)	57,1	0,7	-1,5	-0,9
Силламяэ (Эст.)	13,7	2,4	-1,6	-1,4
Кохтла-Ярве (Эст.)	35,4	-1,6	-2,4	-1,6
Выру (Эст.)	12,4	0,4	-1,5	-1,2
Ивангород (РФ)	10,5	1,0	0,1	-0,7
Кингисепп (РФ)	45,3	2,5	0,4	-0,6
Печоры (РФ)	10,0	1,9	1,4	-2,1
<i>Россия — Латвия</i>				
Балвы (Латв.)	6,3	1,9	-0,7	-1,8
Пыталово (РФ)	5,3	3,1	0,1	-1,8
<i>Россия — Литва</i>				
Кибартай (Лит.)	4,8	0,3	-0,7	-1,9
Шилуте (Лит.)	15,9	2,6	0,1	-1,7
Неринга (Лит.)	3,1	1,1	-0,3	1,6
Нестеров (РФ)	4,1	0,2	0,4	-1,3
Советск (РФ)	40,5	0,4	0,3	-0,3
Зеленоградск (РФ)	15,5	1,0	1,2	1,3
<i>Россия — Польша</i>				
Бартошице (Пол.)	23,8	1,8	0,0	-0,2
Кентшин (Пол.)	27,5	1,2	-0,5	-0,1
Багратионовск (РФ)	6,4	1,1	0,7	-1,2
Черняховск (РФ)	36,4	1,1	1,1	-2,0

* Рассчитано автором на основе данных статистических органов РФ, ЕС, Польши, Финляндии и стран Балтии.

Анализируя таблицу, можно заметить, что в 1979—1989 годах численность населения всех рассматриваемых городов, расположенных вдоль внешней границы России со странами ЕС, возрастала. Исключение — Кохтла-Ярве: экономика этого города испытывала трудности вследствие снижения роли сланцевой промышленности. После выхода Эстонии из состава СССР население эстонских приграничных городов стало сокращаться быстрее, чем в среднем по стране из-за оттока русского населения. Впрочем, и в расположенных вблизи границы городах двух других государств Прибалтики население

(кроме курортной Неринги в Литве) в постсоветский период быстро уменьшается, в том числе за счет оттока части русского населения (особенно в 1990-е годы) в Россию — соседние приграничные и другие города. Небольшое сокращение жителей (меньшее, чем в среднем в приграничных воеводствах) сейчас характерно и для приграничных польских городов. Соседние российские города, кроме курорта Зеленоградска, также теряют население, причем близкими, а иногда даже более высокими темпами (Черняховск, где сказывается притяжение соседнего динамично развивающегося Калининграда).

Таким образом, приграничное расположение городов — и находящихся вблизи государственной границы со странами ЕС российских, и соседних зарубежных, за немногим исключением, — играет скорее отрицательную роль в их развитии. Смогли использовать расширение приграничных связей Лаппеенранта (Финляндия), а также польские приграничные города (за счет развития приграничной торговли и производства полуфабрикатов, поступающих на предприятия Калининградской области). Развитие курортов Зеленоградска и Неринги мало связано с их приграничным положением. В остальных же случаях значительное негативное воздействие на развитие экономики приграничных городов оказывает их периферийность.

Заключение

Различия динамики численности населения в приграничных регионах Российской Федерации и стран Европейского союза по обе стороны их общей границы очень велики. Наименее благоприятная ситуация из-за большой естественной убыли и интенсивного миграционного оттока сложилась в регионах Прибалтийских государств, внутри которых различия также значительны. Наименьшие демографические потери несет Южная Эстония. Наиболее благоприятное положение дел — в Калининградской и Ленинградской областях, Гданьском регионе Польши и Северной Остроботнии (Финляндия).

При сопоставлении друг с другом соседних приграничных регионов России и стран ЕС не выдерживают сравнения с Ленинградской и Калининградской областями все регионы Прибалтийских стран. Но Псковская область сопоставима с Южной Эстонией, хотя и выигрывает по сравнению с другими граничащими с ней регионами Эстонии и Латвии. Ситуация в приграничных польских регионах, кроме Гданьского, также хуже, чем в Калининградской области; главным фактором здесь является отток населения из польских регионов при большом положительном сальдо миграции в Калининградскую область, а различия естественного прироста (точнее, естественной убыли населения) невелики. Показатели финских и российских регионов сопоставимы. Быстро увеличивается население Ленинградской области, медленно — финской Северной Остроботнии. Остальные граничащие друг с другом регионы постепенно теряют население за счет как естественной убыли, так и вследствие миграционного оттока.

Когда рассматриваются приграничные регионы и города, в том числе с точки зрения их демографического потенциала, следует обращать внимание на их сильную дифференциацию — большинство из них действительно, как это следует из концепции поляризации, являются депрессивными, но некоторые становятся «международными полюсами роста», которые одновременно могут иметь и значительные трансграничные связи. Для остальных сотрудничество с соседними регионами зарубежных стран может значительно снизить действующий здесь фактор периферийного положения и дать стимул к социально-экономическому и демографическому развитию.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности»).

Список литературы

1. *Fedorov G.* The Concept Of Geo-Demographic Situation And Geo-Demographic Typology Of The Subjects Of The Russian Federation // *Bulletin of Geography*. 2014. Vol. 25, №25. P. 101—114.
2. *Biermann U., Stiller S.* Migration in the Baltic Sea Region in the Context of Demographic Change // *Journal of East-West Business*. 2013. Vol. 19, iss. 1—2. P. 105—121.
3. *Hanell T.* Facts in Figures: The Baltic States and Northwest Russia at a Glance // *North*. 1998. Vol. 9, №2—3. P. 10—16.
4. *Колосов В. А.* Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: европейский опыт для России? // Региональные исследования. 2016. №3. С. 83—93.
5. *Кузнецова Т. Ю.* Тенденции и факторы демографического развития в Балтийском регионе: региональный анализ // Региональные исследования. 2013. №3. С. 50—57.
6. *Мкртчян Н. В., Карачурина Л. Б.* Центры и периферия в странах Балтии и регионах Северо-Запада России: динамика населения в 2000-е годы // *Балтийский регион*. 2014. №2. С. 62—80.
7. *Thoborg M.* Population around the Baltic Sea // *The Baltic Sea Region. Cultures, Politics, Societies* / ed. W. Maciejewski. P. 495—509.
8. *Федоров Г. М., Михайлов А. С., Кузнецова Т. Ю.* Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // *Балтийский регион*. 2017. Т. 9, №2. С. 7—27.
9. *Karachurina L., Mkrtychyan N.* Population Change in the Regional Centres and Internal Periphery of the Regions in Russia, Ukraine and Belarus over the Period of 1990—2000s // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. 2015. №28. P. 91—111.
10. *Nefedova T. G., Slepukhina I. L., Brade I.* Migration Attractiveness of Cities in the Post-Soviet Space: A Case Study of Russia, Ukraine, and Belarus // *Reg. Res. Russ.* 2016. №6. P. 131—143.
11. *Emelyanova A, Rautio A.* Population Diversification in Demographics, Health, and Living Environments: the Barents Region in Review // *NGP Yearbook 2016: Geographies of Well-Being in the North* / eds. T. Lankila, K. Tervo-Kankare. Oulu, 2016. P. 3—18.
12. *Zupančič J., Wendt J. A., Ilieș A.* An Outline of Border Changes in the Area between the Baltic and the Mediterranean: their Geopolitical Implications and Classification // *Geographia Polonica*. 2018. Vol. 91, №1. P. 33—46.
13. *Mikhaylov A. S., Mikhaylova A. A., Kuznetsova T. Y.* Coastalization Effect and Spatial Divergence: Segregation of European regions // *Ocean and Coastal Management*. 2018. Vol. 161. P. 57—65.
14. *Regional Periphery in Central and Eastern Europe* / eds. T. Komornicki, K. Ł. Czapiewski. Stanisław Leszczycki Institute of Geography and Spatial Organization. Warszawa, 2006.
15. *Lauko V.* Postavenie Pohraničnej Oblasti Juhozápadneho Slovenska v Regionálnom Rozvoji SR // *Miscellanea Geographica Universitatis Bohemiae Occidentalis*. 2001. №9. P. 213—220.
16. *Haase A., Bernt M., Großmann K. et al.* Varieties of Shrinkage in European Cities // *European Urban and Regional Studies*. 2013. Vol. 23, №1. P. 86—102.
17. *Hudson R.* Uneven Development, Socio-Spatial Polarization and Political Responses // T. Lang, S. Henn, W. Sgibnev, K. Ehrlich (eds.). *Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization*. L., 2015. P. 25—39.
18. *Lavrinovich I., Lavrinenko O., Jefimovs N.* Sustainable. Development, Economic Growth and Differentiation of Incomes of Latvian Population // *Journal of Security and Sustainability*. 2012. Vol. 2, №1. С. 33—39.

19. *Fratesi U., Perucca G.* Territorial Capital and the Resilience of European Regions // The Annals of Regional Science. 2018. Vol. 60, №2. P. 241—264.
20. *Lagas P., Dongen F. van, Rijn F. van, Visser H.* Regional Quality of Living in Europe // Region. Vol. 2, №2. 2015. P. 1—26.
21. *Crescenzi R., Iammarino S.* Global Investments and Regional Development Trajectories: the Missing Links // Regional Studies. 2017. Vol. 51, №1. P. 97—115.
22. *Ubarevičienė R., Ham M. van.* Population Decline in Lithuania: Who Lives in Declining Regions and Who Leaves? Regional Studies // Regional Science. 2017. Vol. 4, №1. P. 57—79.
23. *Klupt M. A.* Centre-Periphery Relations in Europe: Demographic aspect // World Economy and International Relations. 2015. Vol. 59, №2. P. 58—67.
24. *Клемешев А. П., Федоров Г. М.* От изолированного эксклава — к «коридору развития». Альтернативы российского эксклава на Балтике. Калининград, 2004.
25. *Федоров Г. М.* Калининградская дилемма: «коридор развития» или «двойная периферия»? Геополитический фактор развития российского эксклава на Балтике // Балтийский регион. 2010. №2. С. 5—15.
26. *Friedmann J.* Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. MIT Press, 1966.
27. *Zhitin D. V., Shendrik A. V.* Population Dynamics in Towns of Leningrad Oblast: Effects of the Crisis of 2014—2016 // Reg. Res. Russ. 2018. Vol. 8, №1. P. 46—57.
28. *Nipers A., Pilvere I., Bulderberga Z.* Territorial Development Assessment in Latvia // Research for Rural Development. 2017. №2. P. 126—134.

Об авторе

Татьяна Юрьевна Кузнецова, кандидат географических наук, доцент Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: tikuznetsova@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9707-5003>

Для цитирования:

Кузнецова Т. Ю. Особенности динамики численности населения в граничащих друг с другом регионах России и стран Европейского союза // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №3. С. 41—57. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-3.

POPULATION CHANGE IN THE NEIGHBOURING REGIONS OF RUSSIA AND THE EUROPEAN UNION COUNTRIES

T. Yu. Kuznetsova¹

¹ *Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A Nevskogo St., Kaliningrad, Russia, 236016*

Submitted on April 23, 2018
doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-3

In this article, I carry out a comparative analysis of population change in the bordering regions of Russia and the European Union. Peripheries of their countries, most of these regions enjoy a more or less favourable demographic situation, which, however, differs from place to place. To attain the aims of the study, I analyse official data from Russian and EU

statistical offices and map the results obtained. I identify significant differences between border regions and cities. The most adverse demographic situation is observed in the borderlands of the Baltics, a slightly better one in Poland and Finland. As to Russia's border regions, a population increase is characteristic of Saint Petersburg and the Leningrad and Kaliningrad regions. Yet, a number of cities in the immediate vicinity of the border face a population decline. The demographic situation could be improved by more active trans-boundary collaborations and by the border serving increasingly as a contact area rather than a barrier.

Keywords: demographic situation, border regions, border cities, Russia, Baltics, Poland, Finland

References

1. Fedorov, G. 2014, The Concept of Geo-Demographic Situation and Geo-Demographic Typology of the Subjects of the Russian Federation, *Bulletin of Geography*, 25(25), 101—114. doi: 10.2478/bog-2014-0032.
2. Biermann, U., Stiller, S. 2013, Migration in the Baltic Sea Region in the Context of Demographic Change, *Journal of East-West Business*, Vol. 19, no. 1—2, p. 105—121.
3. Hanell, T. 1998, Facts in Figures: The Baltic States and Northwest Russia at a Glance, *North*, Vol. 9, no. 2—3, p. 10—16.
4. Kolosov, V.A. 2016, Cross-border Regionalization and Frontal Migration: European Experience for Russia? *Regional'nye Issledovaniya* [Regional Research], no. 3, p. 83—93 (in Russ.).
5. Kuznetsova, T. Yu. 2013, Tendencies and Factors of Demographic Development in the Baltic Region: Regional Analysis, *Regional'nye Issledovaniya* [Regional research], no. 3, p. 50—57 (in Russ.).
6. Mkrtychyan, N., Karachurina, L. 2014, The Baltics and Russian North-West: the Core and the Periphery in the 2000s, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 48—62. doi: 10.5922/2079-8555-2014-2-4.
7. Thoborg, M. 2002, Population Around the Baltic Sea, In: Maciejewski, W. (ed.) *The Baltic Sea Region. Cultures, Politics, Societies*, Uppsala, p. 495—509.
8. Fedorov, G.M., Mikhailov, A.S., Kuznetsova, T. Yu. 2017, The Influence of the Sea on the Economic Development and Settlement Structure in the Baltic Sea region, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 2, p. 4—18. doi: 10.5922/2079-8555-2017-2-1.
9. Karachurina, L., Mkrtychyan, N. 2015, Population Change in the Regional Centres and Internal Periphery of the Regions in Russia, Ukraine and Belarus over the Period of 1990—2000s, *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*, no. 28, p. 91—111. doi: <http://dx.doi.org/10.1515/bog-2015-0018>.
10. Nefedova, T.G., Slepukhina, I.L., Brade, I. 2016, Migration Attractiveness of Cities in the Post-Soviet Space: A Case Study of Russia, Ukraine, and Belarus, *Reg. Res. Russ.*, no. 6, p. 131—143. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970516020088>.
11. Emelyanova, A., Rautio, A. 2016, *Population Diversification in Demographics, Health, and Living Environments: the Barents Region in Review*. In: Lankila, T., Tervo-Kankare, K. (eds.) *NGP Yearbook 2016: Geographies of Well-Being in the North*, Finland, p. 3—18.
12. Zupančič, J., Wendt, J.A., Ilieș, A., An Outline of Border Changes in the Area between the Baltic and the Mediterranean: their Geopolitical Implications and Classification, *Geographia Polonica*. Vol. 91, no. 1, p. 33—46. doi: <https://doi.org/10.7163/GPol.0104>.
13. Mikhaylov, A.S., Mikhaylova, A.A., Kuznetsova, T.Y. 2018, Coastalization Effect and Spatial Divergence: Segregation of European regions, *Ocean and Coastal Management*, Vol. 161, p. 57—65.
14. Komornicki, T., Czapiewski, K.Ł. 2006, *Regional Periphery in Central and Eastern Europe*, Stanisław Leszczycki Institute of Geography and Spatial Organization, PAS Warszawa, 234 p.
15. Lauko, V. 2001, Postavenie pohranične oblasti juhozápad neho Slovenska v regionálnom rozvoji SR, *Miscellanea Geographica Universitatis Bohemiae Occidentalis*, no. 9, p. 213—220.

16. Haase, A., Bernt, M., Großmann, K., Mykhnenko, V., Rink, D. 2013, Varieties of Shrinkage in European Cities, *European Urban and Regional Studies*, Vol. 23, no. 1, p. 86—102.
17. Hudson, R. 2015, Uneven Development, Socio-Spatial Polarization and Political Responses. In: Lang, T., Henn, S., Sgibnev, W., Ehrlich, K. (eds.) *Understanding Geographies of Polarization and Peripheralization*, London, p. 25—39. doi: <http://dx.doi.org/10.1057/9781137415080>.
18. Lavrinovich, I., Lavrinenko, O., Jefimovs, N. 2012, Sustainable Development, Economic Growth and Differentiation of Incomes of Latvian Population, *Journal of Security and Sustainability*, Vol. 2, no. 1, p. 33—39.
19. Fratesi, U., Perucca, G. 2018, Territorial Capital and the Resilience of European Regions, *The Annals of Regional Science*, Vol. 60, no. 2, p. 241—264 doi: <https://doi.org/10.1007/s00168-017-0828-3>.
20. Lagas, P., van Dongen, F., van Rijn, F., Visser, H. 2015, Regional Quality of Living in Europe, *Region*, Vol. 2, no. 2, p. 1—26. doi: 10.18335/region.v2i2.43.
21. Crescenzi, R., Iammarino, S. 2017, Global Investments and Regional Development Trajectories: The Missing Links, *Regional Studies*, Vol. 51, no. 1, p. 97—115. doi: 10.1080/00343404.2016.1262016.
22. Ubarevičienė, R., van Ham, M. 2017, Population Decline in Lithuania: Who Lives in Declining Regions and Who Leaves? *Regional Studies, Regional Science*, Vol. 4, no. 1, p. 57—79. doi: 10.1080/21681376.2017.1313127.
23. Klupt, M.A. 2015, Centre-Periphery Relations in Europe: Demographic Aspect, *World Economy and International Relations*, Vol. 59, no. 2, p. 58—67.
24. Klemeshev, A.P., Fedorov, G.M. 2004, *Ot izolirovannogo eksklava — k «koridoru razvitiya». Al'ternativy rossiiskogo eksklava na Baltike* [From an Isolated Exclave — to the "Corridor of Development". Alternatives to the Russian Exclave in the Baltic], Kaliningrad, 253 p. (in Russ.).
25. Fedorov, G.M. 2010, The Kaliningrad Dilemma: a 'Development Corridor' or a 'Double Periphery'? The Geopolitical Factor of the Development of the Russian Exclave on the Baltic Sea, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 4—12. doi: 10.5922/2079-8555-2010-2-1.
26. Friedmann, J. 1966, *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*, MIT Press, 279 p.
27. Zhitin, D.V., Shendrik, A.V. 2018, Population Dynamics in Towns of Leningrad Oblast: Effects of the Crisis of 2014—2016, *Reg. Res. Russ.*, Vol.8, no. 1, p. 46—57. doi: <https://doi.org/10.1134/S2079970518010112>
28. Nipers, A., Pilvere, I., Bulderberga, Z. 2017, Territorial Development Assessment in Latvia, *Research for Rural Development*, no. 2, p. 126—134. doi:10.22616/rrd.23.2017.059.

The author

Dr Tatyana Yu. Kuznetsova, Associate Professor, Department of Geography, Nature Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Tikuznetsova@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9707-5003>

To cite this article:

Kuznetsova, T. Yu. 2018, Population Change in the Neighbouring Regions of Russia and the European Union States, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p. 41—57. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-3.

ДИАСПОРЫ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С ДИАСПОРАМИ И ДИАСПОРАЛЬНЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ КАК КЛЮЧ К УСПЕШНОЙ ПОЛИТИКЕ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ В ЕС

*И. Н. Молодикова*¹

*Л. Л. Емельянова*²

*А. В. Лялина*²

На основе анализа материалов Еврокомиссии и Европарламента (директив, консультаций, рекомендаций), а также успешных практик международных проектов стран ЕС в области интеграции мигрантов (как в странах ЕС, так и в третьих странах — источниках мигрантов) представлены роль диаспор и усилия ЕС по их вовлечению в интеграционный процесс. Делается акцент на необходимость разработки новой общеевропейской иммиграционной и интеграционной политики ЕС в свете изменения трендов миграционных процессов и так называемого миграционного кризиса. Исследование показало, что интеграционная политика ЕС не только в значительной степени направлена на самих мигрантов и принимающие страны, но и затрагивает взаимодействие со странами исхода переселенцев. С начала 2010-х годов существенно активизировалось вовлечение разнообразных диаспоральных организаций в реализацию общеевропейской политики интеграции мигрантов. Анализ реализованных проектов показал, что диаспоры могут быть одними из главных акторов в интеграционной политике ЕС. Предлагается расширить перечень направлений национальной интеграционной политики стран ЕС за счет интенсификации усилий по снижению разрыва в социально-экономическом развитии стран исхода мигрантов со странами приема, в том числе с помощью многостороннего сотрудничества с диаспоральными организациями.

Ключевые слова: диаспора, вынужденная миграция, трудовая миграция, мультикультурализм, политика интеграции мигрантов, диаспоральные организации, ЕС

Введение

Миграция играет все большую роль в жизни развитых стран. Так, число мигрантов, проживающих в Европейском союзе, с каждым годом увеличивается, и в 2016 году составило уже 20,7 млн человек, или 4,1 % населения ЕС. Наибольшее количество мигрантов сосредоточено в пяти стра-

¹ Центрально-Европейский университет, 1053, Венгрия, Будапешт, ул. Надор, 13.

² Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 10.05.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-4

© Молодикова И. Н., Емельянова Л. Л., Лялина А. В., 2018

нах: Германии, Великобритании, Италии, Испании и Франции. Граждане третьих стран (далее — ТС), проживающие в перечисленных государствах, составляют 76% от всего числа мигрантов в ЕС.

Особенности формирования европейского миграционного поля позволяют говорить о существенных различиях европейских государств как по выработке собственных национальных и региональных подходов, так и по поиску мер наднационального характера, направленных на общеевропейскую политику в области миграционного регулирования. Различия обусловлены спецификой миграционной ситуации в этих странах и количеством мигрантов.

Политика интеграции мигрантов в отдельных странах Европы появилась задолго до разработки общеевропейской интеграционной политики. Формирование отношения государства к мигрантам в рамках концепции мультикультурализма началось за океаном, в Канаде и Австралии, и позже, в разные периоды последней трети XX века, было поддержано в Голландии, Швеции и частично Великобритании [1]. Во Франции реализация ассимиляционной концепции насчитывает уже более 120 лет [2].

С конца 1990-х годов общие миграционные проблемы обусловили постепенное вовлечение всех стран ЕС в наднациональный диалог по регулированию иммиграционных процессов, что привело к существенному сближению миграционной политики государств — членов ЕС и формированию общеевропейской иммиграционной политики. Негативные социальные процессы, такие как снижение рождаемости, кризис пенсионной системы и растущий дефицит рабочих мест в ряде сфер занятости, анклавизация общества, рост нелегальной миграции, с конца 1990-х годов способствовали необходимости усиления внимания стран ЕС к интеграционной политике, которая долгое время находилась в плоскости государственного регулирования.

Одним из возможных путей усиления интеграции мигрантов является работа с диаспорами и странами исхода мигрантов. Большое количество работ посвящено разработке этого направления миграционной политики на уровне ЕС, хотя в официальных документах Еврокомиссии прямое упоминание диаспор как одного из основных институтов интеграции отсутствовало вплоть до 2010-х годов. Так, в последних важных документах Еврокомиссии термин «диаспора» используется в «Общей повестке дня для интеграции граждан третьих стран» 2011 года¹ и «Плане действий по интеграции граждан третьих стран» 2016 года (COM 2016)², где диаспоры упоминаются как один из институтов интеграции.

Анализ роли диаспор в интеграционной политике ЕС базируется на материалах ЕС (директивы, коммуникации, законодательные документы и инициативы), посвященных проблеме миграционной политики по вовлечению диаспор в процесс интеграции мигрантов на наднациональном и национальном уровнях. В первой части нашей статьи дается краткий анализ становления интеграционной политики ЕС до 2010 года. Вторая часть посвящена изменениям в политике с началом так называемого миграционного кризиса в ЕС по-

¹ *European Agenda for the Integration of Third-Country Nationals* : Communication From The Commission To The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions COM (2011) 455 final of 20 July 2011.

² *Action Plan on the integration of third country nationals* : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions COM (2016) 377 final of 7 June 2016.

сле 2014 года³. В третьей части рассматривается место диаспоральных организаций стран ЕС в европейской наднациональной интеграционной политике. И наконец, четвертая часть представляет практики вовлечения диаспор на локальном и национальном уровнях. Авторами выделены направления деятельности диаспоральных организаций, перспективные с точки зрения содействия в реализации европейской политики интеграции (исходя из локального и национального опыта стран ЕС). В заключении обозначены вызовы и возможности по вовлечению диаспор в интеграцию мигрантов из третьих стран. В статье не рассматриваются вопросы интеграции мигрантов — граждан стран ЕС, хотя мы считаем, что такие проблемы также имеют место (например, случай дискриминации в праве миграции и свободы проживания цыганских таборов во Франции). Директорат по справедливости проводит постоянный мониторинг случаев дискриминации в странах ЕС различных гражданских прав и свобод.

Становление новой наднациональной иммиграционной и интеграционной политики ЕС

Единые принципы наднациональной иммиграционной политики, закрепленные в Римском договоре (1957), Шенгенском соглашении (1985), Мaaстрихском (1993), Амстердамском (1999) и Лиссабонском договорах (2009), основываются главным образом на международных *декларативных* принципах общей правоприменительной практики. С конца 1990-х годов общеевропейская иммиграционная политика и политика убежища стали частью создания «пространства свободы, безопасности и правосудия» в ЕС и получили новый импульс к развитию в рамках последующих пятилетних программ («План Тампере» (1999), «Гаагская программа» (2004), «Стокгольмская программа» (2009), «Ипрские принципы» (2014)) [3].

Создание скоординированной интеграционной миграционной политики в 27 государствах — членах стало одной из главных задач Еврокомиссии. «Гармонизация»⁴ миграционной политики стран ЕС осуществляется по четырем основным направлениям: 1) эффективное развитие легальной миграции и снижение нелегальной; 2) развитие и усиление интеграционных программ для мигрантов; 3) создание единой европейской системы предоставления убежища; 4) улучшение кооперации с третьими странами в вопросах миграции [5].

³ Под понятием «миграционный кризис» в ЕС подразумевается «кризис беженцев» как неконтролируемое силами пограничных служб стран ЕС движение мигрантов из стран Африки и Азии (охваченных войной или большими экономическими проблемами), ищущих убежище и лучшую долю в странах ЕС. Поскольку в это же время в Россию прибыло практически такое же количество ищущих убежище людей из регионов Восточной Украины и миграционного кризиса в стране не наблюдалось, мы думаем, что в ЕС происходит политизация ситуации отсутствия управления миграционными процессами, так как кризисом считается событие, которое приводит к нестабильности и непредсказуемой ситуации, влияющей как на отдельных людей, так и на группы и общество в целом.

⁴ Гармонизация законодательства основана на ст. 115 «The Treaty on the functioning of the EU» (Римского и, позже, Лиссабонского договоров), которая обеспечивает сближение положений, установленных законом, по регулированию или административным действиям, непосредственно влияющим на функционирование общего рынка труда, капитала, валюты и т.д., приводящим к сближению национальных законодательств через учет рекомендаций гармонизационных директив (*harmonisation directives*), разрабатываемых Еврокомиссией, см.: [4].

Исходной точкой общеевропейской интеграционной модели является положение о трудовой занятости иностранцев, предоставляющее возможность самостоятельного существования мигранта (*самоподдержания*). Это экономическое требование включает в себя решение проблем проживания, занятости, свободного доступа к образованию, социальному и медицинскому страхованию, а также участию в общественной жизни. Успешная интеграция предполагает знание иностранцем языка, культуры и структуры организации принимающего общества.

В 2004 году ЕС были сформулированы «Общие основные принципы политики интеграции мигрантов в ЕС» как **двухстороннего процесса** взаимного приспособления мигрантов и населения стран их проживания в ЕС, строящегося на ценностях Евросоюза⁵. В 2005 году принят План политики в отношении законной миграции⁶ и интеграции иностранцев и членов их семей. В нем указывалось, что культурное и религиозное многообразие должно быть обеспечено на низовом и национальном уровне, если это не противоречит национальному законодательству. Также в 2005 году была одобрена «Общая повестка дня для интеграции: основа интеграции граждан третьих стран в Европейском союзе»⁷ на 2005—2010 годы. Она послужила моделью для пересмотра государствами — членами ЕС своего законодательства по вопросам интеграции.

Для реализации данной программы в 2007 году были созданы несколько фондов ЕС с общим бюджетом в 3,8 млрд евро на 2007—2013 годы: Европейский фонд интеграции граждан третьих стран (ЕФИ)⁸, 825 млн евро; Европейский фонд беженцев (ЕФБ), 630 млн евро; Фонд возвращения (ФВ), 678 млн евро и Европейский фонд внешних границ (ФВГ) с бюджетом в 1820 млн евро⁹. Также часть средств для интеграции мигрантов была предусмотрена в рамках Европейского социального фонда (ЕСФ)¹⁰.

В странах ЕС постепенно росло осознание важности вовлечения диаспоральных организаций в качестве агентов наднациональной интеграционной политики ЕС, что изначально было обусловлено необходимостью интенсифицировать взаимодействие со странами исхода иммигрантов. Акцент на сотрудничество со странами, не входящими в ЕС, впервые сделан в «Глобальном подходе к миграции»¹¹, предложенном Европейским советом в 2005 году. На-

⁵ *Common Basic Principles Integration Policy in the European Union* : press release. Council Of The European Union, 2618th Council Meeting, 19 Nov. 2004. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/jha/82745.pdf (дата обращения: 18.04.2018).

⁶ *Policy Plan on Legal Migration* : Communication From The Commission COM (2005) 669 final of 21 Dec. 2005.

⁷ *A Common Agenda for Integration — Framework for the Integration of Third-Country Nationals in the European Union* : Communication From The Commission To The Council, The European Parliament, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions COM (2005) 389 final of 1 Sept. 2005.

⁸ ЕФИ поддерживает проекты, необходимые для социальной, образовательной, культурной, религиозной, языковой интеграции иностранцев, что должно способствовать росту солидарности сообщества, а также развитию прав и свобод в ЕС.

⁹ *Council Decision of 25 June 2007 establishing the European Fund for the Integration of third-country nationals for the period 2007 to 2013 as part of the General programme «Solidarity and Management of Migration Flows»* (2007/435/EC).

¹⁰ ЕСФ обеспечивает все законно проживающее население в ЕС определенными выплатами социального характера.

¹¹ *Presidency Conclusions of the Brussels European Council 15914/1/05 Rev 1 of 30 Jan. 2006* (15—16 Dec. 2005). URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/ec/87642.pdf (дата обращения: 04.04.2018).

чиная с этого момента ЕС организует совместные площадки многостороннего и двустороннего трансграничного диалога со своими партнерами за пределами ЕС для обсуждения миграции и интеграции, вопросов сотрудничества с диаспорой (Пражский процесс, Партнерство по вопросам миграции в регионе Шелкового пути, афро-европейские переговоры по вопросам миграции и мобильности и др.). В это время были подписаны двусторонние партнерства о мобильности с Марокко, Тунисом, Иорданией, Эфиопией, Нигерией и другими странами [6]. В 2008 году был утвержден «Европейский пакт иммиграции и убежища»¹², в котором заявлено, что интеграция иностранцев начинается еще до их отбытия из своей страны, хотя осуществляется непосредственно в стране приезда. Так, **вместо двухстороннего взаимодействия «мигрант — принимающее общество» Еврокомиссия принимает трехстороннее направление работы по интеграции с добавлением стран исхода мигрантов.** Частью своей политики интеграции ЕС пытается сделать внешнюю политику влияния на страны выезда через финансирование в них различных программ — например, Платформа для диалога между Африкой и ЕС (EU-Africa «Platform for dialogue on governance») и Европейская политика соседства (European Neighborhood Policy) — и усиление кооперации на низовом уровне посредством разработки конкретных планов взаимодействия отдельно взятых третьих стран с ЕС¹³.

Такие программы могут быть общего и специального характера (по определенной тематике, например по ориентации на рынке труда, ознакомлению с правовым положением иностранцев, системе социальной защиты). Диаспора в стране проживания может внести в них существенный вклад, в том числе через распространение информации, помощь в получении образования, содействие в получении жилья и медицинского обслуживания, трудоустройстве и защите от дискриминации. Напрямую в вышеприведенных документах ЕС и Еврокомиссии упоминание диаспор как институтов отсутствовало.

К 2008 году были сформулированы 10 общеевропейских принципов иммиграционной политики, представленные Еврокомиссией как «Общая иммиграционная политика Европейского союза: принципы, направления, инструменты»¹⁴. Они легли в основу «Стокгольмской программы» на 2010—2014 годы и новых «Ипрских принципов» на 2015—2019 годы и отражают стремление европейских стран стимулировать законную иммиграцию в соответствии с потребностями ЕС в рабочей силе, а также управлять миграционными процессами в партнерстве со странами — экспортерами мигрантов¹⁵.

Однако экономический кризис 2008—2009 годов заморозил на короткое время инициативы ЕС по интеграции, так как сократилось национальное финансирование интеграционных программ. После кризиса в новом «Глобальном

¹² Council Of The European Union, 2008. European Pact on Immigration and Asylum (No. prev. doc.: 13189/08 ASIM 68 of 24 September 2008). URL: <http://register.consilium.europa.eu/doc/srv?l=EN&f=ST%2013440%202008%20INIT> (дата обращения: 14.05.2018).

¹³ Committee of the Regions on Integration Policy and Intercultural Dialogue, 2009. Opinion of the Committee of the Regions on 'Integration Policy and Intercultural Dialogue' (2009/C 76/01 of 31 March 2009). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX:52008AR0251&from=EN> (дата обращения: 14.05.2018).

¹⁴ A Common Immigration Policy for Europe: Principles, actions and tools : Communication From The Commission To The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions COM (2008) 359 of 17 June 2008.

¹⁵ 20 years of Migration Policy: the path to a European Agenda on Migration / European Commission, 2015. URL: http://ec.europa.eu/dgs/home-affairs/elibrary/docs/timeline_en/timeline_en.pdf (дата обращения: 18.04.2018).

подходе к миграции и мобильности» 2011 года¹⁶ Еврокомиссия признала необходимым расширить диалог с диаспорами, мигрантскими группами и другими неправительственными организациями, в том числе для повышения эффективности интеграции иммигрантов. Важным событием было принятие «Общей повестки дня для интеграции граждан третьих стран» 2011 года¹⁷, в которой звучит призыв поддерживать сотрудничество между диаспоральными сообществами и странами исхода в целях содействия транснациональному предпринимательству и внешнеторговым отношениям. В Повестке представлены европейские «модули интеграции», а в Рабочем документе персонала Комиссии ЕС¹⁸ содержатся европейские инициативы по поддержке интеграции иммигрантов.

Результатом *интенсификации* усилий по разработке общей интеграционной политики ЕС в рамках «мягкого права» стало:

- учреждение сети национальных координационных центров правительственных экспертов в области интеграции (National Contact Points on integration);
- ежегодное проведение Европейского миграционного форума (до 2015 года — Европейского интеграционного форума), объединяющего более 100 общественных организаций стран ЕС;
- создание интернет-портала «European website on integration»;
- издание и периодическое переиздание «Руководства по интеграции для политиков и практиков» (Handbook on Integration for policy-makers and practitioners);
- разработка комплекса индикаторов мониторинга реализации политики интеграции мигрантов в странах ЕС.

Миграционный кризис и политика интеграции ЕС и национальных государств

Начало миграционного кризиса в 2014 году привело к трансформации иммиграционной, интеграционной политик и политики убежища европейских государств. Страны ЕС испытали шок из-за отсутствия возможности контролировать свои границы в результате исхода беженцев из ближневосточных и африканских стран. С притоком волны ищущих убежище вопросы политики безопасности стран ЕС стали преобладать над интеграционными в повестке дня ЕС. Четыре вышеупомянутых фонда в 2013 году были объединены в два: Фонд внутренней безопасности с бюджетом в 3,9 трлн евро и новый общеевропейский Фонд предоставления убежища, миграции и интеграции на 2014—2020 годы с бюджетом 3,1 трлн евро, заменивший ЕФИ, ЕФБ и ФВ. Общий их бюджет вырос в два раза, но вопросы интеграции мигрантов в работе этих фондов были сильно потеснены вопросами безопасности ЕС.

¹⁶ *The Global Approach to Migration and Mobility* : Communication From The Commission To The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions COM (2011) 743 final of 18 Nov. 2011.

¹⁷ *European Agenda for the Integration of Third-Country Nationals* : Communication From The Commission To The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions COM (2011) 455 final of 20 July 2011.

¹⁸ *EU initiatives supporting the integration of third-country nationals* : Commission Staff Working Paper accompanying the Communication From The Commission To The European Parliament, The Council, The European Economic And Social Committee And The Committee Of The Regions on the European agenda for the integration of third-country nationals SEC (2011) 957 final of 20 July 2011.

Иммиграционная политика, выведенная на наднациональный уровень согласно Амстердамскому договору, на практике остается в значительной мере подконтрольной деятельности национальных государств, а роль ЕС заключается в обеспечении основы для координации, мониторинга, оценки эффективности и информационного взаимодействия в рамках построения национальной интеграционной политики и в распределении бюджетных средств на реализацию миграционной политики [7]. Тем не менее приверженность реализации базовых принципов интеграции мигрантов, выработанных на наднациональном уровне, приобретает все большую актуальность в работе с беженцами из третьих стран для отдельных государств — членов ЕС [8]. На встрече Совета министров внутренних дел и юстиции ЕС 5—6 июня 2014 года¹⁹ было предложено углубить и расширить некоторые аспекты базовых принципов в области добровольного взаимодействия со странами исхода мигрантов, преодоления дискриминации, противодействия социальной изоляции наиболее уязвимых категорий мигрантов.

В мае 2015 года была принята «Европейская повестка дня по миграции»²⁰, в которой сделан акцент на спасении гибнущих в Средиземном море людей и реформировании существующей системы предоставления убежища. С этого времени основная задача в интеграционной политике ЕС — это интеграция беженцев. Одобренный в 2016 году «План действий по интеграции граждан третьих стран»²¹ также содержит меры для решения конкретных проблем, с которыми сталкиваются беженцы: повышение доступности образования и профессиональной подготовки, расширение и ускорение доступа к рынку труда, помощь в решении бытовых вопросов, содействие социальному взаимодействию беженцев с принимающим обществом. Усилия диаспор упомянуты в нем отдельно, наравне с другими неправительственными и религиозными организациями. План действий по интеграции сегодня определяет формат диалога, в котором задействованы диаспоральные организации и работают Европейская интеграционная сеть, Европейский миграционный форум, Партнерство в рамках «Повестки дня городов ЕС» и Круглый стол Еврокомиссии и европейских городов.

ЕС в 2014—2020 годах осуществляет финансовую поддержку интеграционных инициатив диаспоральных организаций через Европейский фонд развития (EDF), Программу общемировых общественных благ и вызовов ЕС (GPGC), Директорат по кооперации и развитию Еврокомиссии, Фонд предоставления убежища, миграции и интеграции ЕС, а также по линии международных организаций (МОМ, УВКБ ООН и ПРООН), национальных министерств и фондов стран ЕС.

Миграционный кризис показал, что не все государства ЕС разделяют его единую позицию по вопросу интеграции мигрантов, особенно беженцев. Существует явная национальная, региональная и локальная специфика [9; 10]. Если южные страны ЕС — Португалия, Италия и Испания — занимают более

¹⁹ Council Of The European Union : press release. 3319th Council Meeting, 5—6 June 2014. URL: <http://www.iem.gov.lv/files/text/143119.pdf> (дата обращения: 18.04.2018).

²⁰ A European Agenda on Migration : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions COM (2015) 240 final of 13 May 2015.

²¹ Action Plan on the integration of third country nationals : Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions COM (2016) 377 final of 7 June 2016.

активную политику интеграции в настоящее время, то в странах с более длительным опытом приема мигрантов, как Великобритания или Нидерланды, ощущается усталость и чувство разочарования от иммиграции [2, с. 218]. Страны Вышеградской четверки (Венгрия, Польша, Чехия и Словакия) категорически отказываются участвовать в решении проблемы распределения беженцев и их интеграции.

На сегодняшний день также нет единой законодательной основы для оценки степени интеграции мигрантов в странах ЕС [11]. Определенным потенциалом обладает Индекс оценки политики интеграции мигрантов (Migrant Integration Policy Index, MIPEX) (табл. 1), который предлагает оценку в баллах от 0 до 100 по таким направлениям, как доступ к рынку труда, доступ к образовательным услугам и услугам системы здравоохранения, возможность участия в политической жизни страны (голосование), доступ к получению гражданства и длительного вида на жительство, возможности по воссоединению семьи, политика в области равенства и антидискриминации. Согласно последним доступным данным (за 2014 год), свыше половины государств — членов ЕС (14 из 27) характеризуются средними значениями Индекса, то есть реализуют активную политику интеграции лишь частично. Существует множество препятствий для полноценного участия мигрантов в социальной, экономической и политической жизни общества. Только 8 стран — участниц ЕС демонстрируют высокие значения Индекса и имеют законодательство, позволяющее активно (или скорее активно) осуществлять интеграцию мигрантов. Согласно мнению экспертов, в этих странах уровень развития политики интеграции обеспечивает максимальное равенство прав и возможностей мигрантов и представителей местного населения. Еще 5 государств — членов ЕС уделяют мало внимания развитию интеграции вновь прибывшего населения и отнесены к категории реализующих пассивную политику интеграции. В этих странах мигранты наиболее часто сталкиваются с проблемами по адаптации и интеграции в принимающее общество, ощущают антииммигрантскую риторику властей.

Таблица 1

**Ранжирование 27 стран — членов ЕС по значениям Индекса MIPEX
в 2007, 2010 и 2014 годах**

Государство	Индекс 2007	Индекс 2010	Индекс 2014
Швеция	84,7	83,1	80,0
Португалия	76,4	78,8	80,0
Финляндия	69,5	69,2	71,0
Бельгия	64,4	67,3	70,0
Германия	58,9	57,4	63,0
Нидерланды	70,8	67,7	61,0
Испания	61,7	62,5	61,0
Люксембург	51,9	60,2	60,0
Италия	65,3	60,4	58,0
Дания	50,9	52,7	59,0
Великобритания	65,8	56,6	56,0
Франция	54,0	50,6	54,0
Евросоюз	53,7	51,3	53,0
Ирландия	52,3	48,6	51,0
Эстония	43,3	46,0	49,0
Словения	52,5	48,5	48,0
Австрия	39,2	41,0	48,0
Греция	40,1	49,0	46,0
Венгрия	47,2	44,9	46,0

Окончание табл. 1

Государство	Индекс 2007	Индекс 2010	Индекс 2014
Чехия	42,1	45,8	45,0
Румыния	-	45,2	45,0
Болгария	-	40,5	44,0
Польша	43,3	41,8	43,0
Мальта	40,0	36,9	39,0
Литва	42,7	39,8	38,0
Словакия	38,4	36,3	38,0
Кипр	36,2	35,2	36,0
Латвия	30,4	30,7	34,0

 Законодательство способствует «активной политике интеграции» (значение индекса более 80,0) или «скорее активной политике интеграции» (значение индекса 60,0—79,0)

 Законодательство способствует «частичной активности по интеграции» (значение индекса 41,0—59,0)

 Законодательство позволяет осуществлять «пассивную политику интеграции» (значение индекса менее 40,0)

Источник: *Migrant Integration Policy Index*, 2015 : Overall score, 2014. URL: <http://www.mipex.eu/play/> (дата обращения: 01.05.2018).

Некоторые страны отказались от ранее принятых общих принципов миграционного регулирования и перешли к поиску собственных путей решения острых миграционных вопросов. Так, власти Австрии в 2016 году временно приостановили действие Шенгенского соглашения²². Швеция приняла временный закон об ужесточении правил предоставления вида на жительство²³. Венгрия, Румыния, Македония, Хорватия, Норвегия и часть стран Балтии возводят стены на границах с третьими странами.

Поскольку прогноз численности населения африканских и азиатских стран на ближайшие 50 лет показывает быстрые темпы ее роста, на фоне непрекращающихся ближневосточных и африканских конфликтов страны ЕС опасаются большого числа беженцев и вынужденных переселенцев²⁴. Таким образом, проблема повышения эффективности взаимодействия со странами — источниками беженцев за пределами ЕС выходит на первый план в реализации внешней, иммиграционной и интеграционной политик [12] как на общеевропейском уровне, так и на уровне отдельных стран. Поиск и распространение успешных практик в этом направлении — одна из задач интеграционной политики [13—15]. В этой связи, на наш взгляд, представляется чрезвычайно важным и наиболее перспективным использование потенциала национальных общин и диаспор.

²² Австрия приостановила Шенген // Expert Online: деловой общенациональный аналитический ресурс. 2016. URL: <http://expert.ru/2016/01/17/avstriya-priostanovila-shengen/> (дата обращения: 01.05.2018).

²³ Парламент Швеции одобрил закон по ужесточению миграционной политики // «РИА Новости»: сетевое издание. 2016. 21 июня. URL: <https://ria.ru/world/20160621/1449527769.html> (дата обращения: 01.05.2018).

²⁴ *Gapminder* Foundation, 2014. DON'T PANIC — Hans Rosling showing the facts about population. [video online]. URL: <https://www.gapminder.org/videos/dont-panic-the-facts-about-population> (дата обращения: 01.05.2018).

Место диаспоральных организаций стран ЕС в европейской интеграционной политике

Сегодня ни один ученый не сможет назвать точное количество диаспоральных групп в ЕС как из-за размытости самого термина «диаспора» [13], так и из-за динамизма процесса диаспоризации мигрантов в диаспоральные организации в ЕС в силу большого разнообразия институциональных форм и правового статуса, которые они принимают, и обширности направлений их деятельности: от культурной, религиозной и социальной до политической, экономической и правовой [16]. Диаспоральные организации образуются по разному принципу — общая страна исхода или происхождения, этническая и религиозная принадлежность, область профессиональной деятельности, социальный статус, возраст, пол и т. д. Они могут формироваться как самостоятельно («снизу»), так и по инициативе и при содействии государства («сверху») [2]. Практика показывает, что диаспоральные организации зачастую выступают в качестве «моста», связывающего трех ведущих агентов процесса интеграции — самих иммигрантов, страны приема и исхода иммигрантов. При этом важно отметить, что взаимодействие с диаспоральными организациями, как правило, происходит на разных уровнях — наднациональных и национальных, региональных и местных институтов, бизнес-сообществ, профсоюзов, религиозных, правозащитных и других общественных и негосударственных организаций, а также отдельных индивидов.

Анализ опыта взаимодействия диаспоральных организаций с иммигрантами и странами исхода показал, что основные направления этого взаимодействия во многом пересекаются с одиннадцатью «Общими основными принципами политики интеграции мигрантов в ЕС»²⁵ и с приоритетными направлениями национальной интеграционной политики стран — членов ЕС (табл. 2). И сегодня вовлечение диаспоральных организаций в интеграционные процессы и интеграционную политику ЕС должно опираться как раз на потенциал их взаимодействия как с иммигрантами, так и со странами исхода с учетом той активности, которую они демонстрируют в этих процессах. Проведенный анализ позволил определить, что диаспоральные организации наиболее активны при осуществлении межкультурного диалога принимающего общества и иммигрантов, поддержке иммигрантского и диаспорального предпринимательства и содействии в интеграции на рынке труда. Чрезвычайно важной представляется работа диаспоральных организаций по защите основных прав и свобод мигрантов и по поддержке наиболее уязвимых групп из их числа. Кроме того, стоит выделить еще одно направление интеграционной политики стран — членов ЕС, в котором диаспоральные организации могли бы сыграть одну из главных ролей. Это *снижение разрыва в социально-экономическом развитии стран исхода со странами приема мигрантов путем содействия прогрессу в развитии стран эмиграции*. Актуальность данного направления вытекает из следующих положений: во-первых, принимающему сообществу гораздо проще интегрировать иммигранта, а последнему — интегрироваться в местный социум, если они принадлежат к одному социальному и экономическому классу; во-вторых, снижение диспропорций социально-экономического развития стран приведет к сближению качества и уровня образования потенциальных иммигрантов и принимающего общества, что повысит уровень доверия и толерантность к иммигрантам со стороны населения стран приема и позволит успешнее управлять иммиграцией исходя из потребностей принимающего рынка труда.

²⁵ *Common Basic Principles Integration Policy...*

Основные направления деятельности диаспоральных организаций по взаимодействию с иммигрантами и странами исхода в разрезе направлений национальной интеграционной политики стран — членов ЕС

<p>Направление национальной интеграционной политики стран — членов ЕС, соответствующее базовым принципам политики интеграции мигрантов в ЕС</p>	<p>Взаимодействие с иммигрантами в странах ЕС</p>	<p>Взаимодействие со странами исхода</p>
<p>Развитие толерантности и борьба с дискриминацией (включая информационно-пропагандистские кампании среди местного населения и иммигрантов) (базовые принципы 1, 2)</p>	<p>Развитие осознания ответственности и уважения к принимающему обществу с точки зрения гражданской позиции (в том числе посредством СМИ). Организация и проведение курсов гражданской интеграции (языковых, «ориентационных»). Профилактика конфликтов на национальной почве</p>	<p>Содействие межкультурному диалогу между странами исхода и приема иммигрантов. Информирование населения в стране исхода об особенностях взаимодействия с принимающим обществом в стране приема</p>
<p>Предмиграционная подготовка в стране исхода (базовый принцип 11)</p>	<p>—</p>	<p>Информирование населения в стране исхода о правилах въезда, пребывания и проживания в стране приема, особенностях взаимодействия с принимающим обществом, получения государственных услуг в стране приема и др. Поддержка потенциальных иммигрантов перед отъездом, проведение подготовительных курсов обучения и т.д. (в том числе с использованием СМИ, через Интернет). Трансфер знаний и компетенций в страну исхода</p>
<p>Межкультурный диалог (базовые принципы 1, 2, 4, 7)</p>	<p>Сохранение самобытности и поддержка культурных и религиозных связей (в том числе языковая поддержка, организация и проведение совместных творческих и культурных мероприятий). Формирование общественного пространства и культурной среды проживания иммигрантов (строительство храмов, школ, консульских учреждений, культурных центров и т.д.). Развитие социальных компетенций (например, ознакомительные поездки по городу с целью приобретения в рамках интеграционных курсов необходимых навыков жизни в стране)</p>	<p>Популяризация национальной культуры и содействие межкультурному диалогу между странами исхода и приема иммигрантов</p>

<p>Поддержка и поощрение иммигрантского и диаспорального предпринимательства (базовые принципы 3, 7)</p>	<p>Содействие предпринимательской активности в странах приема. Содействие в оформлении документов и взаимодействия с органами власти. Информационная поддержка. Обучение членов диаспор новым знаниям, применение которых возможно при их возвращении. Обучение основам предпринимательства, бизнес-наставничество</p>	<p>Содействие диаспоральной предпринимательской активности в странах исхода. Повышение осведомленности стран исхода о доступных в странах приема ресурсах (в том числе финансовых) для ведения предпринимательской деятельности в стране приема, интенсификации международного сотрудничества и развития. Содействие развитию внешнеторговых связей и внешнеторгового оборота между странами исхода и приема иммигрантов. Развитие социально-экономических и инфраструктурных проектов в сельской местности стран исхода. Реализация проектов по включению накопленного членами диаспор капитала и средств от денежных переводов</p>
<p>Защита основных прав и свобод (базовые принципы 9, 10)</p>	<p>Правовая защита прав и свобод иммигрантов и членов их семей. Содействие в оформлении документов и взаимодействия с органами власти. Содействие в возвращении и реинтеграции иммигрантов в страну исхода. Информационная поддержка. Помощь в решении повседневных и бытовых проблем (например, поиск жилья, трудоустройство), в том числе в первый период пребывания в стране, а также социальная помощь в кризисной ситуации. Обучение основам языка страны приема</p>	<p>Содействие в возвращении и реинтеграции иммигрантов в стране исхода</p>
<p>Участие в общественной жизни (базовые принципы 1, 6, 10)</p>	<p>Содействие социальному взаимодействию иммигрантов с принимающим обществом. Содействие в оформлении документов и взаимодействия с органами власти. Предоставление иммигрантам возможности высказывать свое мнение в диаспоральных СМИ, на совместных мероприятиях и др.</p>	<p>Развитие и лоббирование социальных проектов по улучшению условий жизни иммигрантов в стране приема в интересах страны исхода</p>
<p>Участие в политической жизни (базовые принципы 1, 7, 8)</p>	<p>Предоставление иммигрантам возможности высказывать свое мнение в диаспоральных СМИ, на совместных мероприятиях и др. Информирование иммигрантов об их правах на участие в политической жизни общества. Поддержка участия иммигрантов в предвыборной кампании. Выдвижение представителей диаспор в местные органы управления и лоббирование своих политических интересов</p>	<p>Участие в выборах страны исхода во время пребывания в стране приема. Лоббирование и пропаганда интересов страны исхода в стране приема (в том числе посредством взаимодействия с политическими партиями и официальными государственными структурами страны проживания)</p>

Направление деятельности диаспоральных организаций	
Направление национальной интеграционной политики стран — членов ЕС, соответствующее базовым принципам политики интеграции мигрантов в ЕС	Взаимодействие с иммигрантами в странах ЕС
Равноправие и доступ к рынку труда (базовые принципы 3, 5)	Взаимодействие со странами исхода
Поддержка наиболее уязвимых групп иммигрантов: беженцы, дети и молодежь, женщины, престарелые люди (базовые принципы 6, 11)	Содействие в поиске работы, легализации положения иммигранта на рынке труда принимающей страны. Содействие в профессиональной подготовке / переподготовке в стране приема. Информационная поддержка. Сопровождение (языковое, правовое и др.)
Воссоединение семей (базовый принцип 11)	Содействие в оформлении документов и взаимодействии с органами власти. Информационная поддержка. Сопровождение (языковое, правовое и др.). Реализация программ в области борьбы с торговлей людьми в странах приема и исхода Поддержка, инвестиции в создание и развитие реабилитационных центров для жертв из числа мигрантов
Равноправие и доступ к образовательным услугам (базовый принцип 4)	Содействие в оформлении документов и взаимодействии с органами власти. Информационная поддержка
Равноправие и доступ к услугам здравоохранения (базовый принцип 4)	Содействие в получении образования. Информационная поддержка Сопровождение (языковое, правовое и др.). Создание групп в детских садах и школах, где обучают языку представленной в регионе диаспоры
Равноправие и доступ к частным услугам (в том числе социальным, бытовым, персональным, услугам аренды жилья и др.) (базовые принципы 6, 7, 8)	Содействие в социальном взаимодействии с принимающим обществом. Содействие в поиске и получении жилья. Информационная поддержка. Сопровождение (языковое, правовое и др.)
Равноправие и доступ к получению гражданства	Содействие в получении документов и взаимодействии с органами власти. Информационная поддержка
	Развитие системы стипендий и тренингов членами диаспор по повышению квалификации населения стран исхода
	Содействие в получении возможности сохранения мигрантом гражданства страны исхода

<p>Противодействие территориальной сегрегации и анклавизации иммигрантских сообществ (базовые принципы 6, 7, 8)</p>	<p>Информационная поддержка. Поиск и подбор жилья. Финансовая помощь в аренде жилья (частное кредитование). Формирование общественного пространства и культурной среды проживания иммигрантов (сооружение храмов, школ, консульских учреждений, культурных центров и т.д.)</p>	<p>Реализация и развитие программ по возвращению для мигрантов, интеграция которых затруднена</p>
<p>Снижение разрыва в социально-экономическом развитии стран исхода со странами приема мигрантов путем содействия развитию стран эмиграции</p>	<p>Содействие в развитии индивидуального предпринимательства в стране исхода. Помощь в эффективном использовании денежных переводов. Продвижение льготного налогообложения денежных переводов. Реализация совместных программ стран исхода и приема по налаживанию бизнеса</p>	<p>Содействие коммуникации между иммигрантом и страной исхода. Содействие развитию села и местного сообщества (детей, молодежи, наиболее уязвимых групп и др.) в странах исхода. Содействие развитию внешнеторговых связей и международного туризма, наращиванию внешнеторгового оборота между странами исхода и приема иммигрантов. Повышение осведомленности стран исхода о доступных в странах приема ресурсах (в том числе финансовых) для ведения предпринимательской деятельности в стране приема, интенсификации международного сотрудничества и развития. Трансфер знаний, компетенций, инноваций, моделей социального взаимодействия в страну исхода. Природоохранная деятельность в странах исхода. Содействие снижению стоимости денежных переводов. Участие иммигрантов в национальных выборах в стране исхода. Инвестиции в страну исхода (в сферу сельского хозяйства, здравоохранение, образование и др.)</p>

Составлено по [2; 7; 16—23]; *Common Basic Principles Integration Policy ...*; *ELCI study* country report. Template the local contribution of migrant organisations to integration Czech Republic // International Organization for Migration. URL: http://www.iom.cz/files/Full_Country_Report_NGOs_Czech_Rep.pdf (дата обращения: 04.05.2018).

Такие проекты картированы как лучшие практики стран ЕС (например, программа MOM «Миграция и развитие Африки» (MIDA), реализуемая в Бельгии) [14; 15]. Предпосылки к формированию данного направления прослеживаются и в общеевропейской политике интеграции иммигрантов (см. «Общую повестку дня для интеграции граждан третьих стран» 2011 года).

Анализ практики взаимодействия ряда диаспоральных организаций с иммигрантами в странах ЕС и странами исхода мигрантов показал, что «портфель» инструментов деятельности организаций достаточно богат. Он включает следующие механизмы:

1. Средства массовой информации (интернет-порталы, газеты, журналы, мультимедийные центры, телевизионные каналы и передачи и т. д.) и информационные компании.
2. Площадки для диалога (семинары, форумы и т. д.).
3. Культурные, религиозные, творческие, спортивные и иные мероприятия в странах приема (фестивали, выставки и т. д.).
4. Финансовые средства (поддержка фондов, членские и другие взносы, доход от услуг, государственное и частное финансирование).
5. Образовательные программы.
6. Проектная деятельность в странах исхода и приема.
7. Сеть центров взаимодействия с мигрантами и странами исхода (в том числе по вопросам образования, доступа к рынку труда и т. д.).
8. Информационные базы данных, контакты иммигрантов и акторов как в стране исхода, так и в стране приема.

Наиболее успешно интеграция иммигрантов происходит через максимально интегрированную в принимающее общество диаспору, которая способствует развитию своей родины [18]. Вовлечение диаспор и диаспоральных организаций в процессы интеграции мигрантов государствами — членами ЕС, как правило, осуществляется посредством информирования и консультирования по различным вопросам, поддержки диаспорального предпринимательства, передачи знаний и трансфера технологий, развития и укрепления компетенций, поощрения учреждения местных ассоциаций, финансирования инициатив в области миграции и развития [19]. Примером может служить Федеральный фонд поддержки миграционной политики (FIM) в Бельгии или Программа по поддержке деятельности мигрантских организаций в области развития (CIM), действующая в Германии и странах происхождения мигрантов в Германии. В некоторых странах ЕС созданы специальные центры и платформы по взаимодействию между диаспоральными и «национальными» организациями (например, «Сеть диаспор» в Норвегии, «Афро-Европейская платформа развития диаспор» в Великобритании). Этот вопрос также стал объектом исследования программы «Европейская местная кооперация по интеграции», реализованной в 2011—2012 годах во Франции, Испании, Италии, Польше, Чехии, Венгрии, Германии и Бельгии. Целью программы было укрепление сотрудничества между местными государственными органами власти и мигрантскими организациями в вопросах интеграции¹.

Голландская неправительственная организация IntEnt до 2000 года предоставляла услуги по развитию бизнеса мигрантам в Нидерландах для предпринимательской деятельности в Гане, Суринаме, Марокко и Турции. После 2000 года программа расширила число вовлеченных стран ЕС и ТС. С 2009 года IntEnt также принимает участников из-за пределов Нидерландов. Значительный инте-

¹ *European Local Cooperation for Integration — ELCI // International Organization for Migration*. URL: <http://www.iom.cz/aktivity/integration-of-foreigners/> (дата обращения: 04.05.2018).

рес со стороны других стран — членов ЕС во Франции, Великобритании и Германии привел к созданию там подобных организаций. Целевые страны в настоящее время — Афганистан, Эфиопия, Косово, Босния и Герцеговина, Кабо-Верде, Сьерра-Леоне и Кюрасао. С момента создания организации было запущено 350 компаний. В 2009 году был представлен IntEnt — фонд «Друзья и Семья» (Friends & Family), предоставляющий до 50 000 евро предпринимателям-мигрантам [15].

Практики вовлечения диаспор в процесс интеграции на локальном уровне

Основную нагрузку по обеспечению взаимодействия с диаспоральными организациями по вопросам интеграции иммигрантов несут регионы и муниципалитеты, что синхронизируется с общеевропейским трендом децентрализации в интеграционной политике и делегирования полномочий и ответственности «вниз» (на уровень города, района, провинции). Так, основными механизмами взаимодействия являются создание площадок для обсуждения тем миграции и интеграции (например, Национальная консультативная платформа для меньшинств LOM, Нидерланды) и учреждение местных совещательных органов, включающих членов тех или иных диаспоральных организаций, которые осуществляют консультативную функцию при органах государственной власти, содействуют разработке правовых норм в области миграции, интеграции и т. д. Примером такого сотрудничества служит целевая группа в г. Гдыня (Польша), включающая представителей органов государственной власти, неправительственных организаций, имеющих опыт в помощи иммигрантам, учреждений социального обеспечения и трудоустройства, бизнес-сообществ². В некоторых европейских городах при содействии государства созданы специальные центры индивидуальных услуг для диаспоральных организаций (например, во Фландрии The 4th Pillar of the Flemish Development Cooperation). Последним эти центры содействуют в получении финансовой поддержки посредством консультирования, обучения, информирования и т. д.

Интересным представляется опыт реализации интеграционной политики во взаимодействии с диаспоральными организациями некоторых бельгийских городов в силу того факта, что в Бельгии именно регионы и муниципалитеты законодательно уполномочены нести ответственность за это направление миграционной политики. Так, например, во фламандском правительстве с 2004 года учреждено специальное министерство, отвечающее за интеграцию иммигрантов (сегодня это Министерство по делам местного и провинциального правительства, гражданской интеграции, жилищного строительства, равных возможностей и сокращения бедности), официально закреплено субсидирование проектов муниципальных образований в области политики интеграции и этнического разнообразия [24]. Кроме того, при финансовой поддержке фламандского правительства существует внешнее автономное учреждение — Агентство по интеграции (объединившее в 2015 году ряд институциональных структур, ведающих вопросами интеграции), представленное в пяти муниципалитетах Фламандского региона и в Брюссельском столичном регионе. Агентство осуществляет тесное сотрудничество с диаспоральными организациями и иммигрантами по ряду направлений, в основном в области предоставления услуг (консультирование, переводческие, образовательные и др.). Госу-

² *Strategies for integrating migrants and refugees in the community* : International City Forum, 18 June 2016. Kiel, 2016. P. 44.

дарственный региональный статус имеет и проведенный впервые в 2000 году Фламандский форум меньшинств, который ежегодно собирает более 1,5 тыс. представителей диаспоральных организаций, объединенных в 18 этнокультурных ассоциаций. В рамках работы форума реализуются совместные проекты и проводятся научные исследования, был создан интернет-портал «Scan 4 Diversity» для продвижения мероприятий, организованных диаспоральными ассоциациями, доведения до общественности их точки зрения на перспективы и актуальные проблемы в области миграции и интеграции³.

В Венгрии мероприятия НПО диаспор размещаются на вебсайтах местной администрации небольших городов (например, г. Карошвара). В Будапеште в течение года проводятся круглые столы и серии консультаций для представителей НПО диаспор, оказывается помощь в решении проблем, например при подготовке ими грантовых заявок. В Венгрии хорошо развита национальная политика в отношении меньшинств, представляющих 11 национальностей мигрантов — выходцев из соседних стран (а также немцев, цыган и армян). Им даны возможности организации самоуправления на местном уровне, права выдвигаться в руководящие органы местного самоуправления, участвовать в локальных выборах, организовывать свои НПО, лоббировать свои интересы. Система общения городов-побратимов также способствует ознакомлению принимающей страны с жизнью стран исхода мигрантов, так как обычно выбираются города основных стран — поставщиков мигрантов. Также в Венгрии осуществляется радиовещание на Национальном радио для мигрантов (китайцев, россиян, армян и всех национальных меньшинств).

Для улучшения ориентирования мигрантов и беженцев на рынке труда транснациональным партнерством «Budapest Chance» Nonprofit Ltd в Будапеште в 2010—2011 годах был реализован проект «Обучение в городах по включению мигрантов» (Learning Cities for Migrants Inclusion, LeCim), профинансированный Еврокомиссией. Также муниципальными властями Будапешта были приняты рекомендации для работников социальных служб по улучшению доступа мигрантов на рынок труда, повышению компетенции государственных служащих в овладении успешными практиками работы с мигрантами и диаспорами.

Заключение

Несмотря на то что ЕС не оказывает прямого воздействия на интеграционную политику стран, он разрабатывает нормативные документы по общей миграционной политике, косвенно влияющие на развитие процессов интеграции, и распределяет фонды для ее реализации. Координирование и кооперирование Еврокомиссии со странами ЕС в этом вопросе должно приводить и приводит к гармонизации их законодательства с рекомендациями и директивами ЕС и адаптации последних на национальном уровне при финансовой помощи ЕС через различные европейские фонды. Однако ЕС, особенно с наступлением так называемого миграционного кризиса, оказался далек от первоначальных идей «как можно ближе приравнивать права мигрантов к правам граждан Ев-

³ *Minderheden Forum*, 2017. *Wie zijn wij*. URL: <http://www.minderhedenforum.be/wie-zijn-wij> (дата обращения: 03.05.2018); *Scan 4 Diversity* // FMDO: Federatie van sociaal-culturele verenigingen van mensen met een migratieachtergrond. URL: <http://fmdo.be/projecten/scan-4-diversity/> (дата обращения: 03.05.2018).

росоюза». По мнению экспертов в области миграционной политики, почти за 20 лет, прошедших с принятия первой миграционной программы ЕС, стала очевидной утопичность унифицированного подхода к интеграции, особенно на фоне так называемого «миграционного кризиса». Это переосмысливание прежде всего связано с реалиями жизни, с которыми столкнулись ЕС и страны — члены, особенно в Центральной Европе. Каждая из них имеет свои сложности, по-своему переносит реалии миграционных процессов. Их комплексность и противоречивость практически не оставляют шансов для совместной унифицированной миграционной политики ЕС по переселению и перераспределению беженцев как внутри ЕС, так и вовне (например, в Турцию) [25].

Анализ основных направлений и инструментария взаимодействия диаспоральных организаций с иммигрантами в ЕС и странами исхода выявил значительный потенциал организаций для осуществления политики адаптации и интеграции мигрантов. В то же время очевидно, что предпринимаемые усилия со стороны наднациональных и национальных органов власти по вовлечению диаспоральных организаций в интеграционные процессы недостаточны. В этой связи полагаем, что в целях реализации общеевропейской интеграционной политики существующие направления деятельности диаспоральных организаций должны быть четче артикулированы, чтобы получить большую поддержку, в том числе посредством разработки документальной основы координации деятельности диаспоральных организаций в ЕС и упрощения процедур получения ими финансовой помощи. В частности, в рамках реализации последнего пункта «Общей повестки дня по миграции» 2015 года по совершенствованию механизмов привлечения в ЕС наиболее востребованных специалистов перспективным видится задействование диаспоральных организаций в планировании трудовой эмиграции из стран исхода согласно потребностям стран — членов ЕС, в создании центров профессиональной подготовки в странах приема и исхода.

Кроме того, сегодняшняя повестка наднациональной политики интеграции иммигрантов в ЕС должна быть расширена за счет включения дополнительного направления деятельности по снижению диспропорций социально-экономического развития стран исхода мигрантов по сравнению со странами приема и диверсификации «портфеля» инструментов реализации интеграционной политики посредством глобального вовлечения диаспоральных организаций в процессы интеграции. В данном направлении может быть весьма полезным накопленный опыт регионов и муниципалитетов по созданию совещательных органов управления, включающих членов организаций, которые осуществляют консультативную функцию по вопросам интеграции при органах государственной власти.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект №18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности».

Список литературы

1. Лялина А. В. Опыт наднациональной политики интеграции мигрантов ЕС // Балтийский регион. 2014. №2 (20). С. 128—145.
2. Малахов В. С. Интеграция мигрантов: Концепции и практики. М., 2015.
3. Потемкина О. Ю. Иммиграционная политика ЕС: От Амстердама до Лиссабона // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №4. С. 42—51.

4. *Luedtke A., Givens T.* The Politics of European Union Immigration Policy: Institutions, Salience, and Harmonization // *Policy Studies Journal*. 2004. Vol. 32, №1. P. 145—165.
5. *Молодицова И. Н.* Направления развития миграционной политики интеграции в Евросоюзе // *Наука. Инновации. Технологии*. 2013. №4. С. 141—161.
6. *Andrade P. G., Martin I., Vita V., Mananashvili S.* EU Cooperation with third countries in the field of migration. Brussels, 2015. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536469/IPOL_STU\(2015\)536469_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536469/IPOL_STU(2015)536469_EN.pdf) (дата обращения: 04.04.2018).
7. *Desiderio M. V., Weinar A.* Supporting immigrant integration in Europe? Developing the governance for diaspora engagement. Brussels, 2014.
8. *Потемкина О. Ю.* Иммиграционная политика Европейского союза: итоги и новые вызовы // *Миграционные проблемы в Европе и пути их решения: доклады Института Европы*. М., 2015. С. 10—27.
9. *Hoffmann-Nowotny H.-J.* Soziologie des Fremdarbeiterproblems: eine theoretische und empirische Analyse am Beispiel der Schweiz. Stuttgart, 1973.
10. *Ireland P.* The Policy Challenge of Ethnic Diversity: Immigrant Politics in France and Switzerland. Cambridge, 1994.
11. *Tóth J.* A migrációs adatok kinyerése — jogi áttekintés (Projekt szervezet neve: Központi Statisztikai Hivatal Népeségstudományi Kutató Intézet; Projekt címe: A bevándorlási és integrációs statisztikai rendszer fejlesztése Azonosító szám: EIA/2007/3.2.3.1). 2007.
12. *Потемкина О. Ю.* «Европейская повестка дня по миграции» — новый поворот в иммиграционной политике ЕС? // *Современная Европа*. 2015. №4. С. 28—41.
13. *Emelyanova L., Lialina A.* Migration and diasporization: the comparative analysis of the European and regional Russian trends // *Economic and social development*. 25th International Scientific Conference on Economic and Social Development «XVII International Social Congress (ISC-2017)»: Book of Proceedings. Moscow, 2017. P. 886—893.
14. *Collett E., Gidley B.* Attitudes to Migrants, Communication and Local Leadership (AMICALL) : Final Transnational Report / ESRC Centre on Migration, Policy and Society (COMPAS). University of Oxford, 2012.
15. *Schuster N., Keusch M.* The EU should do more to engage with migrant diasporas to encourage development within and outside of Europe, 2013. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2013/04/09/the-eu-should-do-more-to-engage-with-migrant-diasporas-to-encourage-development-within-and-outside-of-europe/> (дата обращения: 02.05.2018).
16. *Nebiler M.* The Role of Sending Countries in the Labor Market Assimilation of Immigrants in Host Countries // *INTERACT RR 2013/06 / rev. and integr. by A. Venturini and I. Martín / Robert Schuman Centre for Advanced Studies*. San Domenico di Fiesole (FI), 2013.
17. *Aman M.* Diaspora Organizations as Strategic Agents of Development // *The African Diaspora Policy Centre*. 2014. URL: <https://www.diaspora-centre.org/DOCS/EADPD/24022014EADPD-Report-def.pdf> (дата обращения: 04.05.2018).
18. *Taylor J., Rubin J., Giuliotti C. et al.* Mapping Diasporas in the European Union and the United States. Comparative analysis and recommendations for engagement // *IZA Research Report*. 2014. № 64.
19. *Keusch M., Schuster N.* European good practice examples of migration and development initiatives, with a particular focus on diaspora engagement / *Institute for International Dialogue and Cooperation*. Vienna, 2012. URL: http://www.mirovni-institut.si/data/tinymce/Projekti/comide_lana/CoMiDe_European%20Good%20Practice%20Study-screen.pdf (дата обращения: 01.05.2018).
20. *Mardari V.* European Union and diaspora engagement policy within changing realities. Centre for European Studies (CES) // *Working Papers*. 2017. Vol. 9, iss. 3. P. 213—232.
21. *Weinar A., Unterreiner A., Fargues Ph.* (eds.). *Migrant Integration Between Homeland and Home Society*. Vol. 1 : Where does the country of origin fit? Cham, 2017.
22. *Bartolomeo A., Kalantaryan S., Salamonska J., Fargues Ph.* (eds.). *Migrant Integration Between Homeland and Home Society*. Vol. 2 : How countries of origin impact migrant integration outcomes: an analysis. Cham, 2017.
23. *Ongayo A. O.* Diaspora organizations and their development potential. An analysis of Ghanaian diaspora organizations in the UK, Germany and the Netherlands. Discussion Paper № 200. Maastricht, 2016.

24. *Saeyns A., Albeda Y., Van Puymbroeck N. et al.* Urban Policies on Diversity in Antwerp, Belgium. Antwerp, 2014.

25. *Collett E.* Beyond Stockholm: overcoming the inconsistencies of immigration policy. EPC Working paper. № 32. Brussels, 2009.

Об авторах

Ирина Николаевна Молодикова, кандидат географических наук, ведущий сотрудник, Центрально-Европейский университет, Венгрия.

E-mail: Molodiko@ceu.edu

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8926-9679>

Анна Валентиновна Лялина, аналитик, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

Лариса Леонидовна Емельянова, кандидат географических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: larissaemel@yandex.ru

Для цитирования:

Молодикова И.Н., Лялина А.В., Емельянова Л.Л. Взаимодействие с диаспорами и диаспоральными организациями как ключ к успешной политике интеграции мигрантов в ЕС // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №3. С. 58—79. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-4.

CONTACTS WITH DIASPORAS AND DIASPORA ORGANISATIONS AS A KEY TO A SUCCESSFUL MIGRANT INTEGRATION POLICY IN THE EU

I. N. Molodikova¹

A. V. Lyalina²

L. L. Yemelyanova²

¹ Central European University

9 Nador St., Budapest, 1051, Hungary

² Immanuel Kant Baltic Federal University,

14 A. Nevskogo St., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on May 10, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-4

We analyse European Commission and European Parliament documents — directives, communications, conclusions, recommendations — and best practices for EU member states' international projects focusing on migrant integration in both the EU states and the countries of origin. Special emphasis is placed on the role of diasporas and the efforts taken by the EU to involve them in the integration process. We stress the need for a new supranational EU immigration and integration policy, in view of new migration trends and the so-called migrant crisis. The study shows that the EU integration policy is directed towards both migrants and host countries and the countries of origin. Since the early 2010s, the involvement of various diaspora organisations in the implementation of the EU migrant integration policy

has significantly increased. An analysis of completed projects shows that diasporas have a potential of becoming a key actor in the EU integration policy. We suggest expanding the list of the objectives of the national integration policy of the EU countries. This may be achieved by boosting efforts to reduce the gap in the socio-economic development of the host countries and the countries of origin, particularly, by promoting multilateral cooperation with diaspora organisations.

Keywords: diaspora, forced migration, labour migration, multiculturalism, migrant integration policy, diaspora organisations, EU

References

1. Lyalina, A. V. 2014, Supranational Policy of Migrant Integration in the EU, *Balt. Reg.*, no. 2 (20), p. 100—112. doi: 10.5922/2079-8555-2014-2-8.
2. Malakhov, V. S. 2015, *Missiya, integratsiya migrantov: kontseptsii i praktiki* [Mission, Integration of migrants: Concepts and practices], Moscow, 272 p. (in Russ.).
3. Potemkina, O. Yu. 2010, EU immigration policy: From Amsterdam to Lisbon, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], no. 4, p. 42—51 (in Russ.).
4. Luedtke, A., Givens, T. 2004, The Politics of European Union Immigration Policy: Institutions, Salience, and Harmonization, *Policy Studies Journal*, Vol. 32, no. 1, p. 145—165. doi: <https://doi.org/10.1111/j.1541-0072.2004.00057.x>.
5. Molodikova, I. N. 2013, Directions of Development of the Migration Policy of Integration in the European Union, *Nauka. Innovatsii. Tekhnologii* [The science. Innovation. Technologies], no. 4, p. 141—161 (in Russ.).
6. Andrade, P. G., Martin, I., Vita, V. Mananashvili, S. 2015, *EU Cooperation with Third Countries in the Field of Migration*, Brussels, available at: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536469/IPOL_STU\(2015\)536469_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536469/IPOL_STU(2015)536469_EN.pdf) (accessed 04.04.2018).
7. Desiderio, M. V., Weinar, A. 2014, *Supporting Immigrant Integration in Europe? Developing the Governance for Diaspora Engagement*, Brussels.
8. Potyomkina, O. Yu. 2015, Immigration Policy of the European Union: Results and New Challenges, *Migratsionnye problemy v Evrope i puti ikh resheniya: doklady Instituta Evropy* [Migration Problems in Europe and Ways of their Solution: Reports of the Institute of Europe], Moscow, p. 10—27 (in Russ.).
9. Hoffmann-Nowotny, H.-J. 1973, *Soziologie des fremdarbeiterproblems: eine theoretische und empirische analyse am Beispiel der Schweiz*, Stuttgart.
10. Ireland, P. 1994, *The Policy Challenge of Ethnic Diversity: Immigrant Politics in France and Switzerland*, Cambridge, Harvard University Press.
11. Tóth, J. 2007, *A Migrációs Adatok Kinyerése — Jogi Áttekintés*, (Projekt Szervezet neve: Központi Statisztikai Hivatal Népeségtudományi Kutató Intézet, Projekt címe: A Bevándorlási és Integrációs Statisztikai Rendszer Fejlesztése Azonosító Szám: EIA/2007/3.2.3.1.).
12. Potyomkina, O. Yu. 2015, "European Migration Agenda" — A New Turn in EU Immigration Policy? *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe], no. 4, p. 28—41 (in Russ.).
13. Emelyanova, L., Lialina, A. 2017, Migration and Diasporization: The Comparative Analysis of the European and Regional Russian Trends, *Economic and social development*, 25th International Scientific Conference on Economic and Social Development “XVII International Social Congress (ISC-2017)”, Book of Proceedings, 30—31.10.2017, Moscow, p. 886—893.
14. Collett, E., Gidley, B. 2012, *Attitudes to Migrants, Communication and Local Leadership (AMICALL)*, Final Transnational Report, ESRC Centre on Migration, Policy and Society (COMPAS), University of Oxford.
15. Schuster, N., Keusch, M. 2013, *The EU Should Do More to Engage with Migrant Diasporas to encourage Development within and outside of Europe*, available at: <http://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2013/04/09/the-eu-should-do-more-to-engage-with-migrant-diasporas-to-encourage-development-within-and-outside-of-europe/> (accessed 02.05.2018).
16. Nebiler, M. 2013, The Role of Sending Countries in the Labor Market Assimilation of Immigrants in Host Countries, *INTERACT RR*, no. 2013/06, revised and integrated by Venturini A. and Martín I. Robert Schuman, Centre for Advanced Studies, San Domenico di Fiesole (FI).

17. Aman, M., 2014. Diaspora Organizations as Strategic Agents of Development, *The African Diaspora Policy Centre*, available at: <https://www.diaspora-centre.org/DOCS/EADPD/24022014EADPD-Report-def.pdf> (accessed 04.05.2018).

18. Taylor, J., Rubin, J., Giulietti, C., Giacomantonio, C., Tsang, F., Constant, A., Mbaye, L., Naghsh, N.M.N., Kruithof, K., Pardal, M., Hull, A., Hellgren, T. 2014, Mapping Diasporas in the European Union and the United States. Comparative analysis and recommendations for engagement, *IZA Research Report*, no. 64.

19. Keusch, M., Schuster, N. 2012, *European Good Practice Examples of Migration and Development Initiatives, with a Particular Focus on Diaspora Engagement*, Vienna, available at: http://www.mirovni-institut.si/data/tiny/mce/Projekti/comide_lana/CoMiDe_European%20Good%20Practice%20Study-screen.pdf (accessed 01.05.2018).

20. Mardari, V. 2017, European Union and Diaspora Engagement Policy within Changing Realities, *Working Papers*, Vol. 9, no. 3, p. 213—232, Centre for European Studies (CES).

21. Weinar, A., Unterreiner, A., Fargues, Ph. (eds.) 2017, *Migrant Integration Between Homeland and Home Society. Volume 1*, Where Does the Country of Origin Fit? Springer. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-56176-9>.

22. Bartolomeo, A., Kalantaryan, S., Salamonska, J., Fargues, Ph. (eds.) 2017, *Migrant Integration Between Homeland and Home Society. Volume 2*, How Countries of Origin Impact Migrant Integration Outcomes: An Analysis, Springer. doi: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-56370-1>.

23. Ongayo, A.O. 2016, Diaspora Organizations and their Development Potential. An Analysis of Ghanaian Diaspora Organizations in the UK, Germany and the Netherlands, *Discussion Paper*, no. 200, Maastricht, European Centre for development policy management.

24. Saeys, A., Albeda, Y., Van Puymbroeck, N., Oosterlynck, S., Verschraegen, G. Dierckx, D. 2014, *Urban Policies on Diversity in Antwerp*, Belgium.

25. Colett, E. 2009, Beyond Stockholm: Overcoming the Inconsistencies of Immigration Policy, *EPC Working paper, EU Integration & Citizenship Programme*, no. 32, December, Brussels, European Policy Center.

The authors

Dr Irina N. Molodikova, Leading Research Fellow, Central European University, Budapest, Hungary.

E-mail: Molodiko@ceu.edu

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8926-9679>

Anna V. Lyalina, Analyst, Centre for the Modelling of Regional Socioeconomic Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: AMazova@kantiana.ru

Dr Larisa L. Emelyanova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: larissaemel@yandex.ru

To cite this article:

Molodikova, I.N., Lyalina, A.V., Emelyanova, L.L. 2018, Contacts with Diasporas and Diaspora Organisations as a Key to a Successful Migrant Integration Policy in the EU, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p. 58—79. doi: [10.5922/2079-8555-2018-3-4](https://doi.org/10.5922/2079-8555-2018-3-4).

КИТАЙСКАЯ ДИАСПОРА В СТРАНАХ ЕС

Н. А. Служа¹
А. В. Коробков²
П. Н. Иванов¹

Статья продолжает обсуждение этнической «диффузии» в европейских странах, открытое на страницах журнала «Балтийский регион» Ю. Н. Гладким, И. Ю. Гладким и К. Ю. Эйдемиллером [4]. Рассматривается Европа как ведущий центр притяжения иммигрантов и активного формирования этнических общностей. Отмечается, что в отличие от мусульманской иммиграции, вызванной «арабской весной» и носящей во многом вынужденный характер со стороны стран исхода, китайскую иммиграцию можно трактовать как плод некоего схождения идеологий стран-реципиентов — приверженцев мультикультурализма и страны-донора, проводящей политику «идти вовне». В качестве конкретного объекта исследования или показательного полигона избраны страны ЕС, а предмета — китайская диаспора. Цель статьи — выявление специфики процесса миграции из Китая и образования китайской диаспоры в странах Европы. Анализируются хронология и масштабы китайской иммиграции, качественные изменения в ее составе, факторы, влияющие на выбор страны въезда, количественные параметры и особенности размещения современной китайской диаспоры в странах региона. Предложена их группировка по численности и «возрасту» китайской диаспоры. Этническая «диффузия» рассматривается как часть «европейского проекта» в глобальной стратегии Пекина.

Ключевые слова: этническая «диффузия», «новые» мигранты, китайская диаспора, страны ЕС

Страны Европы в глобальной миграционной мозаике. Международная миграция, будучи органичной частью процесса глобализации, стала особенно заметным явлением с конца XX века. К 2015 году, согласно данным ООН, в мире насчитывалось более 245 млн лиц, проживающих за пределами стран происхождения¹, что равняется примерно 3 % населения Земли [25]. Закономерно, что «нация мигрантов» оказывает все большее влияние на политическое, социальное, демографическое и экономическое развитие отдельных стран, на межгосударственное взаимодействие и

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, д. 1.

² Университет Среднего Теннесси,
TN 37132-0001, США, ул. Ист Мейн, 1301.

Поступила в редакцию 13.05.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-5

© Служа Н. А., Коробков А. В., Иванов П. Н.,
2018

¹ Приведенная оценка не учитывает незаконных или нерегулярных мигрантов.

интеграционные процессы. Рост неконтролируемой миграции и формирование этнических сообществ зачастую вызывает обострение многих проблем, включая «размывание» устоев национальной культуры и замещение коренного населения иммигрантами, усиление ксенофобии, дополнительную нагрузку на рынок труда и механизмы социальной защиты, утечку мозгов, угрозу безопасности, в том числе террористической; рост преступности и коррупции и т. д. Не случайно данный вопрос в последнее время привлекает все большее внимание международных организаций, правительственных кругов разных стран, начного сообщества и общественности [2; 5; 11; 13; 24].

Европа, одна из крупнейших миграционных систем мира, испытывает в последнее время «проверку на прочность» под мощным натиском новой волны иммиграции [10]. В 2015 году число прибывших только в ЕС оценивается в 1,5 млн человек, а в 2016-м — в 1,8 млн (рис. 1).

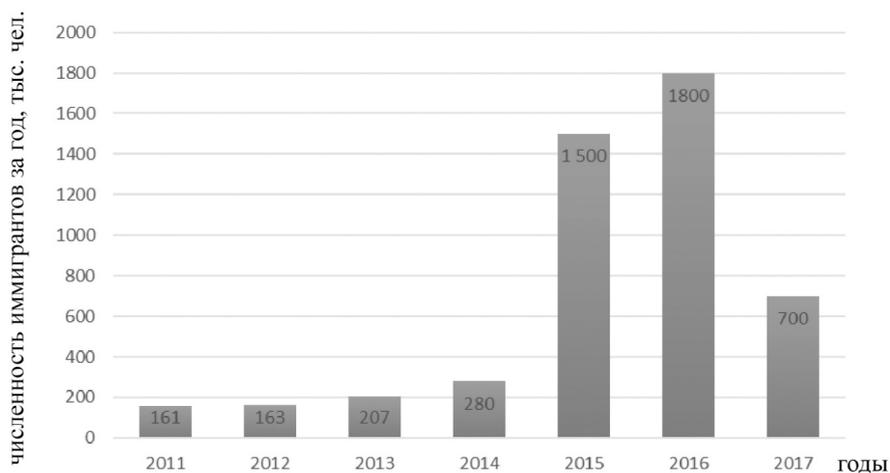

Рис. 1. Динамика прибывших в ЕС иммигрантов, 2011—2017 годы

Составлено по [20].

С усилением экономических трудностей и нарастанием этнической напряженности во многих странах региона усиливаются требования о жестком ограничении иммиграции и переориентации миграционной политики на преимущественный прием высококвалифицированных специалистов в ущерб всем остальным категориям мигрантов, включая беженцев. Николя Саркози, будучи еще президентом Франции, говорил, в частности, о необходимости перехода от «выстраданной» к «избранной» иммиграции [26, р. 17]. Несмотря на рост понимания остроты проблемы среди политической элиты, действенных мер по ее решению практически не предпринимается. В результате все чаще в адрес правительств стран ЕС звучат критические замечания. Д. П. Шатило отмечает:

Критика миграционной политики в Европе быстро нарастает. Проблема несводима к миграции и меньшинствам. Это не синонимы бедности, безработицы, агрессии, которые, например, британцы считают причиной погромов в своих городах, а их зачинщиками — белых хулиганов-подростков (*chavs*). Кризисы бьют и по среднему классу, углубляя разрыв между ним и богачами, что не снимает вопроса о качестве стратегий интеграции, адаптации, мультикультурализма, очагового или дисперсного этнического расселения; о его связи с социальным расслоением или отсутствии такового [18, с. 11].

Искушение мультикультурализмом по-прежнему остается «головной болью» как для многих западноевропейских правительств, так и для сторонников идей мультикультурализма и толерантности [4, с. 45]. Перед началом экстренного саммита лидеров стран ЕС, посвященного миграционным проблемам и намеченного на конец июня 2018 года, президент Франции Эмманюэль Макрон заявил, что миграционный кризис в ЕС преобразовался в кризис политический [14].

«Две стороны одной медали», или хронология китайской иммиграции в Европу. На фоне беспрецедентного всплеска иммиграции в регион в рамках «арабской весны» за рамками большинства исследований остается иммиграция из Китая; практически отсутствуют (или нам неизвестны) географические работы. Отчасти это объяснимо исторической спецификой процесса, который можно воспринимать и оценивать с двух позиций — со стороны страны исхода и со стороны стран, принимающих мигрантов. По масштабам, географической направленности и составу участников китайская эмиграция отличается наличием двух четко выраженных эр. Первая эра состоит из трех этапов. Первый — с древности до XIX века — характеризуется сравнительно скромной по объемам миграцией населения в соседние страны, преимущественно Юго-Восточной Азии. Второй этап — с XIX века, времени упадка династии Цин и существенного ослабления Китая, вплоть до образования КНР в 1949 году — выделяется значительным расширением географии миграции с основным ее каналом в виде торговли кули. Тридцатилетний этап 1949—1978 годов уникален почти полным отсутствием эмиграции в силу закрытости границ страны. Вторая эра началась с переходом Китая в 1978 году к осуществлению «политики реформ и открытости». Немногие задумываются над тем фактом, что около половины всей современной китайской диаспоры составляют лица, эмигрировавшие из страны после этого исторического события. Появление так называемых «новых» мигрантов коренным образом оказало влияние на уже существующие диаспоры и представления о китайцах во всем мире. Такие мигранты сыграли значительную роль и в развитии самого Китая. Именно они стали не только значимой силой в его модернизации, но и связующим звеном между КНР и внешним миром [17].

Несмотря на географическую удаленность, европейский континент издавна был притягательным для китайского населения. Экспертами выделяются также три этапа китайской иммиграции в регион. Первый (с конца XIX до середины XX века) характеризуется случайным появлением небольшого числа китайцев в странах Западной Европы, в первую очередь со значительным колониальным прошлым. Переселенцы добирались преимущественно морем и оседали в портовых городах, реже — сухопутным путем, через территорию России. Единственным периодом массового притока мигрантов из Поднебесной можно считать годы Первой мировой войны, когда европейские страны столкнулись с нехваткой рабочей силы. При этом население Великобритании и Франции часто принимало их за «национальную угрозу». После окончания военных действий большинство китайских мигрантов репатриировали. На этом этапе мигранты основали во многих крупных городах небольшие китайские кварталы — этнические анклав, чайна-тауны. Второй этап (с середины XX века до 1980-х годов) отличается ростом численности китайских иммигрантов за счет нелегальной эмиграции из КНР во время культурной революции и вторичных миграционных потоков из Азии²; их появлением в странах Центральной Европы; созданием собственной экономической ниши — ресто-

² В Великобританию прибывали этнические китайцы из Малайзии и Гонконга, в Нидерланды — из Индонезии и Суринама, во Францию — из Индокитаея.

ранного бизнеса [32]. Третий, современный этап — во многом плод исторического совпадения второй эры эмиграции из Китая и либерализации миграционного законодательства в европейских странах в целях привлечения трудовых ресурсов из-за рубежа — выделяется значительными масштабами китайской иммиграции и подключением к числу дестинаций восточноевропейских государств. По сравнению с первыми волнами важные особенности структуры новых миграционных потоков в регион из Китая — баланс полов, значительная доля молодежи и высококвалифицированной рабочей силы, весомость образовательной миграции. Справочно отметим, что более 2,6 млн студентов из Китая получили высшее образование за рубежом. На родину из них вернулись 1,1 млн (41,9%). Только в 2011 году в зарубежных университетах обучались 339 тыс. китайских студентов [21; 30].

В соответствии с эконометрической моделью Э. Равенштейна и Э. Ли «толчок — притяжение» [34] (если абстрагироваться от анализа выталкивающих агентов), привлекательность стран зарубежной Европы для китайской иммиграции в настоящее время обеспечивают несколько групп факторов историко-географического, политического и социально-экономического характера. В какой-то мере учесть и «взвесить» значимость отдельных факторов позволяет расчет по совокупности стран ЕС корреляционной зависимости между долей китайских мигрантов в населении и рядом статистически доступных показателей (табл. 1).

Таблица 1

**Значимость факторов китайской иммиграции в страны зарубежной Европы,
2013 год***

Показатель	Доля китайских иммигрантов в населении страны
Индекс развития человеческого потенциала	0,7
Доходы населения (annual net earnings)	0,67
Накопленные прямые инвестиции из Китая	0,58
Уровень безработицы среди трудоспособного населения	-0,26
Доля китайской диаспоры в населении страны	0,78

* Значимость факторов определяется на основе расчета коэффициента ранговой корреляции.

Рассчитано по [20; 23; 27; 29].

Выясняется, что помимо принципов иммиграционной политики важными мотиваторами при выборе страны прибытия выступают уровень благосостояния и доходов местного населения, состояние рынка труда, а также осуществление странами-реципиентами экономического сотрудничества с КНР. Но определяющую роль получает — как своего рода «обратная связь» — наличие уже сложившейся китайской общины (величина коэффициента корреляции 0,78), что лишний раз подчеркивает значимость развитых социальных сетей иммигрантов.

В 2015 году из 76 млн международных мигрантов в Европе китайцы составляли менее 3% [22; 23; 27]. Далекое не все мигранты первого поколения являются гражданами КНР или Китайской Республики³, а их распределение по территории региона в силу различий в системе личностных приоритетов и факторов аттрактивности отдельных стран весьма неравномерно: 285 тыс.

³ Страны Европы, в том числе все страны ЕС, рассматривают Китайскую Республику как территорию, принадлежащую КНР, и не имеют с ней прямых дипломатических связей.

человек сконцентрировано в Великобритании, от 80 до 160 тыс. — во Франции, Италии, Испании, Германии и Нидерландах, заметно меньше — в остальных государствах. Доля китайцев в численности всех международных мигрантов существенно выше средней по региону в Великобритании, Нидерландах, Скандинавских странах, а также в Италии и Венгрии, уже давно играющей роль «ворот» в Европу⁴. С учетом высокой мобильности населения и в границах ЕС, и в пределах стран Шенгенского договора для более точной оценки особенностей размещения китайских иммигрантов первого поколения необходимо исключить внутрирегиональные миграции. Результаты расчетов удельного веса китайцев в аллохтонном населении показывают, что общая ситуация, становясь более выразительной, в целом мало меняется, но позволяют говорить о существовании трех категорий стран. Первая — с однозначно повышенной привлекательностью для китайских переселенцев (Нидерланды, Ирландия, Норвегия и Финляндия). Вторая — с равноценной силой притяжения мигрантов из Поднебесной и стран Европы (Германия, Бельгия, Люксембург). Третья — с максимальной открытостью «внешнему миру». В Великобританию и Францию направлены потоки мигрантов как из европейских стран, так и из других регионов мира (рис. 2).

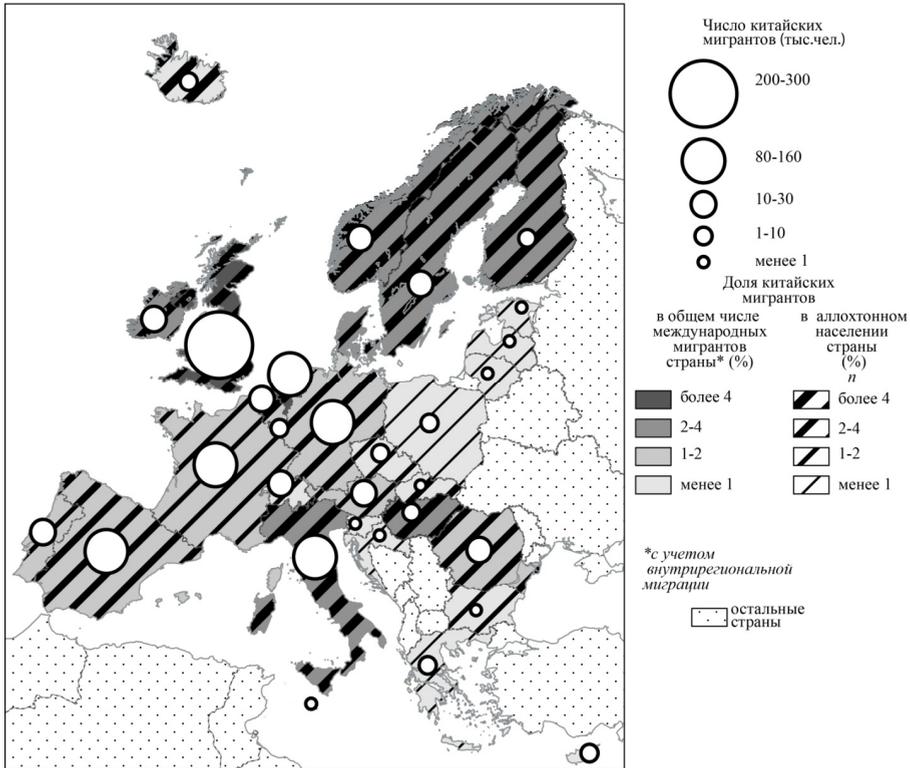

Рис. 2. Китайские мигранты в странах ЕС и ЕАСТ, 2011 год

Составлено по [20; 23; 27].

⁴ Например, в период с октября 1988 по апрель 1992 года Венгрию пересекли около 45 тыс. транзитных мигрантов из Китая, которые впоследствии рассеялись по территории Европы и отчасти Северной Америки [33, р. 16].

Формирование китайской диаспоры. Рост численности и территориальной концентрации иммигрантов закономерно запустили процесс формирования китайской диаспоры. Хотя, надо признать, что в научных кругах пока не сложились общепризнанная методология изучения феномена, его четкая дефиниция, совокупность «родовых» признаков и единая классификация [5, с. 563, 569]. Несмотря на длительную историю явления, как отмечает Т. С. Кондратьева, пристальное внимание зарубежных исследователей диаспоры стали привлекать с конца 1970-х годов, а в России — лишь во второй половине 1990-х годов. Впрочем, она же добавляет:

В последнее десятилетие видные российские ученые, такие как М. А. Аствацатурова, В. И. Дятлов, Т. С. Илларионова, З. И. Левин, А. В. Милитарев, Т. В. Полоскова, В. Д. Попков, В. А. Тишков, Ж. Т. Тощенко, Т. И. Чаптыкова и другие, в многочисленных публикациях, в том числе и в монографиях, не только обозначили свою позицию по широкому кругу проблем, связанных с диаспоральными сюжетами, но и вступили в оживленную дискуссию друг с другом [9].

В случае изучения китайской диаспоры дополнительные трудности привносит разветвленность исторически сложившегося понятийно-терминологического аппарата. Согласно закону КНР «Об охране прав и интересов вернувшихся хуацяо и их родственников» от 07.09.1990 года [6], существует несколько наименований (и терминов и их толкований) китайцев, проживающих за пределами страны.

1. *Тунбао* — *соотечественники* (кит. 同胞 tongbao) — китайцы, проживающие на территории Китайской Республики (Тайвань) и в специальных административных районах (Гонконг и Макао) и фактически не считающиеся представителями китайской диаспоры⁵.

2. *Хуацяо* — *китайские мигранты* (кит. 华侨 huaqiao) — китайцы, постоянно проживающие за рубежом и обладающие гражданством КНР, Китайской Республики и специальных административных районов (Гонконг и Макао). Исторически это понятие относилось к китайцам, переехавшим за рубеж на некоторое время, и не включало лиц, проживающих в других странах на постоянной основе. Данный термин получил широкое распространение в русскоязычной научной литературе.

3. *Вайцзи хуажэнь* — *китайцы с иностранным гражданством* (кит. 外籍华人 waiji huaren) — китайцы, хуацяо и их потомки, обладающие иностранным гражданством, получившие его в результате натурализации или при рождении и в силу этого автоматически утратившие гражданство КНР, Китайской Республики и специальных административных районов (Гонконг и Макао). Данный термин обозначает иностранцев китайского происхождения; сокращенная форма *хуажэнь* — *китайцы* (кит. 华人 huaren).

4. *Хуаи* — *потомки китайцев* (кит. 华裔 huayü) — лица китайского происхождения, потомки китайских мигрантов. Данный термин обозначает людей, родившихся и выросших за пределами Китая, получивших образование и социализировавшихся за рубежом, мигрантов второго, третьего поколений. Хуаи входят в состав представителей хуажэнь.

5. *Хайвай хуажэнь* — *зарубежные китайцы* (кит. 海外华人 haiwai huaren) — все китайцы и лица китайского происхождения, проживающие за рубежом, совокупность всех китайских мигрантов, зарубежная китайская община, фактически китайская диаспора. Во всех официальных документах КНР и Китай-

⁵ После присоединения Гонконга и Макао к КНР в законодательство внесены поправки от 31.10.2000 года.

ской Республики для определения китайского населения, проживающего за пределами Китая, независимо от гражданства используется именно этот термин. Данное понятие употребляется как для граждан КНР, Китайской Республики и специальных административных районов (Гонконг и Макао), проживающих за рубежом, так и для этнических китайцев, получивших иностранное гражданство. К диаспоре относятся потомки китайских мигрантов, лица, родившиеся за пределами Китая в этнически смешанных семьях, сохраняющих свою этническую идентичность и связь с исторической родиной.

В англоязычной научной литературе часто используется калька с китайского языка для описания диаспоры, всего китайского населения, проживающего за пределами Китая, — *Overseas Chinese*.

Так или иначе, существование китайской диаспоры как, согласно определению Т.В. Полосковой, сплоченной, устойчивой социальной группы (объединения людей, имеющих общий значимый признак и участвующих в совместной деятельности, которая регулируется формальными и неформальными институтами), проживающей за пределами страны своего общего географического происхождения и обладающей единым этническим самосознанием, создающей собственные социальные, политические и экономические институты для поддержания самосознания идентичности и общности [15], не вызывает сомнений. Другое дело, что многообразие терминологии и принципов статистического учета сказывается на вариабельности исчислений масштаба явления. По разным оценкам, численность этнических китайцев, обосновавшихся вне родины, составляет от 35 до 62 млн человек. «Можно сказать, всюду, где светит солнце, есть и наши собратья», — с гордостью говорят в Пекине [12]. Однако основная часть китайской общины — свыше 70% — приходится на страны АСЕАН. На их фоне зарубежная Европа выглядит довольно скромно, хотя точных количественных сведений нет. Так, в 2011 году, согласно оценкам Европейско-китайского научно-консультативного сообщества (*Europe China Research and Advice Network, ECRAN*), численность этнических китайцев в странах ЕС составляла 2,3 млн человек, что в 1,5 раза больше данных Комиссии по делам зарубежных китайцев (*Overseas Chinese Affairs Commission, OCAC*) [27; 31].

При этом по сравнению с другими регионами мира Европа выделяется особой мозаичностью китайской диаспоры (рис. 3). Во-первых, ее численность в странах региона варьирует в очень широких границах — от 650 тыс. человек в Великобритании до менее 1 тыс. в ряде малых стран. Во-вторых, широк разброс пропорций между хуажень и хуацяо, что отчасти предопределяет преимущественную лояльность местным или китайским властям. Закономерно, что первые преобладают в большинстве стран ЕС, за исключением, например, Италии, Испании, Финляндии и т. д. В-третьих, колоссальна дифференциация стран региона по доле в структуре диаспоры иммигрантов первого поколения с повышенным весом молодежи, высокообразованных лиц, квалифицированных кадров, стремящихся ассимилироваться в европейском социуме, найти работу в престижных областях рынка труда (науке, медицине, бизнесе, финансах, образовании, управлении, искусстве). Именно они задают количественные параметры диаспоры и отвечают за формирование стереотипа «модельного этнического меньшинства», плотно закрепившегося в сознании американского общества⁶. В то же время он лишь отчасти верен, поскольку характеризует

⁶ Термин «модельное меньшинство» был введен социологом У. Петерсеном в эссе «Success Story: Japanese American Style», опубликованном в журнале «Нью-Йорк Таймс» в 1966 году, для описания американцев азиатского происхождения как этнических меньшинств, которые, несмотря на маргинализацию, добились успеха в США.

только привилегированную часть диаспоры. Есть и другая, «теневая» часть, представленная рабочими и обслуживающим персоналом с разными демографическими параметрами, но с относительно низким уровнем образования, благосостояния и знания языка местопребывания, а также нелегалами. Это, безусловно, отдельное проблемное и пока малоизученное поле. Но возникновение глубоких расколов в обществе между местными гражданами и бесправными иммигрантами, отличающимися от принимающего населения по языку и религии, именуемых в классической политологии как *mutually reinforcing cleavages* [28; 35; 37], весьма маловероятно.

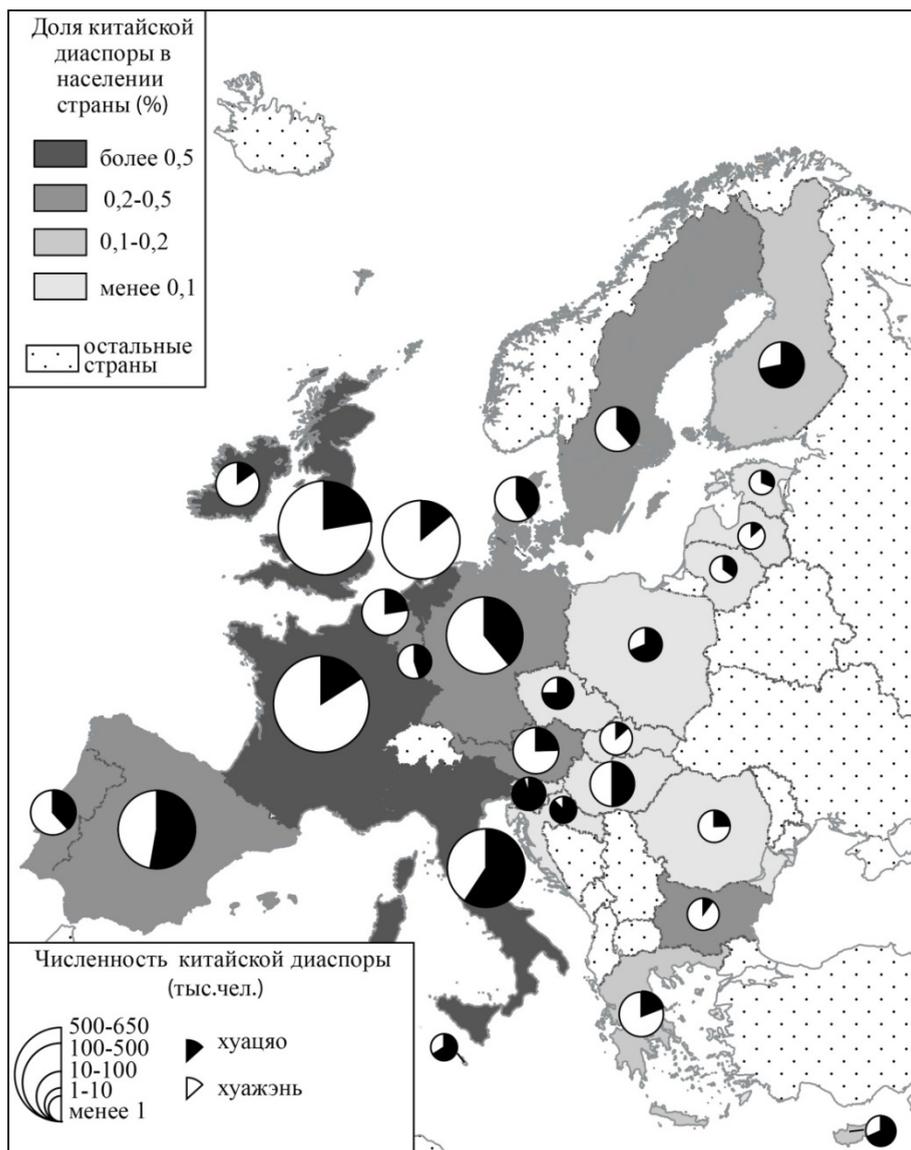

Рис. 3. Китайская диаспора в странах ЕС, 2011 год

Составлено по [20; 27; 31].

К настоящему времени в ЕС сложился паритет между китайскими иммигрантами первого поколения (53%), с одной стороны, и довольно пестрой категорией хуаи — с другой. Однако две трети стран сообщества относятся к имеющим относительно поздний старт формирования китайской диаспоры, что лишней раз подчеркивает новизну явления и актуальность его изучения. Сопряженный анализ общей численности диаспоры и ее «возраста» позволяет разделить государства ЕС на четыре основные группы. Две категории формируют страны со значительной численностью китайской диаспоры, но в одной из них «новые» мигранты составляют менее 50% (Великобритания, Франция, Италия, Нидерланды, Ирландия), а в другой — более 50% (Германия и Испания). По аналогии выделяются еще две категории стран с относительно малой численностью китайской диаспоры. Подавляющая их часть относится к типу с преобладанием мигрантов первого поколения (табл. 2). В ряде случаев, например в Швеции и странах Прибалтики, они составляют более 85% диаспоры.

Таблица 2

Группировка стран ЕС по величине и «возрасту» китайской диаспоры, 2011 год

Величина диаспоры	Численность диаспоры, тыс. чел.	«Возраст» диаспоры*	
		«Старая»	«Молодая»
Крупная		<i>Крупная «старая»</i>	<i>Крупная «молодая»</i>
	Более 500	Великобритания, Франция	
	100—500	Италия, Нидерланды	Испания, Германия
	50—100	Ирландия	
Малая		<i>Малая «старая»</i>	<i>Малая «молодая»</i>
	10—50	Бельгия, Португалия	Австрия, Швеция, Греция, Венгрия, Дания
	менее 10	Болгария, Румыния, Словакия	Финляндия, Чехия, Польша, Люксембург, Кипр, Словения, Литва, Хорватия, Мальта, Латвия, Эстония

* «Возраст» китайской диаспоры определяется удельным весом в ней иммигрантов первого поколения.

Составлено по [27].

Размещение китайской диаспоры в Европе. Сфокусированность основного потока «новой» миграции в относительно узком круге стран приема усиливает контрасты в размещении китайской диаспоры в Европе. Ее общая численность имеет выраженный меридиональный градиент, убывая с запада на восток (см. рис. 2, с. 84), и находится почти в полном соответствии с географией наиболее экономически развитых и многолюдных стран. Это, в частности, подтверждают высокие значения коэффициента корреляции для стран ЕС (0,8174 в случае соотношения с ВВП и 0,7908 — населения). Более 98% диаспоры сконцентрировано только в 10 странах, а 50% приходится на Великобританию и Францию. Большие китайские общины сформировались в Германии и Нидерландах, а также в проводивших сравнительно недавно амнистию нелегальных иммигрантов Италии и Испании, которые сами являются в некоторой степени странами — «экспортерами» мигрантов. На этом фоне остаются менее значимыми государства Северной Европы и особенно Восточной Европы, границы

которых стали открытыми для китайской иммиграции только с 1990-х годов. Исключение в последнем случае составляют лишь Венгрия и Румыния, где в современной структуре международных мигрантов доля китайцев относительно повышена. Иными словами, с позиций центр-периферической концепции размещение китайской диаспоры в зарубежной Европе носит полицентрический характер с четко выраженным региональным ядром и обширной периферией на северо-востоке. При этом эксперты прогнозируют активный рост диаспоры именно в главных странах ядра — Великобритании, Франции, Германии и Нидерландах, а также в Венгрии, отчасти сохраняющей транзитную функцию.

В силу ряда обстоятельств китайские иммигранты практически отсутствуют в сельской местности принимающих стран, явно тяготея к городским образованиям. Можно сказать, что размещение китайской диаспоры близко совпадает с урбогеографией Европы с акцентом на столичные и портовые города. Дискриминация китайцев на начальном этапе иммиграции привела к образованию этнических анклавов — чайна-таунов⁷. Но снятие проблемы и появление возможности быстрой интеграции в общественную жизнь после окончания Второй мировой войны обусловили отсутствие в европейских агломерациях крупных китайских кварталов американского образца. Здесь китайцы расселены преимущественно дисперсно, выраженных национальных анклавов сравнительно немного. Они являются относительно малолюдными и, как правило, выступают местами концентрации этнического бизнеса.

Главные центры локализации китайской диаспоры в Великобритании — Лондон (30% диаспоры), Бирмингем, Глазго, Манчестер и Ливерпуль; во Франции — Лион и Марсель; в Италии — Милан, Флоренция, Турин и Венеция; в Испании — Мадрид, Барселона, Валенсия и Аликанте; в Германии — Берлин, Гамбург, Бонн, Франкфурт-на-Майне и Мюнхен; в Нидерландах — Амстердам; в Ирландии — Дублин. Все эти города существенно различаются по истории возникновения, масштабам и структуре диаспоры и могут служить «ключами» к изучению географии выхода китайских иммигрантов. Так, если в агломерациях Германии основную часть диаспоры составляют выходцы из Шанхая и северо-восточных провинций Китая, то в Дублине — из Гуандуна (Кантон) и Гонконга, а в Амстердаме — из Гонконга и бывших голландских колоний Индонезии и Суринама.

Этническая «диффузия» или часть «европейского проекта» в реализации глобальной стратегии Пекина? «Новая» китайская иммиграция не только благотворно отразилась на изменении социально-демографических структур и восполнении дефицита рабочей силы в странах Европы, но и укрепила имидж «модельного меньшинства», привнесла новые черты в состав и размещение этнической диаспоры в регионе. В зависимости от исходного целеполагания ее изучение возможно с разных позиций: во-первых, с позиции европоцентрического подхода, а во-вторых, в узком, чисто специальном, или широком, комплексном формате, но при обязательном учете появившихся при развитии экономической и культурной глобализации наиболее благоприятных условий как для иммиграции, так и для эмиграции, когда нет необходимости в принятии окончательного решения о месте постоянного жительства. В исследовании Ф. Янга эта тенденция охарактеризована как транснационализм китайской миграции (см.: [36]).

⁷ Самые крупные чайна-тауны находятся в Париже, Лондоне и Ливерпуле [19].

Вопрос «китаизации» европейцев получает отчасти локальный характер в контексте развертывающейся борьбы за мировое лидерство между ведущими державами в рамках перехода к третьему глобальному интеграционному циклу. При этом современные позиции участвующих в миграционном процессе сторон можно качественно обобщить, приведя восточные изречения. Для Китая скорее подойдет следующее: «Лучшее время, чтобы посадить дерево, было двадцать лет назад. Следующее лучшее время — сегодня». Для Европы: «Живи, сохраняя покой. Придет время, и цветы распустятся сами». Важно, что Китай рассматривает эмиграцию в контексте стратегии «идти вовне» и в комбинации с иными действенными механизмами политики «мягкой силы»⁸, вовлекая европейские страны в сотрудничество в самых разных областях — экономической, проектно-инвестиционной, научно-технической, образовательной⁹, социокультурной и т. д.

Формат китайского бизнеса быстро и во много раз превысил масштабы экономической деятельности всех прочих азиатских меньшинств в Европе. Так, за последние 6 лет китайские капиталовложения в экономику ЕС увеличились в 10 раз [7]. Только в 2016 году, по данным консалтинговой компании EY, они выросли почти втрое — с 30,1 млрд долларов до 85,8 млрд. За этот год китайцы приобрели 309 европейских компаний или доли в них. По числу таких объектов первое место заняла Германия (68 приобретений), второе — Великобритания (47), третьи делят Франция и Италия (по 34). Для сравнения: почти 10 лет назад, в 2007 году, китайцы купили в Европе только 51 компанию [16]. При понятных приоритетах китайские инвестиции имеют широкую географию, их можно обнаружить во всех без исключения государствах Европы, в том числе и Балтийского региона. В частности, еще в 2012 году для налаживания сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы запущен проект «16+1»¹⁰. Его главная цель — получение доступа к технологиям и исследованиям, международным каналам продаж и узнаваемым брендам, обеспечение поставок сырья для китайской экономики. Дополнительной целью предприятий Поднебесной является инвестирование в проекты из области внешней инфраструктуры, а также предоставление льготных кредитов для проектов, реализуемых китайскими подрядчиками [1].

Иными словами, Китай в Европе «всерьез и надолго». Более того, официальный Пекин постепенно сокращает проекты, связанные с репатриацией в целях восполнения ресурсов человеческого капитала, и переходит к масштабной стратегии «служить родине из-за рубежа». Главная ее задача — сформировать китаецентричную прослойку в качестве фактора государственного влияния в странах с высокой концентрацией этнических общин. В дальнейшем представители подобных групп влияния должны глубоко интегрироваться в общественно-политическую и экономическую жизнь страны проживания и при необходимости лоббировать интересы Китая. Таким образом, основной упор будет сделан на сохранение и укрепление национального самосознания диаспоры как фактора будущего глобального политического и экономического превосходства Китая [3].

⁸ Термин «мягкая сила» (*soft power*) трактуется часто по-разному. Для Китая он означает «мудрая сила». Главным образом, сюда вкладывается конфуцианская мудрость и культурная самобытность, которыми следует руководствоваться при принятии решений во внешней политике государства [8].

⁹ Например, согласно данным Министерства образования КНР на конец 2017 года, на страны Европы приходится более 1/3 всех институтов и классов Конфуция.

¹⁰ В него входят 11 стран — членов ЕС и 5 балканских стран (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Чехия, Эстония).

По мотивам исследования возникает большой спектр как общих вопросов — об объединении усилий ученых разных областей знания в рамках единой дисциплины, нацеленной на познание феномена этнических диаспор; о модернизации системы регистрации международных мигрантов и создании «сводного» центра учета лиц, проживающих вне страны рождения, — так и более частных, адресованных России: о налаживании конструктивного взаимодействия с русской диаспорой, инициативности международных проектов, многостороннем учете зарубежного (китайского) опыта, развитии политики «мягкой силы» и пр.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 16-06-00492 «Градоцентрическая модель территориальной организации мирового хозяйства»).

Список литературы

1. *Беляков Д.* Стратегия Пекина в Центральной Европе // СОНАР 2050. 01.12.2017. URL: <http://www.sonar2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/> (дата обращения: 27.05.2018).
2. *Вишневский А. Г., Дмитриев Р. В.* Глобальные демографические процессы в XX — начале XXI века // География мирового развития / под ред. Л. М. Синцера. М., 2016. Вып. 3. С. 197—229.
3. *Галстян А.* Китайские диаспоры начали захватывать экономики стран мира // Institute of Social and Economic Development. URL: <http://isedworld.org/2017/11/27> (дата обращения: 21.06.2018).
4. *Гладкий Ю. Н., Гладкий И. Ю., Эйдемиллер К. Ю.* Исламская «диффузия» в странах Балтийского региона: плоды европейского мультикультурализма // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 3. С. 43—62.
5. *Диаспоры в современном мире: региональный контекст и потенциал для устойчивого развития страны происхождения* : матер. междунар. науч. конф. Кишинев, 2018.
6. *Закон КНР об охране инвесторов и прав вернувшихся хуацяо и родственников-цзяоцзяоань*. П. 2. URL: <http://www.chinaqw.com.cn/node2/node2796/node2883/node3179/userobject6ai3723.html> (дата обращения: 12.04.2018).
7. *За последние несколько лет КНР резко увеличила объем прямых инвестиций в страны ЕС. Сколько Китай вкладывает в Европу* — в инфографике Sputnik. 03.11.2017. URL: <http://sputnik.by/infographics/20171103/1031743903/kitajskie-investicii-v-strany-es.html> (дата обращения: 27.05.2018).
8. *Касаткин П. И., Ивкина Н. В.* Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. Т. 9, № 1. С. 26—36.
9. *Кондратьева Т.* Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // Перспективы. Фонд исторической перспективы. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886> (дата обращения: 27.05.2018).
10. *Коробков А. В.* Крупнейшие миграционные системы мира: общие тренды и различия // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / под ред. В. А. Колосова, Н. А. Слуки. М. ; Смоленск, 2016. С. 313—327.
11. *Кузнецова Т. Ю.* Демография с основами этнографии. Калининград, 2012.
12. *Ларин А. Г.* Китай и зарубежные китайцы. М., 2008.
13. *Мировая экономика и международные отношения. Полный курс* : учебник / под ред. А. С. Булатова. М., 2017.
14. *Макрон заявил, что миграционный кризис в ЕС перерос в политический* // ТАСС. Информационное агентство России. Международная панорама. 24.06.2018. URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5319360> (дата обращения: 26.06.2018).
15. *Полоскова Т. В.* Современные диаспоры: внутривосточные и международные аспекты. М., 2002.
16. *Рождественская Я.* Китайские инвестиции в Европу достигли рекордного уровня // Коммерсантъ. 26.01.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3201876> (дата обращения: 27.05.2018).
17. *Фельде А. В.* «Новая» китайская миграция как фактор модернизации КНР : магистер. дис. Екатеринбург, 2015. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31582/1/m_th_a.v.felde_2015.pdf (дата обращения: 20.05.2018).
18. *Шатило Д. П.* Социальная дифференциация городских территорий (на примере стоимости жилья и расселения иммигрантов в крупных столицах Европы) : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2018.

19. *Chinatownology*. URL: <http://www.chinatownology.com> (дата обращения: 12.04.2018).
20. *Eurostat*. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat> (дата обращения: 12.04.2018).
21. *Global Migration: Demographic Aspects and Its Relevance for Development* // U. N. Department of Economic and Social Affairs. Technical Paper. 2013. № 6.
22. *Global Migration Map: Origins and Destinations, 1990—2017*. URL: <http://www.pewglobal.org/2018/02/28/global-migrant-stocks/?country=CN&date=2017> (дата обращения: 12.04.2018).
23. *Human Development Report, 2015*. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2015_statistical_annex.pdf (дата обращения: 15.04.2018).
24. *Inkpen Ch.* 7 Facts About World Migration // Pew Research Center. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/09/02/7-facts-about-world-migration/> (дата обращения: 15.04.2018).
25. *International Migration Report 2015*. N. Y., 2016.
26. *Joppke Ch.* Trends in European Immigration Policies // A Threat Against Europe? Security, Migration and Integration / eds. J. P. Burgess, S. Gutwirth. Brussels, 2011.
27. *Latham K., Wu B.* Chinese Immigration into the EU: New Trends, Dynamics and Implications. L., 2013.
28. *Lipset S. M.* Political Man. Garden City. N. Y., 1960.
29. *Ministry of Commerce* People's Republic of China. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigninvestment> (дата обращения: 15.04.2018).
30. *Open Doors, Project-Atlas of Student Mobility* // Institute of International Education. N. Y., 2012.
31. *Overseas Community Affairs Council (OCAC), United Nations Statistics Division*. URL: <http://www.ocac.gov.tw> (дата обращения: 15.04.2018).
32. *Parker D.* Chinese People in Britain: Histories, Futures and Identities. L., 1998.
33. *Pieke F.* Recent Trends in Chinese Migration to Europe: Fujianese Migration in Perspective. Geneva, 2002.
34. *Ravenstein E. G.* The Laws of Migration // *Journal of the Royal Statistical Society*. 1889. Vol. 52. P. 241—301.
35. *Rokkan S.* Geography, Religion and Social Class: Cross-cutting Cleavages in Norwegian Politics. N. Y., 1967.
36. *Routledge Handbook of the Chinese Diaspora* / ed. by C.-B. Tan. N. Y., 2013.
37. *Simmel G.* Soziologie. Leipzig, 1908.

Об авторах

Николай Александрович Слукa, доктор географических наук, профессор, кафедра географии мирового хозяйства, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: sluka2011@yandex.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2974-1027>

Андрей Владимирович Коробков, доктор философии, профессор политологии, Университет Среднего Теннесси, США.

E-mail: andrei.korobkov@mtsu.edu

Павел Николаевич Иванов, магистрант, кафедра географии мирового хозяйства, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия.

E-mail: pavel.ivanov.n@yandex.ru

Для цитирования:

Слукa Н. А., Коробков А. В., Иванов П. Н. Китайская диаспора в странах ЕС // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 80—95. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-5.

THE CHINESE DIASPORA IN THE EU COUNTRIES

N. A. Sluka¹
A. V. Korobkov²
P. N. Ivanov¹

¹ Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991 Russia

² Middle Tennessee State University
1301 East Main Street, Murfreesboro, TN 37132, USA

Submitted on May 13, 2018
doi: 10.5922/2078-8555-2018-3-5

This article is a further contribution to the discourse of ethnic 'diffusion' in European countries. The debate started on the pages of the Baltic Region journal by three authors — Yu. N. Gladky, I. Yu. Gladky, and K. Yu. Eidemiller [4]. We assume that Europe has been a major centre of attraction for immigrants in recent decades and a site for the rapid emergence of ethnic communities. Unlike Muslim immigration, a product of the Arab Spring and often a measure of last resort, Chinese immigration is a result of a certain convergence between the ideologies of the host countries, committed to multiculturalism, and the country of origin pursuing a 'go global' policy. We chose the EU countries as a 'demonstration site' and the Chinese diaspora as the object of research. Our aim is to describe the process of migration from China and the formation of a Chinese diaspora in European countries. We analyse the timeline and the scope of Chinese immigration, qualitative changes in the composition of immigrants, factors affecting the choice of the country of entry, and the quantitative parameters and settlement patterns of today's Chinese diaspora in the region. We suggest grouping the EU Countries by the number and 'age' of their Chinese diasporas. We consider ethnic 'diffusion' as part of the 'European project' within Beijing's global strategy.

Keywords: ethnic diffusion, new migrants, Chinese diaspora, EU countries

References

1. Belyakov, D. 2017, Beijing's Strategy in Central Europe, *SONAR 2050*, 01.12.2017, available at: <http://www.sonar2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/> (accessed 27.05.2018) (in Russ.).
2. Vishnevsky, A. G., Dmitriev, R. V. 2016, Global Demographic Processes in the XX — Early XXI centuries, *Geografiya mirovogo razvitiya* [Geography of World Development], no. 3, p. 197—229 (in Russ.).
3. Galstyan, A. 2018, Chinese Diasporas Began to Seize Economies of the World, *Institute of Social and Economic Development*, available at: <https://is.gd/R1eDoz> (accessed 21.06.2018) (in Russ.).
4. Gladkiy, Yu. N., Gladkiy, I. Yu., Eidemiller, K. Yu. 2017, Islamic Diffusion in the Baltics: The Fruit of European Multiculturalism, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 3, p. 30—44. doi: 10.5922/2079-8555-2017-3-3.
5. Diasporas in the Modern World: The Regional Context and the Potential for Sustainable Development of the Country of Origin, 2018, Materials of the International Scientific Conference, *International Organization for Migration*, mission to Moldova, Chisinau, December 21, 2017, 594 p. (accessed 21.06.2018) (in Russ.).
6. The PRC Law on the Protection of Investors and the Rights of Returned Huatsiao and QiaoJuang Relatives, item 2, available at: <http://www.chinaqw.com.cn/node2/node2796/node2883/node3179/userobject6ai3723.html> (accessed 12.04.2018) (in Chines).
7. How Much Does China Invest in Europe, 2017, *Sputnik*, 03.11.2017, available at: <http://sputnik.by/infographics/20171103/1031743903/kitajskie-investicii-v-strany-es.html> (accessed 27.05.2018) (in Russ.).

8. Kasatkin, P. I., Ivkina, N. V. 2018, Cultural and Educational Components of the «Soft Power» of the EU, *Comparative Politics Russia*, Vol. 9, no. 1, p. 26—36 (in Russ.).
9. Kondratieva, T. 2010, Diasporas in the Modern World: The Evolution of the Phenomenon and Concepts, «*Perspektivy*». *Fond istoricheskoi perspektivy* ["Prospects". Historical Perspective Fund], 27 February 2010, available at: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=48886> (accessed 27.05.2018) (in Russ.).
10. Korobkov, A. V. 2016, The Largest Migration Systems in the World: General Trends and Differences. In: Kolosov, V. A., Sluka, N. A. *Geografiya mirovogo khozyaistva: traditsii, sovremennost', perspektivy* [Geography of the World Economy: Traditions, Modernity, Prospects] Moscow-Smolensk, p. 313—327 (in Russ.).
11. Kuznetsova, T. Yu. 2012, *Demografiya s osnovami etnografii* [Demography with the Basics of Ethnography], Kaliningrad, 93 p. (in Russ.).
12. Larin, A. G. 2008, *Kitai i zarubezhnye kitaitsy* [China and overseas Chinese], Moscow, 96 p. (in Russ.).
13. Bulatov, A. S. (ed.) 2017, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye Otnosheniya* [World Economy and International Relations], 916 p. (in Russ.).
14. Macron Said that the Migration Crisis in the EU has Grown into a Political, 2018, *Tass*, Russian News Agency, June 24, 2018, available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-paporama/5319360> (accessed 26.06.2018) (in Russ.).
15. Poloskova, T. V. 2002, *Sovremennye diaspori: vnutripoliticheskie i mezhdunarodnye aspekty* [Modern Diasporas: Domestic Political and International Aspects], Moscow, 284 p. (in Russ.).
16. Rozhdestvenskaya, Ya. 2017, Chinese Investments in Europe Reached a Record Level, *Kommersant*, January 26, 2017, available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3201876> (accessed 27.05.2018) (in Russ.).
17. Felde, A. V. 2015, «New» Chinese Migration as a Factor in China's Modernization. Master. Thes., Ekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia BN. Yeltsin, 122 p., available at: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/31582/1/m_th_a.v.felde_2015.pdf (accessed 20.05.2018) (in Russ.).
18. Shatilo, D. P. 2018, Social Differentiation of Urban Areas (Based on the Cost of Housing and Resettlement of Immigrants in Major European Capitals), PhD Thes., Moscow, Lomonosov Moscow State University named after, 27 p. (in Russ.).
19. *Chinatownology*, available at: <http://www.chinatownology.com> (accessed 12.04.2018).
20. *Eurostat*, available at: <http://ec.europa.eu/eurostat> (accessed 12.04.2018).
21. Global Migration: Demographic Aspects and Its Relevance for Development, 2013, *U.N. Department of Economic and Social Affairs, Technical Paper*, no. 6.
22. *Global Migration Map: Origins and Destinations, 1990—2017*, available at: <http://www.pewglobal.org/2018/02/28/global-migrant-stocks/?country=CN&date=2017> (accessed 12.04.2018).
23. *Human Development Report*, 2015, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr_2015_statistical_annex.pdf (дата обращения 15.04.2018).
24. Inkpen Ch. 7 Facts About World Migration, 2014, *Pew Research Center*, available at: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/09/02/7-facts-about-world-migration/> (accessed 15.04.2018).
25. *International Migration Report 2015, 2016*, N. Y., U. N., Department of Economic and Social Affairs, Population Division.
26. Joppke, Ch. 2011, Trends in European Immigration Policies, In: Burgess, J. P., Gutwirth, S. (eds.) *A Threat Against Europe? Migration and Integration*, Brussels.
27. Latham, K., Wu, B. 2013, *Chinese Immigration into the EU: New Trends, Dynamics and Implications*, London.
28. Lipset, S. M. 1960, *Political Man*. Garden City, N. Y.
29. *Ministry of Commerce People's Republic of China*, available at: <http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigninvestment> (accessed 12.04.2018).
30. *Open Doors, Project-Atlas of Student Mobility*, 2012, Institute of International Education, N. Y.
31. Overseas Community Affairs Council (OCAC), 2018, *United Nations Statistics Division*, available at: <http://www.ocac.gov.tw> (accessed 15.04.2018).

32. Parker, D. 1998, *Chinese People in Britain: Histories, Futures and Identities*, L.
33. Pieke, F. 2002, *Recent Trends in Chinese Migration to Europe: Fujianese Migration in Perspective*, Geneva, 60 p.
34. Ravenstein, E. G. 1889, The Laws of Migration, *Journal of the Royal Statistical Society*, Vol. 52, p. 241—301.
35. Rokkan, S. 1967, *Geography, Religion and Social Class: Cross-cutting Cleavages in Norwegian Politics*, N. Y.
36. Tan, C.-B. (ed.) 2013, *Routledge Handbook of the Chinese Diaspora*, N. Y., 512 p.
37. Simmel, G. 1908, *Soziologie*, Leipzig.

The authors

Prof. Nikolai A. Sluka, Department of Geography of World Economy, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: sluka2011@yandex.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-2974-1027>

Dr Andrei V. Korobkov, Professor, Middle Tennessee State University, USA.

E-mail: andrei.korobkov@mtsu.edu

Pavel N. Ivanov, Master Student, Department of Geography of World Economy, Lomonosov Moscow State University, Russia.

E-mail: pavel.ivanov.n@yandex.ru

To cite this article:

Sluka, N.A., Korobkov, A.V., Ivanov, N.P. 2018, The Chinese Diaspora in the EU Countries, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p. 80—95. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-5.

ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

ОЦЕНКА И ИЗМЕРЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

*Е. В. Волошенко*¹
*К. Ю. Волошенко*¹

В статье рассматриваются методические проблемы применения известных методов и моделей измерения экономической безопасности для приграничных регионов. Особое внимание уделяется разработке алгоритма оценки степени их безопасности с учетом специфики этих регионов, а также требований выделения групп (классов) угроз, их идентификации на основе системы общих, частных и специальных индикаторов, измерения влияния мер «защиты» на уровень экономической безопасности. С целью обоснования предложений рассматривается фрагмент анализа экономической безопасности Калининградской области на основе оценки влияния на формирование добавленной стоимости АПК региона различных факторов и эффективности мер «защиты» сектора. Доказана необходимость учета региональных особенностей и специфики при измерении экономической безопасности, подтверждается важность и необходимость включения экономико-математических расчетов на различных этапах алгоритма ее оценки. По результатам исследования обоснованы базовые принципы и порядок формирования комплексной модели экономической безопасности регионов Западного побережья РФ.

Ключевые слова: экономическая безопасность, приграничный регион, типы регионов, измерения, методы оценки, секторальная модель, Калининградская область

Введение

Вопросы, касающиеся проблем измерения и оценки экономической безопасности (ЭБ) региона, рассматривались в многочисленных трудах отечественных и зарубежных авторов. Исследователи уделяют внимание терминологии, угрозам, методикам и алгоритмам оценки экономической безопасности регионов, индикаторам и их пороговым значениям, механизмам управления и укрепления региональной экономической безопасности [1, с. 5]. При этом, несмотря на активное развитие теории и практики эко-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 15.05.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-6

© Волошенко Е. В., Волошенко К. Ю., 2018

номической безопасности регионов, сохраняется много нерешенных методологических вопросов. В частности, не существует общепринятого перечня показателей для оценки уровня ЭБ регионов, недостаточно освещаются вопросы обоснования пороговых значений индикаторов, их прогнозирования и влияния несоблюдения на устойчивость и развитие региональных систем. В результате сложно идентифицировать состояние конкретной региональной системы и (в соответствии с [2]) выявить границы ее критического состояния, препятствующего нормальному развитию экономики и социальной сферы и приводящего к формированию разрушительных тенденций в области производства и уровня жизни населения. Применительно к особенностям приграничных регионов исследования указанных проблем практически не ведутся.

Актуальность изучения вопросов измерения экономической безопасности приграничных регионов России определила направления и задачи настоящего исследования. Цель работы состояла в оценке применимости существующих теоретико-методологических подходов к изучению ЭБ приграничных регионов и разработке методических основ по их использованию. Учитывалась специфика приграничных регионов в части функционирования экономики, качества и уровня рискогенности среды, степени влияния и последствий различного рода угроз и шоков, что отличает их от других территорий России.

Новизна исследования обусловлена проработкой содержания и сущности понятия экономической безопасности и ее измерения применительно к приграничным регионам, созданием алгоритма оценки для выполнения требований идентификации текущей ситуации, прогнозирования степени защищенности региона и оценки последствий принимаемых мер по преодолению слабостей.

Логика исследования обусловила порядок рассмотрения в настоящей статье вопросов теории и практики оценки экономической безопасности регионов России, проблем применения методов и моделей измерения экономической безопасности в оценке приграничных регионов. Представлены результаты разработки алгоритма оценки и измерения ЭБ приграничных регионов. С целью идентификации и измерения влияния мер защиты на уровень ЭБ обосновывается применение экономико-математических моделей. В качестве примера приводятся результаты моделирования добавленной стоимости в АПК Калининградской области с использованием разработанных авторами секторальных моделей в рамках реализации проекта создания информационно-аналитической системы поддержки региональных исследований (руководитель — канд. экон. наук К. Ю. Волошенко) [3].

Теоретические основы методологии диагностики и измерения экономической безопасности региона

Наибольший вклад в изучение проблем экономической безопасности России, развитие методологии оценки ЭБ региона внесли исследования Института экономики РАН (г. Москва) под руководством В.К. Сенчагова [2; 4—7], Института экономики УрО РАН (г. Екатеринбург) под руководством А.И. Татаркина и А.А. Куклина [8—11], Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск) под руководством С.В. Казанцева [12—14], Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева (г. Нижний Новгород) под руководством С.Н. Митякова [2; 15; 16]¹, Омского научного центра Сибирского от-

¹ Начиная с 2010 года отмечено активное сотрудничество НГТУ им. Р.Е. Алексеева с Институтом экономики РАН: создана лаборатория региональных проблем экономической безопасности, ежегодно проводится Международная конференция «Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы».

деления РАН и лаборатории экономических исследований Омской области ИЭОПП СО РАН под руководством В.В. Карпова [1; 17]. Представителями этих институтов осуществлена систематизация подходов к оценке и диагностике экономической безопасности регионов [1; 2; 6; 10; 18—20].

В современной зарубежной литературе экономическая безопасность, как указывает Т.Д. Ромашенко [21], изучается в контексте двух самостоятельных течений: теории катастроф (С. Zeeman, Т. Oliva, Е. Laszlo и др.) и теории рисков (R. Dembo, R. Ceske, J. Clark, К. Arrow и др.). Среди западных исследований по проблемам экономической безопасности необходимо выделить работы [22—37], в которых феномен рассматривается в контексте национальной безопасности и раскрывается через такие категории, как устойчивость, эффективность и глобализация.

Традиционно западные ученые связывали термин «безопасность» с защищенностью от внешних угроз (см., например, [20; 25; 38]), как нечто, требующее участия силовых органов (вооруженных сил, разведки, спецслужб) [39, с. 93]. Однако позже изучение безопасности приобретает большую экономическую составляющую: в частности, в контексте глобализации и международных отношений изучаются внутренние факторы безопасности [31; 33], а также отдельных течений, например промышленной безопасности (industry security) в рамках теории отраслевых рынков (Industrial Economics) [35]. Кроме того, наблюдается сближение понятий «экономическая безопасность» и «устойчивость», предпринимаются попытки разработать систему показателей, учитывающую все функциональные компоненты экономической безопасности.

На основе результатов уже имеющихся теоретических и методологических разработок в рамках настоящего исследования проводится их конкретизация и уточнение в соответствии с особенностями и спецификой приграничного региона. Это касается как выделения основных понятий, так и собственно измерения отдельных элементов в составе экономической безопасности, формирования в целом системы ее обеспечения на уровне приграничного региона, методологии измерения и оценки. В частности, на основе анализа известных подходов к определению региональной ЭБ выделено ее семантическое содержание по отношению к приграничному региону. Это позволило обосновать наиболее важные критерии в оценке и измерении экономической безопасности приграничных регионов и, рассматривая применимость известных методологических подходов, разработать алгоритм ее оценки, учитывающий следующие аспекты: 1) типологические особенности регионов, в том числе приграничных; 2) выделение групп (классов) угроз для отдельных типов регионов; 3) общие, частные и специальные индикаторы, соответствующие оценке действия и влиянию специфических факторов и условий, связанных с приграничностью. Используя достоинства и наиболее значимые научные результаты более ранних исследований и разработок, авторами настоящей статьи проводится дальнейшее развитие теоретико-методологических положений экономической безопасности применительно к проблемам приграничных регионов.

Обоснование возможностей применения известных методов и моделей оценки экономической безопасности для приграничных регионов

В настоящее время предложено достаточное количество авторских подходов к оценке экономической безопасности региона, арсенал их средств и инструментов постоянно пополняется. Однако принципиально, что находит применение небольшая группа методов, преимущественно основанных на измерении динамики макроэкономических показателей, ранжировании, индексной и экспертно-рейтинговых оценках. Реже представлены экономико-математические методы и модели. Анализ методов и подходов, применяемых в оценке

экономической безопасности региона, проведен, например, в работах [1; 2; 6; 9; 40; 41]. С учетом ранее сделанных исследователями обобщений авторами данной статьи осуществляется систематизация подходов и предлагается обзор методов и моделей применительно к возможностям оценки ЭБ с учетом специфики и особенностей приграничных регионов. Критерии оценки применимости существующих подходов зафиксированы исходя из сложившихся теоретических концепций ЭБ и соответствующих им различных подходов к определению содержания категории «экономическая безопасность» [1; 6; 42], представленных на рисунке 1.

Рис. 1. Семантическое содержание понятия «экономическая безопасность» в оценке и измерении приграничных регионов
(ЭБ — экономическая безопасность, ЭБР — экономическая безопасность региона)

Источник: адаптировано на основе [1; 6; 40; 42].

При этом авторы статьи признают наличие проблемы размытости и собирательности понятия ЭБ, когда многочисленные публикации не вносят в него категоричной ясности и дополнительного семантического содержания [40,

с. 127]. К сожалению, в большом числе работ допускается прямое копирование и заимствования из других публикаций и исследований, что практически делает невозможным установление авторства.

С позиций анализа сущности понятия и основных характеристик критическое значение для приграничных регионов, по нашему мнению, имеет рассмотрение экономической безопасности как определенного состояния системы через сочетание (создание) условий и факторов, при котором обеспечивается защита от внутренних и внешних угроз, выполнение целей ее функционирования и изменения. Таким образом, специфика приграничных регионов (география, структура экономики, потенциал, ресурсы и др.) предопределяет, в соответствии с типологией Т. Ю. Серебрякова и Н. Ю. Тимофеевой [43, с. 239], необходимость применения двух подходов в исследовании экономической безопасности — философского и организационного. В равной степени это касается и рассмотрения триединства в экономической безопасности по С. А. Афонцеву [44, с. 16] с точки зрения *интересов, устойчивости и независимости*.

С одной стороны, влияние на приграничные регионы внутренних и внешних неблагоприятных воздействий имеет большую силу и последствия в сравнении с другими субъектами РФ. По этой причине значение приобретает состояние защищенности, когда отсутствуют или сведены к минимуму либо устранены внутренние и внешние угрозы социально-экономического и финансового потенциала региона [6]. С другой стороны, учитывая более высокую степень неопределенности и рискогенности среды приграничного региона, создающую опасность потери им устойчивости, для достижения такого состояния защищенности необходимы проактивность, а также адекватное и своевременное реагирование, создание определенных условий и факторов. Это соответствует организационному подходу к исследованию проблемы ЭБ.

В изучении категорий (предмета) экономической безопасности важная роль принадлежит внешнеэкономической доминанте, так как приграничные регионы в силу своего географического положения в большей степени зависят от трансграничных связей, качества и состояния межгосударственных отношений [45, с. 3]. В результате эти регионы обладают значительными возможностями встраивания в процессы международного разделения труда в масштабах мирового производства, формирования конкурентных преимуществ за счет расширения международного сотрудничества и поддержки различных интеграционных форм взаимодействия. Внешнеторговые операции в структуре хозяйственных отношений выделяются в качестве важных источников, составляющих воспроизводственные процессы в экономике региона. Однако при неблагоприятных условиях внешние факторы имеют и большее деструктивное воздействие на региональную экономику.

Приграничное положение региона и нередко связанная с этим его удаленность или оторванность (например, Калининградской области) от наиболее крупных индустриально-технологических, ресурсных и производственных центров РФ предъявляет особые требования к сбалансированному развитию таких территорий как с позиции обеспечения внутреннего роста и социально-экономического развития, так и с точки зрения обеспечения экономической безопасности страны в целом. При этом сбалансированность рассматривается нами с позиций достижения пропорций и как условие обеспечения воспроизводства. Сбалансированность региона как системная характеристика качественного состояния темпов и пропорций его экономического развития может быть обеспечена только посредством взаимодействия локальных форм (по факторам и результатам производства, фазам производственного цикла, см., например, [46, с. 35]).

Анализ содержания понятия «экономическая безопасность» относительно приграничных регионов позволяет выявить следующие наиболее важные критерии в оценке применимости существующих подходов к измерению их экономической безопасности.

1. Учет типов регионов и их специфики. Независимо от принятой типологии регионов обоснованным является выделение их особенностей в части возникновения и влияния различного класса угроз. Этот критерий представляется критически важным для приграничных регионов.

2. Наличие показателей для измерения угроз различного класса, в том числе внешнеэкономической компоненты при оценке влияния трансграничных связей, качества и состояния межгосударственных отношений на финансово-хозяйственную деятельность и показатели функционирования региона.

3. Оценка сбалансированности (дисбалансов), пропорциональности в изучении экономической безопасности для различных типов регионов (в частности, приграничных).

4. Научная проработанность аналитического инструментария для измерения экономической безопасности: порядок формирования перечня индикаторов, их пороговых значений (экономико-математические модели, экспертные оценки, сравнение статистических данных и т. д.), возможности оценки текущей ситуации и ее прогнозирования, сравнения с другими регионами.

5. Возможности измерения экономической безопасности региона с позиции выявления кризисных импульсов, продуцирующих возникновение угроз, а также оценки уровня «защиты» и слабостей региональной системы (рис. 2).

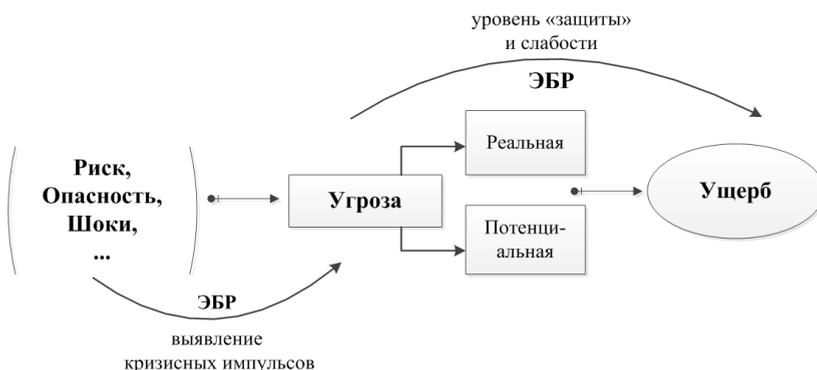

Рис. 2. Место экономической безопасности региона (ЭБР) в изменении состояния экономической системы

Источник: собственные разработки на основе [44].

Под «слабостями» авторами понимается состояние институтов, качество отдельных параметров и элементов региональной системы, а также факторы и условия, которые не позволяют обеспечить эффективную защиту. В результате существующие и возникающие реальные и потенциальные угрозы оказывают негативное влияние и создают неблагоприятные последствия для региона — потеря равновесия и дисбалансы, нарушение пропорциональности и др. В совокупности это выражается в ухудшении его макроэкономических показателей.

Для всех подходов можно выделить общие ограничения применения большинства методик при оценке экономической безопасности приграничных регионов (табл. 1). Во-первых, порядок отбора индикаторов не очевиден. Во-вторых, не ясны источники фиксирования «пороговых» значений индикаторов. В-третьих, универсальный характер методики и подходов не учитывает специфику регионов, в том числе приграничных.

Методы и модели оценки в измерении экономической безопасности

Подходы, методы, модели	Содержание	Ограничения использования в оценке приграничных регионов
Макроэкономический: Глазьев С. Ю. [50]; Уткин Э. А. и Денисов А. Ф. [51]; Новикова И. В. и Красников Н. И. [52]; Кормишкин Е. Д. [53]	Разработка системы индикаторов ЭБР с их по-роговыми значениями, измерение отклонений, в том числе на основе интегральной оценки (индекса)	Методы не учитывают особенности регионов различных ти-пов, отбор показателей (индикаторов) неочевиден, изме-рение параметров устойчивости системы не предусмотрено.
Экспертно-рейтинговой: Дюженкова Н. В. [54]; Волков С. П. [55]; Любушин Н. П., Козлова Е. Е., Черкасова О. Г. [56]	Ранжирование, рейтинговые, балльные и экс-пертные оценки, в том числе путем стандарти-зации, нормализации показателей и расчета ин-тегрального индекса	Соответствие критериям применимости: 2, 5
Экономико-статистический: Сенчагов В. К. [2; 4—6]; Митяков С. Н. [2; 4; 15; 16]; Долматов И. В. [57]; Филеткин О. С. [58]; Яшин С. Н., Пузов Е. Н. [59]; Никифорова И. В. [60]	Многомерный статистический анализ, методы корреляционно-регрессионного анализа, индек-сный метод, дисперсионный анализ	Группа подходов и методов неприменима к измерению па-раметров устойчивости системы, оценке кризисных импуль-сов, слабостей и защиты. Соответствие критериям применимости: 2, 4
Эконометрический (экономическая мате-матика): Карлов В. В. и Логинов К. К. [17]; Лапа-ев Д. Н. [15; 47]; Митяков Е. С. [16; 47]; Лагздин А. Ю. [61]; Карлов В. В., Кораб-лева А. А. [1; 14; 17]	Модели авторегрессии (ARIMA, ARMA), диффе-ренциальные исчисления, Фурье-анализ, адап-тивная фильтрация, фрактальный анализ и др.	Методы не учитывают особенности регионов различных ти-пов. Не проработаны подходы к фиксированию пороговых значений, сложности оценки слабостей и защиты. Соответствие критериям применимости: 2, 4, 5
Теоретико-игровые методы и исследование операций: Иваченко В. В., Шулькина Т. М., Бильчак М. В. [62]; Комелина О. В., Фурсова Н. А. [63]; Светульников С. Г. и Клебанова Т. С. [64]; Ни-китин В. В. [65]	Сетевое и аналитико-имитационное моделиро-вание, вычислимые модели общего равновесия (CGE-модели), элементы теории функций ком-плексных переменных	Сложность методики с точки зрения проведения измерений и сравнительного анализа по нескольким регионам (внутри од-ного типа), неоднозначны возможности последующего мони-торинга. Требования частой настройки и доводки моделей. Соответствие критериям применимости: 2, 4, 5
		Методы применимы преимущественно к измерениям на уровне одного региона при изучении его специфики. Удов-летворительные результаты в части измерения влияния и оценки последствий угроз, но требуют значительного объема вычислений. Соответствие критериям применимости: 1, 2, 3

<p>Нейросетевые и нечетко-множественные методы и модели: Лагуа О.В. [48]; Рогачев А.Ф. [66]; Борисов В.В., Круглов В.В., Федюлов А.С. [67]; Галушкин А.И. [68]</p>	<p>Нейросетевые модели оценки кризисности региона и угрозы с помощью математического аппарата нечеткой логики</p>	<p>Использование ограничено идентификацией и/или предсказанием близости наступления кризисных ситуаций (катастрофы). Подход требует дальнейшего развития для решения большего круга задач. Соответствие критериям применимости: 2, 4</p>
<p>Балансовый: Чувилова О.Н. и Романюта И.В. [69]; Янковская Е.С. [70]</p>	<p>Геоэкономический (геофинансовый) баланс. Дисбаланс экономических систем как угроза ЭБР. Оценка отдельных параметров ЭБР: продовольственной, энергетической, финансовой и т.д.</p>	<p>Методика измерения параметров устойчивости системы проработана недостаточно. Авторами подчеркивается, что для каждого типа дисбаланса требуется специальная методология. Соответствие критериям применимости: 2, 3, 5</p>
<p>Комплексный: Сенчагов В.К. [6]; Татаркин А.И. [9]; Третьяков Д.В. [41]; Кузнецов Д.А. и Руденко М.Н. [71]; Феофилова Т.Ю. [72]; Романченко Т.Д. [21]</p>	<p>Сочетание вышеуказанных методов, моделей и подходов на различных этапах агрегирования в комплексной оценке и измерении ЭБР</p>	<p>Имеют преимущественно универсальный характер, что не раскрывает сущности и особенности измерения ЭБР приграничных регионов. Соответствие критериям применимости: 2, 4, 5</p>

Примечания: 1 — тип региона, 2 — класс угроз (по источникам и/или типам), 3 — параметры устойчивости системы (сбалансированность, пропорциональность, равновесие), 4 — научная проработанность инструментария, 5 — оценка кризисных импульсов, слабостей и защиты.
Источник: разработки авторов с использованием [40; 41].

Недостатки рассмотренных подходов и методов измерения ЭБ приграничных регионов преодолеваются, по нашему мнению, в рамках проработки алгоритма измерения экономической безопасности.

Методические особенности измерения и оценки экономической безопасности приграничного региона

Опираясь на известные работы [10; 15; 47; 48 и др.] в рассмотрении алгоритма оценки региональной экономической безопасности, мы предлагаем его дополнить в части выделения групп (классов) угроз для отдельных типов регионов, их идентификации и обоснования на этой основе системы показателей оценки в составе общих, частных и специальных индикаторов (рис. 3).

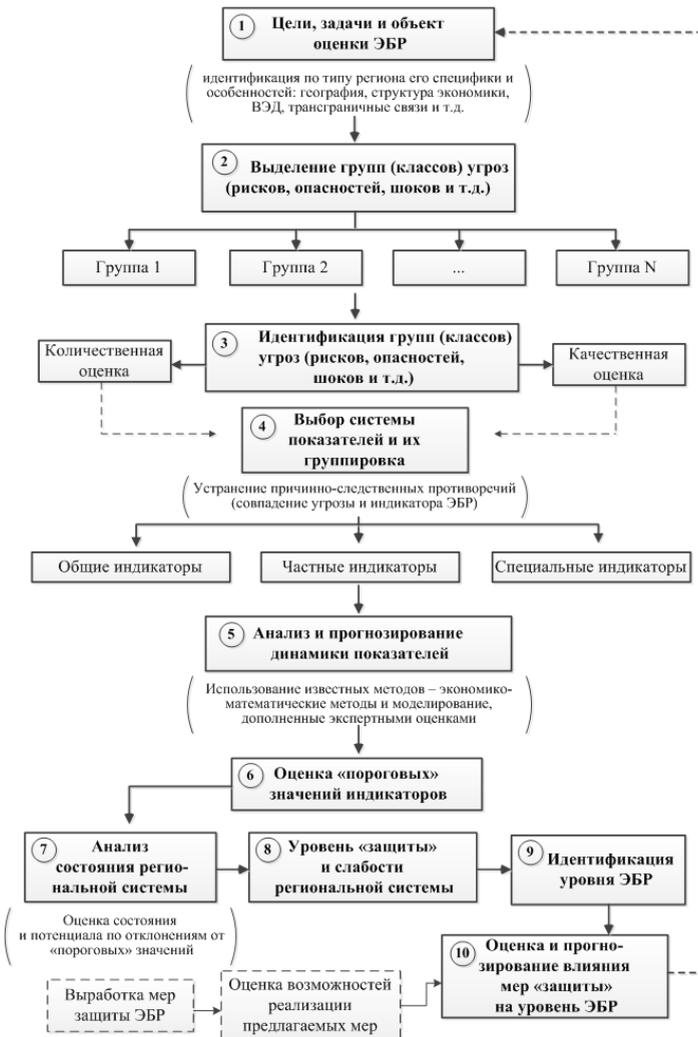

Рис. 3. Алгоритм оценки экономической безопасности регионов с учетом их типологии (на примере приграничных регионов)

Источник: собственные разработки авторов.

Общие индикаторы отражают уровень достижения главных целей и задач обеспечения защиты и экономической безопасности региона, соответствующих общенациональным интересам, то есть характеризуются единообразием формы и содержания для всех территорий и объектов оценки.

Частные индикаторы отражают специфику отдельных территорий (субъектов), исходя из выявленных групп (классов) угроз и проблем обеспечения экономической безопасности региона. Специальные индикаторы применяются в измерении защиты региона по составным компонентам ЭБ (социальной, продовольственной, транспортной, энергетической, финансовой и т. д.).

Определение границ пороговых значений индикаторов требует соответствующего обоснования посредством применения экономико-математического моделирования в сочетании с экспертными методами из-за наличия не только количественных, но и качественных оценок. Принципиальным является выделение этапа анализа и прогнозирования показателей, что позволяет оценить уровень защиты региональной экономической системы и ее слабостей по отклонениям от пороговых значений индикаторов в динамике. Располагая соответствующими данными, дополненными результатами экономико-математического моделирования развития региональной системы, предлагается проводить оценку и прогнозирование влияния планируемых и реализуемых мер защиты на уровень экономической безопасности. Наибольшее значение имеет последний этап алгоритма. На сегодняшний день подобные оценки не проводятся, а вопросы обеспечения ЭБР с точки зрения эффективности мер и их влияния на достижение целевых состояний остаются без ответа и соответствующего методического обеспечения.

В качестве подтверждения вышеизложенного предлагается рассмотреть пример применения экономико-математического моделирования в измерении влияния различного рода факторов и условий на экономическую безопасность региона, а также в оценке эффективности мер защиты. Анализ проведен с использованием экономико-математических методов на основе разработанных авторами секторальных моделей [3; 49] на примере регионального рынка молока и молочной продукции. Выбор объекта исследования продиктован следующими причинами. Во-первых, наличием репрезентативных сведений, исходных данных по молоку и молочной продукции, которые были получены при выборочном изучении цепочек создания стоимости в АПК Калининградской области. Во-вторых, проблема обеспечения молоком и молочными продуктами в регионе сохраняет свою актуальность с позиций продовольственной безопасности. В-третьих, продуктовые цепочки по молоку и молочной продукции [3] были идентифицированы наилучшим образом в связи с наличием более полной и релевантной информации об уровне координации деятельности участников в рамках технологических цепочек регионального АПК.

Исходные условия для оценки и моделирования представлены ниже. В качестве базовых рассматриваются изменения условий хозяйствования в Калининградской области в 2014—2016 годах в связи с ухудшением геополитической ситуации, действием санкций стран ЕС и США в отношении России и ее ответных мер.

1. Вид деятельности: производство молока и молочной продукции.
2. Угрозы и риски: волатильность валютной корзины; сокращение импорта сырья, комплектующих, изменение географии поставок.
3. Цель: оценка с позиций экономической безопасности эффективности мер по регулированию уровня локализации регионального производства (на примере сельскохозяйственных производителей). Базовый год — 2014-й.

4. Объект регулирования: доля импортных комплектующих (сырья, материалов и т.д.). Варианты расчетов для доли импортных комплектующих: 1) принимается на уровне базового года; 2) снижены на 50% к базовому году; 3) 0% к уровню базового года.

5. Во всех вариантах учитывается изменение курса валют по сравнению с условиями базового года. По данным Центрального банка РФ, средний номинальный курс евро к рублю составлял в 2014 году 50,46 руб., в 2015-м — 67,43 руб., в 2016-м — 74,06 руб.¹

Отдельные результаты апробации модели на примере рынка молока и молочной продукции приведены в таблице 2 и на рисунках 4 и 5.

Таблица 2

**Сравнительный анализ вариантов регулятивных мер
АПК Калининградской области с позиций обеспечения
экономической безопасности**

Показатель, %	Результаты моделирования		
	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 3
1. Снижение добавленной стоимости в цепочке при изменении курса валюты:			
добавленная стоимость при оптимальном уровне цен и объеме спроса	-10,29	-9,37	-8,54
добавленная стоимость при сценарных (фактических) ценах и объемах спроса	-12,84	-10,63	-8,65
2. Отношение сценарной (фактической) и оптимальной добавленной стоимости:			
без изменения курса валюты	81,12	81,42	81,82
после изменения курса валюты	78,82	80,29	81,82
3. Рост добавленной стоимости при снижении доли импортных комплектующих по сравнению с базовым годом			
Без изменения курса валюты:	100,00	100,63	101,70
сельскохозяйственные производители	100,00	100,80	102,15
переработчики	100,00	100,66	101,76
После изменения курса валюты:	100,00	103,18	106,59
сельскохозяйственные производители	100,00	104,04	108,37
переработчики	100,00	103,33	106,91

Источник: расчеты по методике авторов.

Снижение доли импорта на уровне сельскохозяйственных производителей (табл. 2) ведет к очевидно меньшему сокращению добавленной стоимости в цепочке по сравнению с базовым годом (по варианту 1 – 10,29%; по варианту 2 – 8,54%). При этом рост локализации при падении добавленной стоимости в результате изменения курса валют (вариант 1) обеспечивает ее последующее увеличение на 6,59% (вариант 3).

Во всех вариантах по сравнению с гарантированной величиной наблюдается рост добавленной стоимости (рис. 4) за счет того, что темпы изменения фактических цен на рынке оказались выше, чем затрат на приобретение ресурсов у внешних поставщиков.

¹ См.: Центральный банк РФ. URL: <https://www.cbr.ru/statistics> (дата обращения: 07.12.2017).

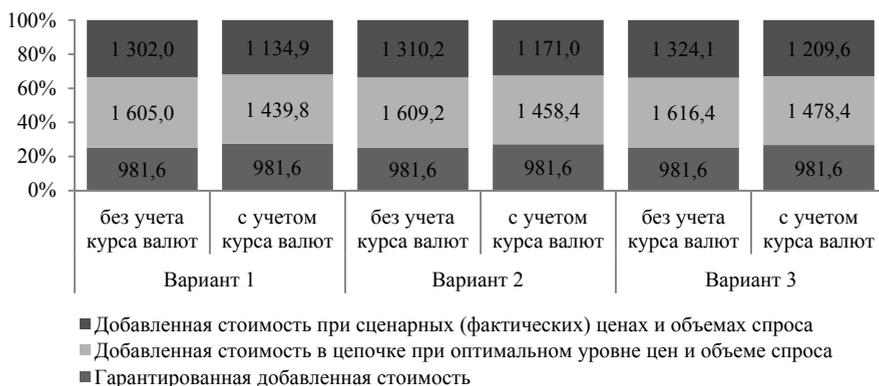

Рис. 4. Динамика добавленной стоимости в сопоставимых ценах в цепочке (на примере молока и молочной продукции), млн руб.

Источник: расчеты по методике авторов².

Следует отметить, что при изменении курса валют меры по обеспечению роста локализации производства не способны компенсировать сокращение добавленной стоимости. По варианту 3 сценарная (фактическая) стоимость достигает уровня 1 209,64 млн руб., в то время как без изменения курса валют и доли импорта она составила бы 1 301,98 млн руб. При полном отказе от импортных комплектующих (рис. 5), добавленная стоимость сельскохозяйственных производителей будет все же ниже, чем в базовом году — 566,4 против 614,09 млн руб.

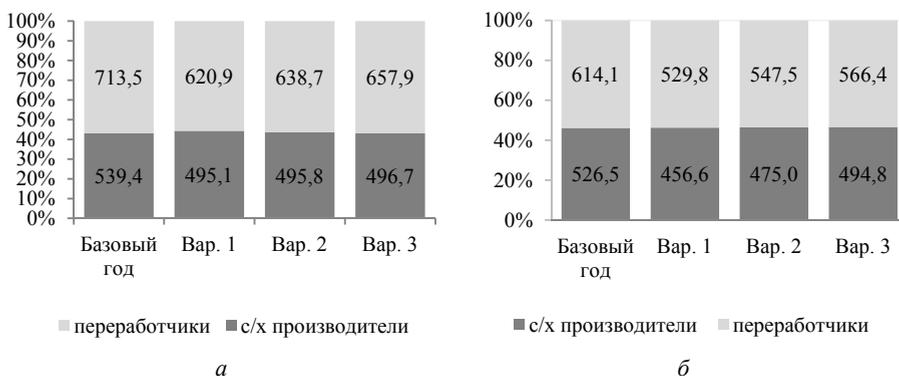

Рис. 5. Добавленная стоимость в сопоставимых ценах участников цепочки (на примере молока и молочной продукции), млн руб.:

а — добавленная стоимость в цепочке при оптимальном уровне цен и объеме спроса;
 б — добавленная стоимость при сценарных (фактических) ценах и объемах спроса

Источник: расчеты по методике авторов.

² Гарантированная добавленная стоимость — добавленная стоимость, полученная региональными сельскохозяйственными производителями или переработчиками в предшествующем (базовом) периоде.

В целом расчеты свидетельствуют о сокращении затрат сельскохозяйственных производителей и увеличении добавленной стоимости при условии роста локализации производства. Изменение курса валют оказывает негативное влияние на изменение добавленной стоимости (последняя становится ниже на 8—12%). С позиций обеспечения экономической безопасности Калининградской области очевидно, что даже при полном переходе на отечественные комплектующие оптимальный уровень добавленной стоимости как до, так и после изменения курса валют не достигается (остается ниже примерно на 18%).

Из этого следует, что требуются дополнительные механизмы: во-первых, сокращения импорта на уровне переработчиков; во-вторых, кооперации и сетевых взаимодействий на уровне цепи; в-третьих, применения специальных мер помимо локализации производства.

Моделирование ситуации в АПК в приведенном примере подтверждает необходимость учета региональной специфики и особенностей при измерении экономической безопасности и демонстрирует важность использования экономико-математических расчетов на различных этапах алгоритма ее оценки.

Заключение

При рассмотрении методических проблем применения известных методов и моделей измерения экономической безопасности приграничных регионов потребовалось решение одной из наиболее актуальных задач. Это определение содержания экономической безопасности приграничного региона, выявление основных условий и факторов, значимых принципов, критериев оценки и измерения ЭБ. В совокупности указанные вопросы составляют основу для дальнейшего развития методологии экономической безопасности приграничного региона.

Опираясь на известные теоретические и практические работы в области экономической безопасности региона, а также проведенное исследование теории и практики измерения ЭБ регионов России, мы разработали предложения по совершенствованию алгоритма оценки и измерения экономической безопасности применительно к приграничным регионам. Критическое значение приобретают следующие требования:

- 1) учет типов регионов и их специфики;
- 2) измерение различного класса угроз, в том числе внешнеэкономической компоненты;
- 3) оценка сбалансированности и пропорциональности;
- 4) обеспечение научной проработанности инструментария;
- 5) выявление кризисных импульсов, продуцирующих возникновение угроз, а также оценка уровня защиты и слабостей региональной системы.

Обзор теоретических вопросов и методических проблем измерения и оценки экономической безопасности применительно к приграничным регионам требует приоритизации задач в части их решения. По результатам проведенного исследования могут быть даны теоретические и практические рекомендации в рамках комплексного подхода к измерению экономической безопасности приграничных регионов. Авторами выделены следующие наиболее значимые теоретико-методологические положения.

1. Уточнение содержания понятия «экономическая безопасность приграничного региона» и состава ее функциональных компонентов применительно

к приграничным регионам с учетом синтеза теоретических основ оценки ЭБ. Например, рассматривать системный, ситуационный, процессный, ресурсный (инвестиционный), кластерный и циклический подходы [18, с. 242—243].

2. Классификация и типология показателей экономической безопасности с учетом особенностей регионов. Выделение в составе экономической безопасности приграничных регионов элементов, составляющих ее сущность и подлежащих оценке и измерению. Выполнение требования сопоставимости результатов и их достаточности для оценки обеспечения экономической безопасности приграничных регионов в условиях геополитической турбулентности.

3. Анализ применимости различных моделей, методов и инструментов к оценке и измерению экономической безопасности в отношении приграничных регионов. Разработка методических основ и комплексного подхода к оценке и измерению экономической безопасности приграничных регионов (апробация на примере Санкт-Петербурга, Севастополя, Ленинградской, Калининградской, Смоленской, Ростовской областей и Республики Крым).

4. Формирование принципиальной модели экономической безопасности региона для целей оценки влияния изменения геополитических, геоэкономических, геоэкологических и иных факторов на ЭБР.

5. Апробация принципиальной модели экономической безопасности на примере регионов Западного порубежья Российской Федерации (Санкт-Петербург, Севастополь, Ленинградская, Калининградская, Смоленская, Ростовская, Мурманская, Псковская, Брянская, Курская и Воронежская области, Республика Крым и Республика Карелия).

В качестве основных ограничений исследования рассматривается наличие большого числа количественных и качественных параметров, по которым затруднено формирование репрезентативных баз данных, и отсутствие необходимых данных официальной статистики. Кроме того, выделяется необходимость разработки комплекса экономико-математических моделей, требующих идентификации и настройки под конкретную региональную экономическую систему. Отдельного внимания заслуживают вопросы расширения практики использования экономико-математических методов и моделей, в частности при оценке влияния на изменение параметров экономической безопасности различных факторов, а также разрабатываемых мер управляющего и регулятивного воздействия.

Учитывая актуальность изложенных вопросов, приведенные результаты исследования и предложения авторы планируют использовать в дальнейшем при разработке принципиальной модели экономической безопасности отдельных регионов Западного порубежья Российской Федерации и ее апробации.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного порубежья России в условиях геополитической турбулентности»).

Список литературы

1. *Теория* и практика оценки экономической безопасности (на примере регионов Сибирского федерального округа) / под общ. ред. В.В. Карпова, А.А. Кораблевой. Новосибирск, 2017.

2. *Сенчагов В.К., Максимов Ю.М., Митяков С.Н., Митякова О.И.* Инновационные преобразования как императив экономической безопасности регионов: система индикаторов // *Инновации*. 2011. №5 (151). С. 56—61.

3. Волошенко К.Ю., Пономарев А.К. Внедрение в практику регионального управления секторальных моделей: оценка влияния управляющих воздействий на экономику // Балтийский регион. 2017. №9 (4). С. 93—113.
4. Сенчагов В.К., Митяков С.Н. Использование индексного метода для оценки уровня экономической безопасности // Вестник академии экономической безопасности МВД России. 2011. №5. С. 41—50.
5. Сенчагов В. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. 1995. №1. С. 97—106.
6. Экономическая безопасность регионов России : монография / под ред. В.К. Сенчагова. Н. Новгород, 2012.
7. Стратегия экономической безопасности при разработке индикативных планов социально-экономического развития на долгосрочную и среднесрочную перспективу : монография / под ред. В.И. Павлова. М., 2009.
8. Качество жизни и экономическая безопасность России / под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина. Екатеринбург, 2009.
9. Комплексная методика диагностики экономической безопасности территориальных образований РФ. Ч. 1, 2 / А.И. Татаркин [и др.]. Екатеринбург, 2001.
10. Татаркин А.И., Куклин А.А. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона. 2012. №2. С. 25—39.
11. Экономическая безопасность региона: единство теории, методологии исследования и практики / А.И. Татаркин, А.А. Куклин, О.А. Романова [и др.]. Екатеринбург, 1997.
12. Казанцев С.В. Защищенность экономики регионов России. Новосибирск, 2014.
13. Казанцев С.В. Методика и инструментарий оценки безопасности на национальном и региональном уровнях // Мир новой экономики. 2017. Т. 11, №2. С. 6—12.
14. Угрозы и защищенность экономики России: опыт оценки / отв. ред. С.В. Казанцев, В.В. Карпов. Новосибирск, 2016.
15. Лапаев Д.Н., Митяков С.Н., Митякова О.И. Актуальные проблемы экономической безопасности Нижегородской области // Фундаментальные исследования. 2016. №9—2. С. 368—372.
16. Митяков С.Н., Митяков Е.С., Романова Н.А. Экономическая безопасность регионов Приволжского федерального округа // Экономика региона. 2013. №3. С. 81—91.
17. Карпов В.В., Логинов К.К., Лагздин А.Ю. Анализ экономической безопасности региона на примере Омской области // Вестник Омского университета. Сер.: Экономика. 2016. №4. С. 170—180.
18. Константинов А.В., Колесниченко Е.А., Якунина И.Н., Мотин И.Д. Критерии и методы мониторинга угроз экономической безопасности в секторах экономики в условиях трансформации внешних детерминантов // Лесотехнический журнал. 2016. №4. С. 240—249.
19. Тамбовцев В.Л. Экономическая безопасность хозяйственных систем: структура, проблемы // Вестник МГУ. Сер. 6: Экономика. 1995. №3. С. 3—9.
20. Кротов М.И., Мунтиян В.И. Экономическая безопасность России: системный подход. СПб., 2016.
21. Ромащенко Т.Д. Экономическая безопасность национального хозяйства: теория, методология, формирование в России : монография / Т.Д. Ромащенко, Воронеж, 2003.
22. Godland R., Daly H., El Serafy S. Environmental Sustainable Economic Development. Building on Brundtland. Washington DC, 1991.
23. Cable V. What Is International Economic Security? // Intern. Affairs. 1995. Vol. 71, №3 (Apr.). P. 305—324.
24. Posen A., Tarullo D.K. Report of the Working Group on Economics and National Security. Princeton Project on National Security, 2005. URL: <http://www.princeton.edu/~ppns/conferences/reports/fall/ENS.pdf> (дата обращения: 10.05.2018).
25. Economic Security: Neglected Dimension of National Security? / ed. S.R. Ronis. Washington, DC, 2011.
26. Economic Strategy and National Security / ed. P.J. De Souza. Boulder, 2000.
27. Economic Strategy and National Security: A Next Generation Approach / ed. P.J. De Souza. N. Y., 2000.

28. *Romm J.J.* Defining National Security. The Nonmilitary Aspects. N. Y., 1993.
29. *Westing A.H.* From Environmental to Comprehensive Security // SpringerBriefs on Pioneers in Science and Practice. Series: Texts and Protocols. Springer, 2013. P. 153.
30. *Economics and National Security: A History of Their Interaction* / ed. C.D. Goodwin. Durnham, 1991.
31. *Nesadurai H.* Conceptualizing Economic Security in an Era of Globalization: What Does the East Asian Experience Reveal? CSGR. 2005. Working Paper №157/05. URL: <http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/csgr/research/workingpapers/2005/wp15705.pdf> (дата обращения: 13.05.2018).
32. *Nanto D.K.* Economics and National Security: Issues and Implications for U.S. Policy. Congressional Research Service. 2011. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R41589.pdf> (дата обращения: 13.05.2018).
33. *Kahler M.* Economic security in an era of globalization: definition and provision // The Pacific Review. 2006. №17, iss. 4. P. 485—502.
34. *Geeraerts G., Weiping H.* The Economic Security Dimension of the EU-China Relationship: Puzzles and Prospects // E.J. Kirchner, T. Christiansen, H. Dorussen (eds.). Security Relations between China and the European Union: From Convergence to Cooperation? Cambridge, 2016. P. 187—208.
35. *Li M.* Research on Industrial Security Theory. Berlin ; Heidelberg, 2013.
36. *Lee C.* The Asian Turbulence: A Case Study in Economic Security // L. Chyungly (eds.). Asia — Europe Cooperation after the 1997—98 Asian Turbulence. Aldershot, 2000. P. 33—54.
37. *Jiang Yong* Economic Security: Redressing Imbalance // China Scurity. 2008. Vol. 3, №2. P. 66—85.
38. *Фомин А.* Экономическая безопасность государства // Международные процессы. 2010. Т. 8, №3 (24). С. 118—233.
39. *Орлова А.В.* Эволюция понятия «экономическая безопасность» // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Экономика. Информатика. 2012. №19 (138), вып. 24/1. С. 93—97.
40. *Грачев А.В., Левченко Л.В.* Классификация подходов к определению экономической безопасности государства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. №4 (60). С. 126—129.
41. *Третьяков Д.В.* О совершенствовании методики оценки экономической безопасности региона (на примере Тамбовской области) // Социально-экономические явления и процессы. 2011. №10 (032). С. 186—189.
42. *Формирование* каркаса экономической безопасности в аспекте обеспечения устойчивого развития региона / науч. ред. В.П. Чичканов, А.А. Куклин. Екатеринбург, 2017.
43. *Серебрякова Т.Ю., Тимофеева Н.Ю.* Экономическая безопасность и угрозы: сущность и подходы к определению // Вестник НГУЭУ. 2013. №3. С. 237—246.
44. *Афонцев С.А.* Проблемы экономической безопасности России в контексте рыночной трансформации // Социально-экономическая трансформация в России / под ред. Е.А. Киселевой. М., 2001. (Научные доклады, 131). С. 15—42.
45. *Котилко В.В., Немирова Г.И., Пашенных Ф.С.* Конкурентоспособность и экономическая безопасность приграничных регионов: реалии и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. №46 (235). С. 2—7.
46. *Мякишин В.Н., Песьякова Т.Н., Мякишина Р.В.* Сбалансированность и пропорциональность социально-экономического развития региона как реализация регулирующей функции управления // Региональная экономика: теория и практика. 2015. №22 (397). С. 31—41.
47. *Лапаев Д.Н., Митяков Е.С.* Методика многокритериальной оценки экономической безопасности регионов России (на примере Приволжского федерального округа) // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2013. №4. С. 141—144.
48. *Латута О.В., Силкина Г.Ю.* Научно-методические предпосылки математического моделирования экономической безопасности региона // Вестник Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2005. Вып. 5. С. 50—55.

49. *Солдатова С.Э., Волощенко К.Ю.* Идентификация и моделирование участия предприятий регионального АПК в цепочках создания стоимости // *Управленческое консультирование*. 2016. № 10. С. 83—92.
50. *Глазьев С.Ю.* Основа обеспечения экономической безопасности страны: альтернативный реформационный курс // *Российский экономический журнал*. 1997. № 1. С. 3—19.
51. *Уткин Э.А., Денисов А.Ф.* Государственное и региональное управление М., 2002.
52. *Новикова И.В., Красников Н.И.* Индикаторы экономической безопасности региона // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 330. С. 132—138.
53. *Кормишкин Е.Д.* Экономическая безопасность региона: теория, методология, практика : монография. Саранск, 2002.
54. *Дюженкова Н.В.* Современные подходы к формированию региональной системы управления экономической безопасностью : монография. М., 2003.
55. *Волков С.П.* Особенности обеспечения экономической безопасности отрасли национальной экономики // *Корпоративные финансы*. Библиотека. URL: https://www.cfin.ru/bandurin/article/sbrn05/04.shtml?ck_url=1 (дата обращения: 13.05.2018).
56. *Любушин Н.П., Козлова Е.Е., Черкасова О.Г.* Экономический анализ уровня конкурентоспособности региона с использованием показателей экономической безопасности // *Экономический анализ: теория и практика*. 2012. № 23 (278). С. 2—13.
57. *Долматов И.В.* Региональные аспекты обеспечения экономической безопасности // *Аудит и финансовый анализ*. 2007. № 1. С. 26—41.
58. *Филеткин О.С.* Разработки системы мониторинга экономической безопасности региона. URL: http://www.rusnauka.com/ONG/Economics/13_filetkin%20o.s.doc.htm (дата обращения: 19.04.2018).
59. *Яшин С.Н., Пузов Е.Н.* Концептуальные вопросы оценки экономической безопасности регионов // *Финансы и кредит*. 2006. № 1 (205). С. 15—19.
60. *Никифорова И.В.* Применение моделирования в обеспечении продовольственной безопасности // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 3. С. 59—64.
61. *Лагздин А.Ю.* Применение математических алгоритмов прогнозирования оценки экономической безопасности региона // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2016. № 6 (68). С. 123—131.
62. *Ивченко В.В., Шулькина Т.М., Бильчак М.В.* Сетевое моделирование организации экономической безопасности приморских регионов // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. 2011. Вып. 9. С. 143—146.
63. *Комелина О.В., Фурсова Н.А.* Информационно-аналитический аспект обеспечения экономической безопасности: национальный и региональный уровень // *Научные ведомости Белгородского государственного университета*. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15 (158), вып. 27/1. С. 32—37.
64. *Светуньков С.Г., Светуньков И.С., Кизим Н.А., Клебанова Т.С.* Прогнозирование социально-экономического развития регионов с помощью моделей комплексно-значимой экономики // *Проблемы экономики*. 2011. № 2. С. 83—90.
65. *Никитин В.В., Назаров А.А.* Безопасность региональных социально-экономических систем и ее оценка средствами имитационного моделирования // *Вестник Чувашского университета*. 2010. № 4. С. 395—399.
66. *Розачев А.Ф., Федорова Я.В.* Нечеткое моделирование эколого-экономических систем // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14580> (дата обращения: 17.04.2018).
67. *Борисов В.В., Круглов В.В., Федулов А.С.* Нечеткие модели и сети. 2-е изд., стереотип. М., 2012.
68. *Галушкин А.И.* Теория нейронных сетей. Кн. 1 : учеб. пособие для вузов / общ. ред. А.И. Галушкина. М., 2000.
69. *Чувилова О.Н., Романюта И.В.* Методика и оценка геоэкономической безопасности регионов : монография. М., 2014.
70. *Янковская Е.С.* Теория макроэкономического равновесия и экономические дисбалансы // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2013. Т. 19, № 2. С. 84—90.

71. Кузнецов Д. А., Руденко М. Н. Система индикаторов оценки экономической безопасности страны // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 23 (308). С. 59—68.

72. Феофилова Т. Ю. Модель управления экономической безопасностью региона // Науковедение. 2014. Вып. 6 (25). URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/126EVN614.pdf> (дата обращения: 13.05.2018).

Об авторах

Елена Витальевна Волошенко, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, природопользования и пространственного развития Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: EVoloshenko@kantiana.ru

Ксения Юрьевна Волошенко, кандидат экономических наук, директор Центра моделирования социально-экономического развития региона, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

Для цитирования:

Волошенко Е. В., Волошенко К. Ю. Оценка и измерение экономической безопасности приграничных регионов России: теория и практика // Балтийский регион. 2018. Т. 10, № 3. С. 96—118. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-6.

EVALUATING AND MEASURING THE SECURITY OF RUSSIA'S BORDER REGIONS: THEORY AND PRACTICE

E. V. Voloshenko¹

K. Yu. Voloshenko¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University,
14 A. Nevski St., Kaliningrad, 236016, Russia

Submitted on May 15, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-6

The economic security of Russia's regions has been the focus of numerous studies. Significant contributions have been made to relevant methodological approaches and measurement tools. However, economic security has been little studied in the context of border regions. In this article, we address the methodological problems of employing existing methods and models for measuring the economic security of border regions. We pay special attention to the development of an evaluation algorithm incorporating the border regions' characteristics, the identification of groups (classes), a set of universal, specific, and special indicators as well as the impact of protective measures on economic security. To justify our proposals, we analyse the economic security of the Kaliningrad region; it is a study based on an evaluation of protective measures in the regional agricultural industry and of the effect of different

factors on the generation of value added in the sector. We emphasise the need to take into account regional conditions when assessing economic security and to introduce economic and mathematical calculations into the relevant measurement algorithm at its different stages. We use our findings in providing a rationale for the central principles and procedures for creating a comprehensive model of the economic security of Russia's western border regions.

Keywords: economic security, border region, types, measures, evaluation methods, sectoral model, Kaliningrad region

References

1. Karpov, V. V., Korableva, A. A. (ed.) 2017, *Teoriya i praktika ocenki ekonomicheskoy bezopasnosti (na primere regionov Sibirskogo federal'nogo okruga)* [Theory and Practice for Assessing the Economic Security (On the Example of the Regions of the Siberian Federal District)], Novosibirsk, 146 p. (in Russ.).
2. Senchagov, V. K., Maksimov, Yu. M., Mitjakov, S. N., Mitjakova, O. I. 2011, Innovative Transformations as an Imperative of Economic Security of the Region: The System of Indicators, *Innovation*, no. 5, p. 56—61 (in Russ.).
3. Voloshenko, K. Yu., Ponomarev, A. K. 2017, Introducing Sectoral Models into Regional Management: An Assessment of Regulatory Impacts on the Economy, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 4, p. 72—86. doi: 10.5922/2079-8555-2017-4-5.
4. Senchagov, V. K., Mityakov, S. N. 2011, Use of an Index Method for an Assessment of Level of Economic Security, *Vestnik akademii ekonomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii* [Vestnik of Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia], no. 5, p. 41—50 (in Russ.).
5. Senchagov, V. 1995, The Essence and Basis of the Economic Security Strategy of Russia, *Voprosy ekonomiki*, no. 1, p. 97—106 (in Russ.).
6. Senchagov, V. K. (ed.) 2012, *Ekonomicheskaya bezopasnost' regionov Rossii: monografiya* [The Economic Security of Russia's regions], Nizhnij Novgorod, 253 p. (in Russ.).
7. Pavlov, V. I. (ed.) 2009, *Strategiya jekonomicheskoy bezopasnosti pri razrabotke indikativnyh planov social'no-jekonomicheskogo razvitiya na dolgo- i srednesrochnuju perspektivu: monografija* [The Strategy of Economic Security in the Development of Indicative Plans for Socio-economic Development for the Long and Medium Term: Monograph], Moscow, 232 p. (in Russ.).
8. Chereshevnev, V. A., Tatarin, A. I. (ed.) 2009, *Kachestvo zhizni i ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii* [Quality of Life and Economic Security of Russia], Ekaterinburg, 1184 p. (in Russ.).
9. Tatarin, A. I. (ed.) 2001, *Kompleksnaya metodika diagnostiki ekonomicheskoy bezopasnosti territorial'nyh obrazovanij RF: Ch. 1, 2. Metodicheskie polozeniya diagnostiki ekonomicheskoy bezopasnosti territorij regional'nogo urovnya. Porogovyie urovni indikatorov ekonomicheskoy bezopasnosti territorij regional'nogo urovnya* [A Comprehensive Method of Diagnosing Economic Security of the Territorial Entities of the Russian Federation: Parts 1 and 2. Guidelines of Diagnosing Economic Security of the Territories at the Regional Level. Threshold Levels of Indicators of Economic Security Areas at the Regional Level], Ekaterinburg (in Russ.).
10. Tatarin, A. I., Kuklin, A. A. 2012, *Izmenenie paradigmy issledovanij jekonomicheskoy bezopasnosti regiona* [The Paradigm Shift in the Region's Economic Security Research], *Economy of the region*, no. 2, p. 25—39.
11. Tatarin, A. I., Kuklin, A. A., Romanova, O. A. 1997, *Jekonomicheskaja bezopasnost' regiona: edinstvo teorii, metodologii issledovanija i praktiki* [Economic Security of the Region: Unity of Theory, Research Methodology and Practice], Ekaterinburg, 237 p. (in Russ.).
12. Kazantsev, S. V. 2014, *Zashchishchennost' ekonomiki regionov Rossii* [Protection of Economy of Russia's Regions], Novosibirsk, 180 p. (in Russ.).
13. Kazantsev, S. V. 2017, Procedure and Tools for Assessing Security at the National and Regional Levels, *Mir novej ekonomiki* [The World of New Economy], Vol. 11, no. 2, p. 6—12 (in Russ.).

14. Kazantsev, S. V., Karpov, V. V. (ed.) 2016, *Ugrozy i zashchishchyonnost' ekonomiki Rossii: opyt ocenki* [Threats and Security of the Russian Economy: The Experience of Evaluation], Novosibirsk (in Russ.).
15. Lapaev, D. N., Mityakov, S. N., Mityakova, O. I. 2016, Actual Problems of Nizhni Novgorod Region Economic Security, *Fundamentalnyie issledovaniya* [Fundamental Research], no. 9, p. 368—372 (in Russ.).
16. Mityakov, S. N., Mityakov, E. S., Romanova, N. A. 2013, The Economic Security of the Volga Federal District Regions, *Economy of Region*, no. 3, p. 82—91.
17. Karpov, V. V., Loginov, K. K., Lagzdin, A. Yu. 2016, Analysis of Economic Security of the Region on the Example of Omsk region, *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [Herald of Omsk University. Series "Economics"], no. 4, p. 170—180 (in Russ.).
18. Konstantinov, A. V., Kolesnichenko, E. A., Yakunina, I. N., Motin, I. D. 2016, Criteria and Methods for Monitoring Threats to Economic Security in the Economy Sectors in the Conditions of External Determinants Transformation, *Lesotekhnicheskij zhurnal* [Forestry Engineering Journal], no. 4, p. 240—249 (in Russ.).
19. Tambovtsev, V. L. 1995, Economic Security of Economic Systems: Structure, Problems, *Vestnik MGU, Seriya 6 «Ekonomika»* [Moscow University Economics Bulletin. Series "Economics"], no. 3, p. 3—9 (in Russ.).
20. Krotov, M. I., Muntiyani, V. I. 2016, *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: Sistemnyi podkhod* [Economic Security of Russia: System approach], Saint Petersburg, 336 p. (in Russ.).
21. Romashchenko, T. D. 2003, *Ekonomicheskaya bezopasnost' nacional'nogo hozyajstva: Teoriya, metodologiya, formirovanie v Rossii: monografiya* [Economic Security of the National Economy: Theory, Methodology, Formation in Russia: Monograph], Voronezh, 216 p. (in Russ.).
22. Godland, R., Daly, H., El Serafy, S. 1991, *Environmental Sustainable Economic Development, Building on Brundtland*, Washington DC, 90 p.
23. Cable, V. 1995, What Is International Economic Security? *Intern. Affairs*, Vol. 71, no. 3, Apr., p. 305—324.
24. Posen, A., Tarullo, D. K. 2005, Report of the Working Group on Economics and National Security, Princeton Project on National Security, available at: <http://www.princeton.edu/~ppns/conferences/reports/fall/ENS.pdf> (accessed 10.05.2018).
25. Ronis, S. R. (ed.) 2011, *Economic Security: Neglected Dimension of National Security? Washington*, DC, 116 p.
26. De Souza, P. J. (ed.) 2000, *Economic Strategy and National Security*, Boulder, 252 p.
27. De Souza, P. J. (ed.) 2000, *Economic Strategy and National Security: A Next Generation Approach*, New York, 402 p.
28. Romm, J. J. 1993, *Defining National Security. The Nonmilitary Aspects*, New York, 122 p.
29. Westing, A. H. 2013, *From Environmental to Comprehensive Security. Springer Briefs on Pioneers in Science and Practice. Series: Texts and Protocols*, Springer, 153 p.
30. Goodwin C. D. (ed.) 1991, *Economics and National Security: A History of Their Interaction*, Durnham, 217 p.
31. Nesadurai, H. 2005, Conceptualizing Economic Security in an Era of Globalization: What Does the East Asian Experience Reveal? *CSGR. Working Paper*, no. 157/05, available at: <http://www2.warwick.ac.uk/fac/soc/csgtr/research/workingpapers/2005/wp15705.pdf> (accessed 13.05.2018)
32. Nanto, D. K. 2011, Economics and National Security: Issues and Implications for U. S. Policy, *Congressional Research Service*, available at: <https://www.fas.org/sgp/crs/natsec/R41589.pdf> (accessed 13.05.2018).
33. Kahler, M. 2006, Economic Security in an Era of Globalization: Definition and Provision, *The Pacific Review*, Vol. 17, no. 4, p. 485—502.
34. Geeraerts, G., Weiping, H. 2016, The Economic Security Dimension of the EU-China Relationship: Puzzles and Prospects. In: Kirchner, E. J., Christiansen, T., Dorussen, H. (eds.) *Security Relations between China and the European Union: From Convergence to Cooperation?* Cambridge, p. 187—208.

35. Li, M. 2013, *Research on Industrial Security Theory*, Springer, Berlin, Heidelberg, 443 p.
36. Lee, C. 2000, The Asian Turbulence: A Case Study in Economic Security. In: Chyungly, L. (ed.) *Asia -Europe Cooperation after the 1997—98 Asian Turbulence*, Aldershot, p. 33—54.
37. Jiang, Y. 2008, Economic Security: Redressing Imbalance, *China Security*, Vol. 3, no 2. p. 66—85.
38. Fomin, A. 2010, The Economic Security of the State, *Mezhdunarodnyye protsessy* [International Trends], Vol. 8, no. 3 (24), p. 118—233 (in Russ.).
39. Orlova, A. V. 2012, Theoretical principles of economic security, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University Scientific Bulletin], no. 19 (138), p. 93—97 (in Russ.).
40. Grachev, A. V., Levchenko, L. V. 2013, Classification of Approaches to Economic Security of the State, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia], no. 4 (60), p. 126—129 (in Russ.).
41. Tret'yakov, D. V. 2011, [About Improvement of the Assessment Technique of the Economic Safety of Region (On the Example of the Tambov region, *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i process* [Social and Economic Phenomena and Processes], no. 10 (032), p. 186—189 (in Russ.).
42. Chichkanov, V. P., Kuklin, A. A. 2017 *Formirovanie karkasa ekonomicheskoy bezopasnosti v aspekte obespecheniya ustojchivogo razvitiya regiona* [Forming the Framework of Economic Security in the Aspect of Sustainable Development of the Region], Ekaterinburg, 432 p. (in Russ.).
43. Serebryakova, T. Yu., Timofeeva, N. Yu. 2013, Economic Security and Threats: the Nature and Approaches to the Definition, *Vestnik NSUEM*, no 3. p. 237—246 (in Russ.).
44. Afontsev, S. A. 2001, Problems of Economic Security of Russia in the Context of Market Transformation, *Social'no-ekonomicheskaya transformaciya v Rossii*, no. 131, p. 15—42 (in Russ.).
45. Kotilko, V. V., Nemirova, G. I., Pashennyh, F. S. 2013, Competitiveness and Economic Safety of Near-Border Regions: Realities AND Perspectives, *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], no. 46 (235), p. 2—7 (in Russ.).
46. Myakshin, V. N., Pes'yakova, T. N., Myakshina, R. V. 2015, Balance and Proportionality of the Socio-Economic Development of the Region as the Regulatory Function of Management, *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], no. 22 (397). p. 31—41 (in Russ.).
47. Lapaev, D. N., Mityakov, E. S. 2013, Methods of Multicriterion Evaluation of Regional Economic Security of Russia (Case of the Volga Federal District), *Ekonomika, statistika i informatika. Vestnyk UMO* [Economics, Statistics, Computer Science. Bulletin of EMA], no. 4, p. 141—144 (in Russ.).
48. Latuta, O. V., Silkina, G. Yu. 2005 Scientific and Methodological Prerequisites for the Mathematical Modeling of Regional Economic Security, *Vestnik Komsomol'skogo-na-Amure gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of Komsomolsk-on-Amur State Technical University], no. 5, p. 50—55 (in Russ.).
49. Soldatova, S. E., Voloshenko, K. Yu. 2016, Identifying and Modeling the Participation of Regional Agro-Industrial Sector Producers in Value Chains, *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Administrative Consulting], no. 10, p. 83—92 (in Russ.).
50. Glaz'ev, S. Yu. 1997, The Basis of Ensuring the Economic Security of the Country — Alternative Course of Reformation, *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal* [Russian Economic Journal], no. 1, p. 3—19 (in Russ.).
51. Utkin, E. A., Denisov, A. F. 2002, *Gosudarstvennoe i regional'noe upravlenie* [State and Regional Management], Moscow, 320 p. (in Russ.).
52. Novikova, I. V., Krasnikov, N. I. 2010, Indicators of Economic Security of the Region, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], no. 330, p. 132—138 (in Russ.).

53. Kormishkin, E.D. 2002, *Ekonomicheskaya bezopasnost' regiona: teoriya, metodologiya, praktika: monografiya* [Economic Security of the Region: Theory, Methodology, Practice: Monograph], Saransk, 140 p. (in Russ.).
54. Dyuzhenkova, N.V. 2003, *Sovremennye podhody k formirovaniyu regional'noj sistemy upravleniya ekonomicheskoy bezopasnost'yu* [Actual Approaches to Creation of the Regional System to Manage the Economic Security], Moscow, 171 p. (in Russ.).
55. Volkov, S.P. 2008, Features Of Ensuring Economic Safety for a Branch of the National Economy, *Korporativnyye finansy. Biblioteka* [Corporate Finance. Library], available at: https://www.cfin.ru/bandurin/article/sbrn05/04.shtml?ck_url=1 (accessed 13.05.2018) (in Russ.).
56. Lyubushin, N.P., Kozlova, E.E., Cherkasova, O.G. 2012, The Economic Analysis of the Competitiveness of the Region, Using Indicators of Economic Security, *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika* [Economic Analysis: Theory And Practice], no. 23 (278), p. 2—13. (in Russ.).
57. Dolmatov, I.V. 2007, Regional Aspects of Security of Economic Safety, *Audit i finansovyy analiz* [Audit and Financial Analysis], no. 1, p. 26—41 (in Russ.).
58. Filetkin, O.S. Development of the System for Monitoring of Economic Security of the Region, available at: http://www.rusnauka.com/ONG/Economics/13_filetkin%20o.s.doc.htm (accessed 19.04.2018) (in Russ.).
59. Yashin, S.N., Puzov, E.N. 2006, Conceptual Issues of Assessing the Economic Security of the Region, *Finansy i kredit* [Finance and Credit], no. 1 (205), p. 15—19 (in Russ.).
60. Nikiforova, I.V. 2010, Application of Modeling for Food Security, *IKBFU's Vestnik: Humanities and social science*, no. 3, p. 59—64 (in Russ.).
61. Lagzdin, A. Ju. 2016, Application of Mathematical Algorithms for Forecasting the Assessment of Economic Security in the Region, *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Journal of the Ural State University of Economics], no. 6 (68), p. 123—131 (in Russ.).
62. Ivchenko, V.V., Shul'kina, T.M., Bil'chak, M.V. 2011, Network Modeling the Organization of Economic Security of the Coastal Regions, *IKBFU's Vestnik: Humanities and social science*, no. 9, p. 143—146 (in Russ.).
63. Komelina, O.V., Fursova, N.A. 2013, Information and Analytical Aspect of Economic Security: National and Regional Level, *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University Scientific Bulletin. "History, Political Science, Economics, Information Technologies" Series], no. 15 (158), p. 32—37 (in Russ.).
64. Svetun'kov, S.G., Svetun'kov, I.S., Kizim, N.A., Klebanova, T.S. 2011, Forecasting of SocioEconomic Development of Regions with the Use of the Models of Complex-Valued Economy, *Problemy ekonomiki* [Problems of Economics], no. 2, p. 83—90 (in Russ.).
65. Nikitin, V.V., Nazarov, A.A. 2010, Safety of Regional Socio-Economic System and its Evaluation by Simulation, *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], no. 4, p. 395—399 (in Russ.).
66. Rogachev, A.F., Fedorova, Ya. V. 2014, Modelling of Ecological and Economic Systems Using Tools of Fuzzy Logic, *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia* [Modern Problems of Science and Education], no. 5, available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14580> (accessed 17.04.2018) (in Russ.).
67. Borisov, V.V., Kruglov, V.V., Fedulov, A.S. 2012, *Nechetkie modeli i seti* [Fuzzy models and nets], Moscow, 284 p. (in Russ.).
68. Galushkin, A.I. (ed.) 2000, *Teoriya neyronnyh setej* [Neural Network Theory], Moscow, 416 p. (in Russ.).
69. Chuvilova, O.N., Romanyuta, I.V. 2014, *Metodika i ocenka geoekonomicheskoy bezopasnosti regionov* [Methodology and Assessment of Geo-economic Safety of Regions], Monograph Moscow, 162 p. (in Russ.).
70. Yankovska, E.S. 2013, The Theory of Macroeconomic Balance and Economic Imbalances, *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii* [Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy], Vol. 19, no. 2, p. 84—90 (in Russ.).

71. Kuznetsov, D. A., Rudenko, M. N. 2015, The System of Indicators for Evaluating the National Economic Security, *Nacional'nye interesy: priority i bezpasnost'* [National Interests: Priorities and Security], no. 23 (308), p. 59—68 (in Russ.).

72. Feofilova, T. Yu. 2014, Management Model of Economic Security in the Region, *Internet-zhurnal "Naukovedenie"* [Internet-journal "Naukovedenie"], no. 6 (25), available at: <http://naukovedenie.ru/PDF/126EVN614.pdf> (accessed 13.05.2018) (in Russ.).

The authors

Dr Elena V. Voloshenko, Associate Professor, Department of Geography, Nature Management and Spatial Development, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: EVoloshenko@kantiana.ru

Dr Ksenia Yu. Voloshenko, Director, Centre for Regional Socio-Economic Development Modelling, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: KVoloshenko@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2624-0155>

To cite this article:

Voloshenko, E. V., Voloshenko, K. Yu. 2018, Evaluating and Measuring the Security of Russia's Border Regions: Theory and Practice, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p. 96—118. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-6.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
ОБСТАНОВКА
И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ
В РЕГИОНАХ
ЗАПАДНОГО ПОРУБЕЖЬЯ
РОССИИ

Г. М. Федоров¹

Рассматриваются актуальные проблемы воспроизводства населения российских регионов, расположенных вдоль западной государственной границы РФ, а также вопросы, связанные с суженным естественным воспроизводством населения, наличием нерациональных миграций и др. Особое внимание уделяется демографической безопасности регионов — обеспечению естественного воспроизводства населения, регулированию миграционного движения, сокращению возрастно-половых диспропорций. Уточняется понятие демографической безопасности; устанавливается набор индикаторов для ее оценки. Выявляются типологические различия демографической обстановки в регионах Западного порубежья России, важные для дифференцированного подхода в обеспечении их демографической безопасности. Используются экономико-статистические методы, компаративистский анализ, эмпирическая типологизация регионов на базе обоснованных автором индикаторов. Полученные результаты имеют теоретическое значение для уточнения понятия демографической безопасности и вносят вклад в методiku региональных исследований населения. Их прикладное значение связано с обоснованием предложений по совершенствованию региональной демографической политики.

Ключевые слова: демографическая обстановка, демографическая ситуация, демографическая безопасность, Россия, Западное порубежье

Введение

Исследования влияния приграничного положения на развитие субъектов РФ, расположенных вдоль западной российской границы, активизировались в 2010-е годы [1—4]. Однако сравнительный анализ совокупности приграничных субъектов на западе страны и их типологизация еще только начинаются [5—7].

Важным компонентом сравнительного анализа ситуации в регионах является сопоставление протекающих в них демографических процессов. Демографические проблемы после спада внимания к ним в 1990-е годы вновь оказались на переднем плане обществоведческих научных исследований в РФ. Поводом к этому стали характерные для России, как и для подавляющего большинства экономически развитых стран, депопуляция и старение населения. Дополнительным фактором вы-

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, 236016, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию 20.04.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-7

© Федоров Г. М., 2018

ступают неконтролируемые и часто нерациональные с точки зрения не только экономики, но также политики и социальной сферы миграции. Большие региональные различия демографической обстановки внутри Российской Федерации усиливают актуальность ее изучения.

Не только социально-экономическую, но и политическую важность исследований демографических процессов в стране и ее регионах подчеркивает возникновение понятия «демографическая безопасность». Чаще всего оно рассматривается как часть более общей категории «комплексная безопасность региона», или «экономическая безопасность», но может иметь и самостоятельное значение, поскольку, в конечном счете, связано с обеспечением самого существования народа, нации.

В данной статье мы останавливаемся на определении содержания понятия «демографическая безопасность», его использовании на региональном уровне, установлении характеризующих демографическую безопасность индикаторов и их количественной оценке применительно к регионам исключительно важного в геополитическом отношении Западного побережья России.

Понятие Западного побережья России

Западное побережье России (учитывая не только сухопутную, но и морскую государственную границу) включает 17 субъектов РФ — от Ненецкого автономного округа до Краснодарского края [6]. Причем 10 из них были приграничными и в советский период (старое Западное побережье), а 7 регионов (новое Западное побережье) стали таковыми после распада СССР (рис. 1).

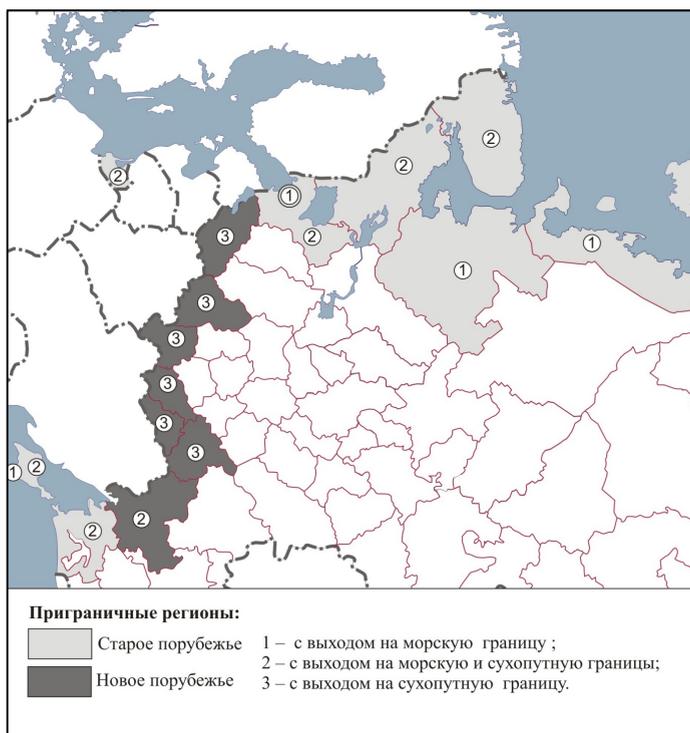

Рис. 1. Западное побережье России

Примечание. Республика Крым и Краснодарский край, отнесенные к регионам группы 2, в СССР имели выход только на морскую границу.

Составлено автором.

Из субъектов старого Западного порубежья Ненецкий АО, Архангельская область и г. Севастополь имеют только морскую границу. Мурманская область, Республика Карелия, Ленинградская и Калининградская области, Краснодарский край, Республика Крым — и морскую, и сухопутную. Санкт-Петербург формально не имеет границы, даже морской, с зарубежными странами. Мы относим его к приграничным субъектам в связи с тем, что он образует единую социально-экономическую систему с приграничной Ленинградской областью, а также с тем, что во входящем в его состав Кронштадте расположена одна из двух главных баз Балтийского военно-морского флота России, играющая важную роль в охране российской государственной границы.

К субъектам нового Западного порубежья, имеющим сухопутную границу с зарубежными странами, относятся Псковская, Смоленская, Брянская, Курская, Белгородская и Воронежская области. Ростовская область имеет и сухопутную, и морскую границу.

Демографическая обстановка в регионах Западного порубежья

Демографическая обстановка в регионах Западного порубежья России — при наличии общих принципиальных черт со среднероссийскими показателями — имеет значительные количественные особенности. При этом старое Западное порубежье существенно отличается от нового.

Отличия динамики численности населения за периоды 1959—1989 и 1989—2018 годов отражает рисунок 2.

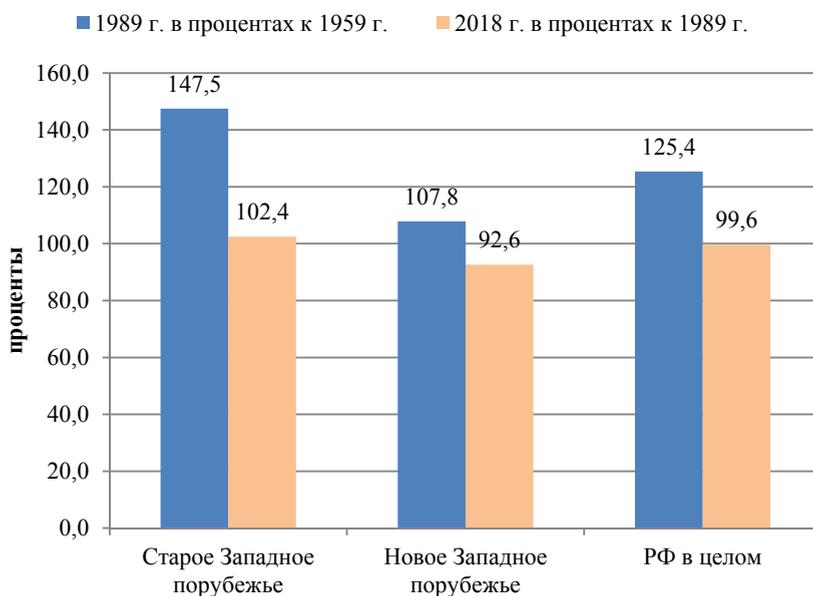

Рис. 2. Динамика численности населения старого и нового Западного порубежья и в среднем по РФ

Составлено автором на основе данных: [8].

Как можно заметить, старое Западное побережье за оба названных периода имеет более высокие показатели по сравнению с РФ в среднем, причем и в первом, и во втором временном отрезке численность населения увеличивалась, хотя в 1989—2018 годах намного более низкими темпами, чем в 1959—1989-м. А в новом Западном побережье в обоих случаях показатели были ниже среднероссийских и тем более показателей старого Западного побережья. В 1959—1989 годах наблюдался лишь небольшой рост, а в 1989—2018-м численность населения существенно сократилась, даже больше, чем в среднем по РФ.

Различия динамики численности населения в разрезе регионов (субъектов РФ), естественно, еще более значительны (рис. 3).

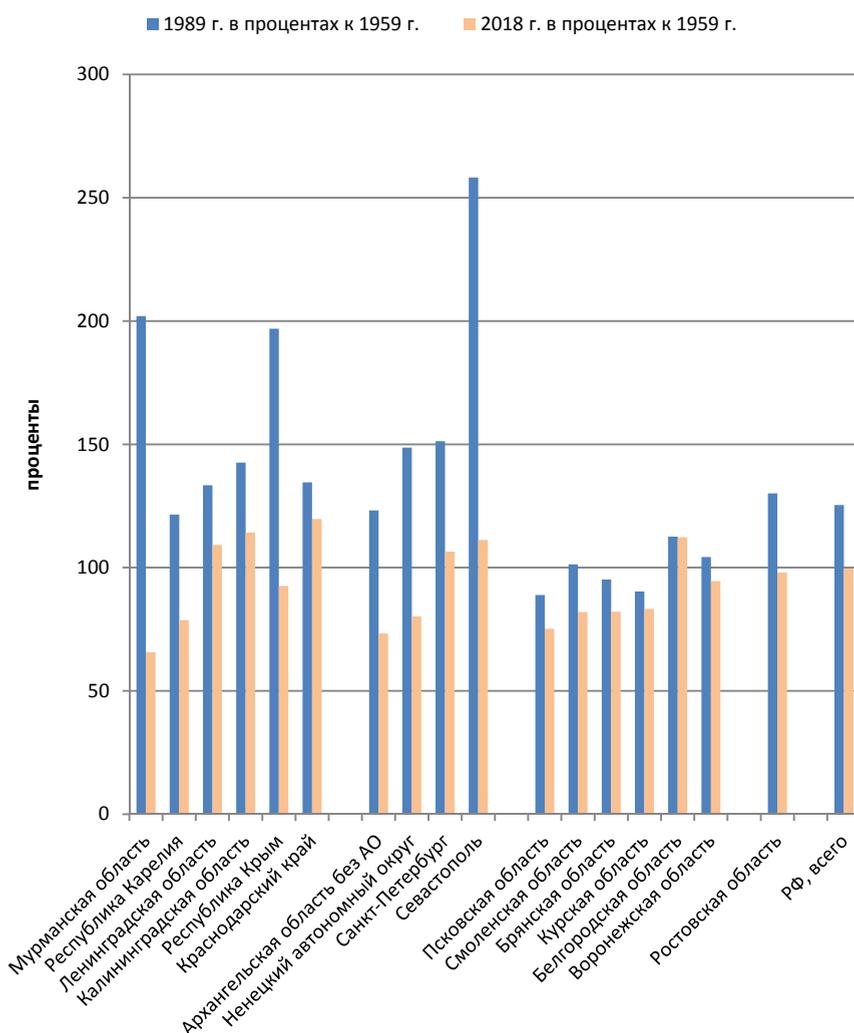

Рис. 3. Динамика численности населения регионов Западного побережья РФ

Составлено автором на основе данных: [8].

Уже в советский период в современном Западном порубежье были регионы, где численность населения сокращалась. Это относящиеся к новому Западному порубежью Псковская, Брянская и Курская области. При этом в Севастополе численность населения за 1959—1989 годы возросла в 2,6 раза, в Мурманской области и на территории Республики Крым — в 2 раза. Ситуация резко изменилась в постсоветское время. Рост численности населения к 2018 году по сравнению с 1989-м имел место только в 6 регионах из 17. К ним относятся Санкт-Петербург и Ленинградская область, Калининградская и Белгородская области, Краснодарский край, Севастополь. Это в основном экономически более развитые и развивающиеся приморские регионы — «коридоры развития»: Санкт-Петербург и Ленинградская область, Калининградская область и Краснодарский край (причем последний выделяется и весьма благоприятными для жизни населения природными условиями, способствующими развитию аграрного и туристско-рекреационного секторов экономики). В Калининградской области и Санкт-Петербурге расположены базы Балтийского флота (Балтийск и Кронштадт), отражающие важное геополитическое значение этих регионов. Увеличивается численность населения и в Белгородской области, динамично развивающейся благодаря мощному металлургическому комплексу и развитому сельскому хозяйству. Растет число жителей также в геополитически важном Севастополе, где расположена главная база Черноморского флота России.

Если в старом порубежье поровну регионов с растущей и уменьшающейся численностью населения, то в новом больше жителей становится только в Белгородской области. Но и максимальное их сокращение характерно также для некоторых регионов старого порубежья. Это северные субъекты РФ с суровым климатом, откуда многие переезжают в более южные регионы: Республика Карелия, Мурманская и Архангельская области, Ненецкий автономный округ.

Компоненты общего изменения численности населения в разрезе регионов сильно различаются по роли естественного и миграционного его движения. Все регионы с растущей численностью жителей, кроме Ненецкого АО, имеют достаточно высокий коэффициент миграционного прироста. Для Ненецкого АО в последние годы характерен миграционный отток, и численность населения здесь увеличивается благодаря высокому уровню рождаемости.

Рисунок 4 отражает распределение субъектов Западного порубежья по показателям естественного и миграционного прироста населения в 2017 году. По сравнению со всем периодом 1989—2018 годов к регионам с растущей численностью жителей добавилась Республика Крым, а естественный прирост имел место уже не только в Ненецком АО, но и в Санкт-Петербурге. В обоих случаях фактором роста стал повышенный коэффициент рождаемости, обусловленной более высокой, чем обычно, долей населения молодых возрастов (включая женщин активного фертильного возраста) вследствие их притока из других регионов страны и ближнего зарубежья. Во всех регионах нового порубежья, Республике Карелия, Мурманской и Архангельской областях численность населения сокращалась. При этом в трех последних регионах, а также в Псковской, Брянской и Курской областях нового зарубежья как естественный, так и миграционный прирост был отрицательным.

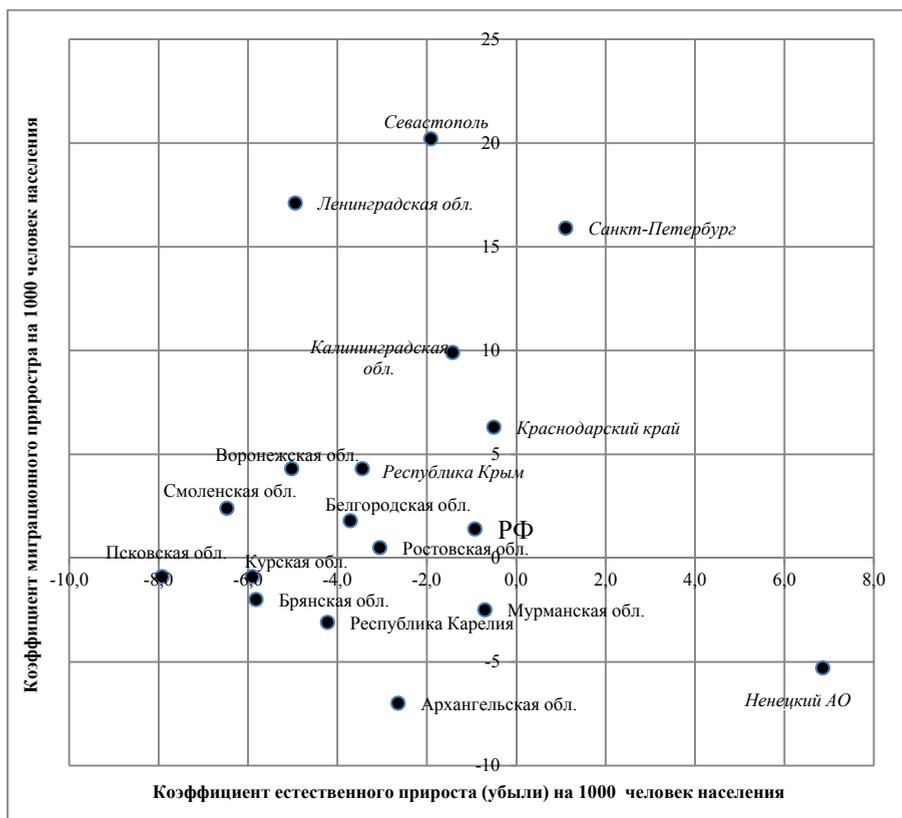

Рис. 4. Распределение субъектов Западного порубежья по показателям естественного и миграционного прироста населения (в расчете на 1000 человек населения), 2017 год

Условные обозначения: *Ненецкий АО* — рост численности населения; Смоленская обл. — сокращение численности населения.
 Составлено автором на основе данных: [8].

Уровень естественного воспроизводства населения в регионах и старого, и нового Западного порубежья в целом был ниже, чем в среднем в РФ. В 2016 году в старом Западном порубежье суммарный коэффициент рождаемости составил 1,70, в новом Западном порубежье — 1,58, тогда как в среднем в РФ — 1,76. В то же время следует отметить, что этот показатель значительно возрос по сравнению с 2000 годом, когда в результате кризиса 1990-х годов в целом по РФ он составлял только 1,20 (наименьшее значение было в 1999 году — 1,16). Изменения в сторону роста уровня рождаемости произошли во всех регионах Западного порубежья (рис. 5). Но лишь в Ненецком АО они обеспечили расширенное воспроизводство населения. Немного более 1,8 (1,83, что соответствует нетто-коэффициенту воспроизводства населения около 0,9) суммарный коэффициент рождаемости в 2016 году составил только в Краснодарском крае. Самым низким, согласно официальным данным, этот показатель оказался в Ленинградской области (1,32) [8].

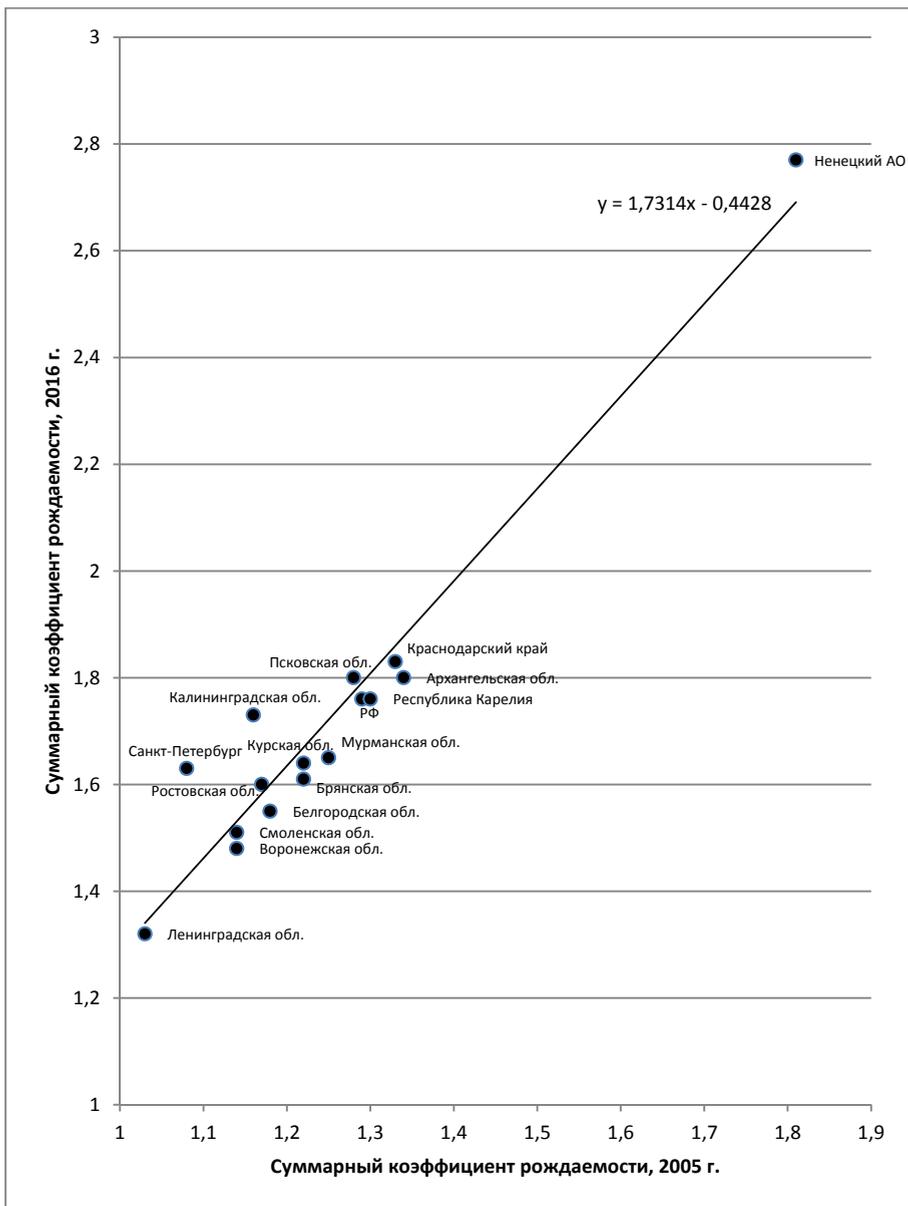

Рис. 5. Изменение суммарного коэффициента рождаемости в регионах Западного порубежья России, 2005—2016 годы

Составлено автором на основе данных: [8].

Важный показатель, отражающий результаты естественного движения населения, — ожидаемая предстоящая продолжительность жизни при рождении. В 2017 году в РФ она составила 72,7 года (67,5 у мужчин, 77,6 у женщин). Для сравнения: в 2014 году в Германии данный показатель был 80,8 года (78,6 у мужчин, 83,2 у женщин) [8]. Эти показатели определены в качестве ориентиров на 2030 год в Указе Президента РФ от 7 мая 2018 года [9].

Хотя в целом по Западному порубежью продолжительность жизни близка к средней по РФ, в региональном разрезе наблюдаются значительные различия (от 68,5 в Псковской области до 74,4 в Санкт-Петербурге). При этом за 2000—2015 годы произошло существенное увеличение рассматриваемого показателя (на 5—10 лет, в зависимости от региона). В целом по РФ уменьшилась разница между продолжительностью жизни женщин и мужчин (с 13,2 до 10,8 года), но все равно она остается очень значительной, превышающей соответствующий показатель в большинстве экономически развитых стран мира (4—5 лет). Она выше, чем в бывших социалистических странах Восточной Европы (ее уровень здесь колеблется в пределах 6—8 лет) и примерно соответствует показателям Беларуси и стран Прибалтики (где составляет 9—11 лет).

Изменения продолжительности ожидаемой предстоящей жизни при рождении за 2000—2015 годы отражают данные таблицы 1.

Таблица 1

Распределение субъектов Западного порубежья России по продолжительности ожидаемой предстоящей жизни при рождении

Продолжительность жизни, лет, 2000 год	Продолжительность жизни, лет, 2015 год		
	68,0—69,9	70,0—71,9	72,0—74,9
68,1	—	—	Белгородская обл., Санкт-Петербург
66,0—67,9	—	Воронежская обл., Ростовская обл.	Краснодарский край
64,0—65,9	—	РФ; области: Мурманская, Брянская, Курская	—
62,0—63,9	Республика Карелия, Смоленская обл.	Области: Архангельская без АО, Ленинградская, Калининградская	—
60,0—61,9	Псковская обл.	Ненецкий АО	—
Нет данных	—	Республика Крым, Севастополь	—

Составлено автором на основе данных: [8].

Из-за различий в продолжительности жизни, с одной стороны, и влияния диспропорций между количеством так называемых «мужских» и «женских» рабочих мест — с другой, велики половые диспропорции в структуре населения российских регионов. В целом по стране в 2015 году в расчете на 1000 мужчин насчитывалось 1158 женщин. В большинстве экономически развитых стран этот показатель составляет около 1040. Среди регионов Западного порубежья России ближе всего к этому показателю соотношение женщин и мужчин в Ненецком АО (1152) и Мурманской области (1088). А больше всего женщин на 1000 мужчин (1213) в Санкт-Петербурге, куда устремляется поток молодых женщин из сельской местности и малых городов Ленинградской области и соседних регионов.

В сравнении с 1990 годом к 2015-му в целом по стране «женский перевес» из-за особенно высокой смертности мужчин в 1990-х годах увеличился на 23 пункта: с 1135 до 1158 женщин на 1000 мужчин. Среди регионов Западного порубежья максимальное увеличение произошло в Мурманской области (на 100 пунктов), а в ряде регионов наблюдалось, наоборот, небольшое выравнивание соотношения полов (Ленинградская, Псковская, Смоленская, Белгородская, Воронежская области и Санкт-Петербург). Рост продолжительности жизни

ни (причем у мужчин — более высокими темпами, чем у женщин) будет способствовать выравниванию доли полов в общей численности населения. Пока же можно отметить, что в 2015 году в сравнении с 1990-м лишь в 6 субъектах Западного порубежья из 17 уменьшилось число женщин в расчете на 1000 мужчин (табл. 2), то есть половые диспропорции усилились.

Таблица 2

Распределение субъектов Западного порубежья РФ по соотношению женщин и мужчин и его изменению за 1990—2015 годы

Женщин на 1000 мужчин, 2015 год	Изменение числа женщин на 1000 мужчин за 1990—2015 годы		
	от –25 до –1	от 0 до 24	от 50 до 109
1200—1249	Санкт-Петербург	Курская область	
1150—1199	Белгородская, Воронежская, Смоленская, Псковская области	Брянская, Ростовская области, Краснодарский край	Республика Карелия
1100—1149	Ленинградская область		Архангельская область без АО, Калининградская область
1050—1099	—	Ненецкий АО	Мурманская область

Примечание. Данные по Республике Крым и Севастополю за 1990 год отсутствуют; в 2015 году численность женщин в расчете на 1000 мужчин составила здесь 1175 и 1143 соответственно.

Составлено автором на основе данных: [8].

Определение понятия «демографическая безопасность региона»

Понятие «демографическая безопасность региона» все чаще используется в демографических, экономических и других обществоведческих исследованиях. Постепенно формируются теоретические и методические основы ее изучения. В одних случаях она рассматривается как фактор экономической [10] или геополитической [11] безопасности, соотносится с национальными интересами государства [12; 13]. В других случаях понимается как самостоятельный компонент национальной безопасности — наряду с экономической, экологической и другими ее аспектами [14—18]. Иногда содержание понятия расширяется, и речь идет о социально-демографической безопасности [19].

Обосновываются индикаторы, качественно и количественно отражающие различные демографические процессы и структуры [14; 16; 20]. Делаются попытки создания интегрального индекса демографической безопасности, учитывающего ряд отдельных демографических показателей [17; 21].

На наш взгляд, под демографической безопасностью региона можно понимать такое состояние демографических процессов и структур, которое не допускает депопуляции, отвечает потребностям регионального социально-экономического развития и задачам сохранения и развития российской цивилизации. Речь идет об обеспечении простого или слегка расширенного естественного воспроизводства населения при уровне миграции, соответствующем потребностям экономического развития, и при высокой продолжительности жизни. Это характеристики населения, которые в определенной степени поддаются прямому воздействию мер государственной политики, и их оценка особенно важна. Дополнительным условием выступает отсутствие серьезных возрастных и половых диспропорций. Пропорциональность соответствующих структур трудно поддается прямому регулированию, поскольку определяется

результатами естественного и миграционного движения за длительный период. Но она может служить индикатором, отражающим сложившийся уровень демографической безопасности. Представляется, что остальные демографические, социально- и экономико-демографические и иные показатели (брачность, разводимость, заболеваемость, урбанизированность, плотность населения и др.), отражающие различные, более частные стороны демографических процессов и структур, в том числе в их взаимодействии с другими характеристиками региона, имеют вспомогательное значение. Они либо подробнее раскрывают особенности демографических характеристик, либо отражают условия и факторы формирования демографической безопасности.

Типология регионов Западного порубежья России по уровню их демографической безопасности

Протекающие в регионах Западного порубежья России с начала 2000-х годов демографические процессы постепенно способствуют улучшению здесь демографической обстановки. И хотя эти процессы сильно различаются от региона к региону, ни в одном из них демографическая безопасность не обеспечивается. При этом между регионами имеются большие различия в состоянии населения и специфике демографической безопасности, что требуется учитывать в региональной политике государства и стратегическом планировании социально-экономического развития субъектов РФ. Для этого целесообразно типологизировать регионы по важнейшим демографическим показателям, которые одновременно являются показателями их экономической безопасности. Нами выполнена такая попытка, основанная на сопоставлении трех основных показателей демографической безопасности (суммарный коэффициент рождаемости, ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении, коэффициент миграционного прироста) и одного дополнительного (число женщин в расчете на 1000 мужчин). Результаты типологизации (выделение шести типов регионов, различающихся по уровню и специфике демографической безопасности) представлены в таблице 3 и на рисунке 6.

Таблица 3

Типология регионов Западного порубежья России по уровню демографической безопасности

Тип, регион	Индикаторы демографической безопасности			
	Основные			Дополнительный
	Суммарный коэффициент рождаемости	Ожидаемая продолжительность жизни	Коэффициент миграционного прироста	
	Число женщин в расчете на 1000 мужчин			
1 — Ненецкий АО	+	0	–	+
1 — Архангельская обл. без АО	+	0	–	+
1 — Мурманская область	0	–	–	+
1 — Республика Карелия	+	–	–	–
2 — Ленинградская область	–	+	+	+
2 — Санкт-Петербург	0	+	+	–
3 — Калининградская область	0	+	+	+
3 — Краснодарский край	+	+	+	0
4 — Республика Крым	+	0	+	–
4 — Севастополь	0	–	+	+
5 — Белгородская область	–	+	0	0

Тип, регион	Индикаторы демографической безопасности			
	Основные			Дополнительный
	Суммарный коэффициент рождаемости	Ожидаемая продолжительность жизни	Коэффициент миграционного прироста	
5 — Воронежская область	–	+	0	–
5 — Ростовская область	–	+	0	0
6 — Псковская область	+	–	0	0
6 — Смоленская область	–	–	0	0
6 — Брянская область	–	–	–	–
6 — Курская область	0	0	0	–

Примечание. Степень благоприятности показателей: (–) — низкая; 0 — средняя; (+) — повышенная.

Составлено автором на основе данных: [8].

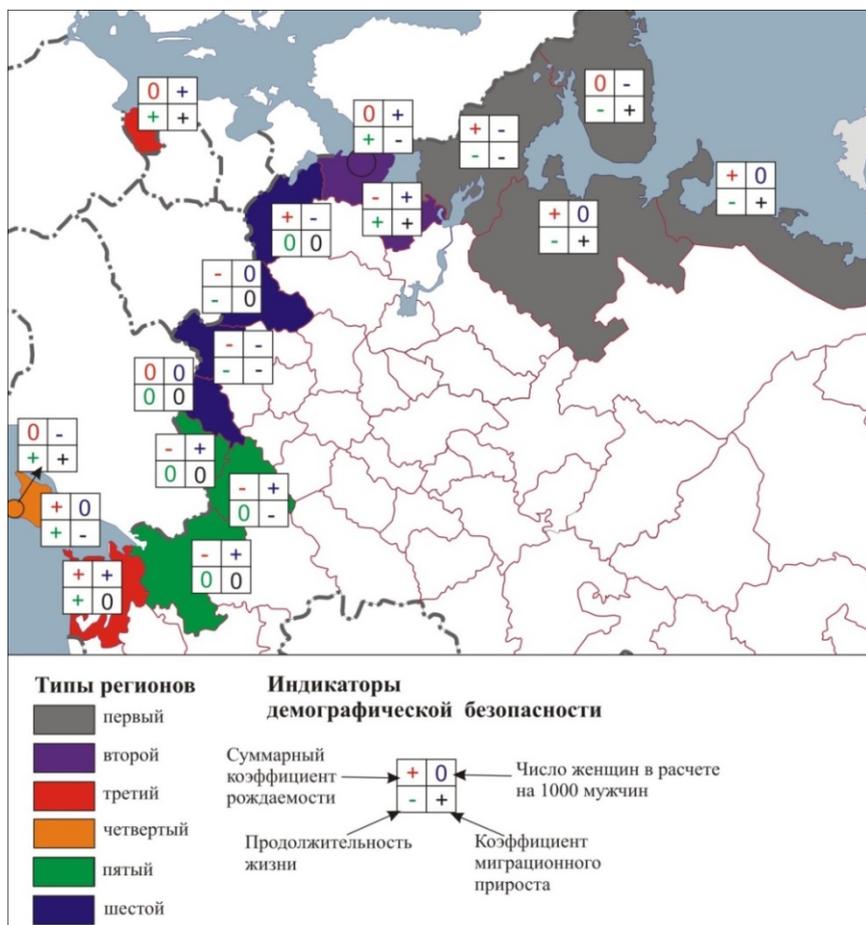

Рис. 6. Типология регионов Западного порубежья России по уровню демографической безопасности

При общем достаточно низком уровне экономической безопасности выделенные типы регионов имеют существенные различия.

Первые три типа относятся к старому Западнему порубежью. В состав *первого типа* регионов вошли северные субъекты Западного порубежья РФ, отличающиеся сравнительно высоким или средним уровнем рождаемости, средними или низкими показателями продолжительности жизни, оттоком населения и относительно меньшим (за исключением Карелии) женским перевесом в половой структуре жителей.

Второй тип регионов — Санкт-Петербург и Ленинградская область. Здесь отмечаются высокие продолжительность жизни и миграционный прирост, низкий или средний коэффициент рождаемости, большой женский перевес в Санкт-Петербурге и сравнительно низкий — в Ленинградской области. По сути, это единая демографическая система, где имеющиеся различия демографических показателей во многом объясняются спецификой статистического учета части относящихся к Ленинградской области данных (например, число родившихся) к Санкт-Петербургу и наоборот (если речь идет о числе умерших).

Краснодарский край и Калининградская область — регионы третьего типа — имеют по три высоких и одному среднему показателю. Здесь демографическая обстановка более благоприятна по сравнению с остальными регионами Западного порубежья и уровень демографической безопасности выше.

Четвертый тип регионов также характеризуется в основном сравнительно благоприятными демографическими показателями. К ним относятся два недавно вошедших в состав России региона — Республика Крым и Севастополь, имеющие относительно высокий или средний уровень рождаемости и высокий миграционный прирост. Но в Севастополе пока понижена продолжительность жизни, а в Республике Крым менее благоприятна половая структура населения.

Два остальных типа регионов входят в состав нового Западного порубежья.

Белгородская, Воронежская и Ростовская области, расположенные в наиболее благоприятных (кроме четвертого типа) природных условиях, относятся к *пятому типу*. Для него характерны низкий естественный прирост и сравнительно высокая продолжительность жизни, положительный, но относительно невысокий миграционный прирост, средний уровень женского перевеса в половой структуре (за исключением Воронежской области, где этот перевес высокий).

Регионы *шестого типа* — Псковская, Смоленская, Брянская, Курская области — отличает значительное сокращение численности населения. Здесь наиболее высоки темпы его естественной убыли, длительное время происходит отток жителей (преимущественно в Московскую и Санкт-Петербургскую агломерации). Только Смоленская область в 2017 году имела небольшое положительное сальдо миграции.

Обратим внимание, что типы регионов образуют своего рода линейные кластеры: регионы каждого типа располагаются вдоль границы один за другим. Более благоприятны показатели регионов второго — четвертого типов, относящихся к старому Западнему порубежью. Наиболее сложна демографическая обстановка и, соответственно, остры проблемы демографической безопасности в северных регионах первого типа (старое Западнему порубежье) и в новом Западнему порубежье (четвертый и пятый типы). Эти регионы были периферийными и в советский период, поскольку находились на границе РСФСР с другими союзными республиками. Видимо, межреспубликанские связи в СССР развивались не столь успешно, как это принято считать, иначе они способствовали бы экономическому и демографическому развитию данных регионов. Наилучшие демографические показатели и более высокий уро-

вень демографической безопасности имеют регионы, расположенные на побережье Балтийского и Черного морей. Приморское положение явно положительно сказывается на их более благоприятных демографических и обуславливающих их социально-экономических характеристиках.

Заключение

Приграничные регионы, являясь периферийными (согласно гипотезе поляризации), оказываются и в демографическом отношении в более сложном положении по сравнению с внутренними (особенно если барьерные функции границы преобладают над контактными). И особенно в случае, когда вследствие изменения границ регионы превращаются из внутренних в приграничные, а также если меняется характер взаимоотношений со странами, расположенными на противоположной стороне границы. Именно такая ситуация возникла в приграничных субъектах РФ на западе страны после распада СССР. Одни регионы превратились из внутренних в приграничные, а другие испытывают трудности в связи с изменениями, часто непредсказуемыми, отношений России со странами к западу от государственной границы.

На основе проведенных исследований представляется целесообразным предложить следующие количественные параметры обеспечения демографической безопасности региона:

— простое или слегка расширенное естественное воспроизводство населения (с нетто-коэффициентом $1,0—1,1$)¹, что примерно соответствует суммарному коэффициенту рождаемости $2,1—2,3$;

— темпы миграционного притока (оттока) населения, соответствующие потребностям экономического развития;

— ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении должна составлять 80 лет² ($77,5$ года у мужчин, $82,5$ года у женщин³).

Дополнительные индикаторы, соответствующие параметрам приведенных выше показателей:

— число женщин в расчете на 1000 мужчин — 1040 ;

— соотношение укрупненных возрастных групп населения: возрастная группа $0—15$ лет должна составлять 20% , $16—59$ лет — 55% , 60 лет и старше — 25% (в 2015 году было 17 , 63 и 20% соответственно).

Из регионов Западного порубежья России ближе всего к оптимальным показателям демографической безопасности типы, обозначенные в таблице цифрами 2 , 3 и 4 , расположенные на побережьях Балтийского и Черного морей. Дальше всего — тип 6 , регионы которого расположены на границе с Украиной и Беларусью. Здесь труднее всего обеспечить приведенные выше оптимальные показатели экономической безопасности, хотя и во всех других регионах решение этой задачи является крайне сложным делом, требующим комплекса мер прямого и косвенного воздействия на демографическую обстановку.

Выявленные типологические особенности демографической обстановки в регионах Западного порубежья России в сопоставлении с целевыми индикато-

¹ В указе Президента РФ от 7 мая 2018 года «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» в числе национальных целей названо «обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации» [9].

² В том же документе говорится, что к 2024 году ожидаемая продолжительность жизни должна повыситься до 78 лет, а к 2030-му — до 80 лет [9].

³ Исходя из того, что в большинстве экономически развитых стран продолжительность жизни у женщин на $4—5$ лет выше, чем у мужчин.

рами демографической безопасности способствуют обоснованию мер по регулированию естественного и миграционного движения и стратегий социально-экономического развития субъектов РФ, совершенствованию государственной региональной политики.

Помимо мер прямого воздействия на ход демографических процессов требуется учет возможностей косвенного влияния на них через устранение диспропорций и оптимизацию развития территориальных социально-экономических систем (производства, расселения, социозкосистемы и др.). В связи с этим целесообразно воспользоваться наработками концепции геодемографической обстановки, созданной еще в 1970—1980-е гг. [22; 23] и в обновленном виде применяемой в современных региональных исследованиях [24—26].

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного побережья России в условиях геополитической турбулентности»).

Список литературы

1. *Баринов С.Л.* Барьеры приграничных социокультурных коммуникаций // Известия РАН. Сер. геогр. 2011. №1. С. 45—54.
2. *Катровский А.П., Ковалев Ю.П., Ридевский Г.В.* Демографическая ситуация и социально-экономическое развитие российско-белорусского приграничья // Российско-белорусское приграничье: проблемы и перспективы развития. Смоленск, 2016. С. 212—218.
3. *Колосов В.А., Вендина О.И.* (ред.). Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. М., 2011.
4. *Манаков А.Г.* Российско-белорусское порубежье: историко-географическая детерминация // Псковский регионологический журнал. 2013. №16. С. 169—176.
5. *Вардомский Л.Б.* Фактор соседства в экономическом развитии новых приграничных регионов России // Мир перемен. 2017. №3. С. 91—104.
6. *Дружинин А.Г., Дун Я.* «Один пояс — один путь»: возможности для Западного Порубежья России // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №2. С. 39—55.
7. *Колосов В.А., Зотова М.В., Попов Ф.А. и др.* Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Ч. 1: Глядя на Запад // Полис. Политические исследования. 2018. №3. С. 42—59.
8. *Федеральная служба государственной статистики.* URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 15.05.2018).
9. *О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года* : указ Президента РФ от 07.05.2018 г. №204. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (дата обращения: 17.05.2018).
10. *Сенчагов В.К.* Экономическая безопасность России. М., 2005.
11. *Рыбаковский Л.Л.* Демографическая безопасность: геополитические аспекты // Народонаселение. 2004. №1. С. 43—57.
12. *Глушкова В.Г., Хорева О.Б.* Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Вестник финансового университета. 2014. №3. С. 14—25.
13. *Панова Т.В.* Демографические аспекты национальной безопасности России // Экономика и управление народным хозяйством. 2017. №6 (151). С. 30—33.
14. *Бондаренко Н.А., Стопова М.С.* Формы проявления демографической безопасности региона и оценка ее угроз // Вестник Тихоокеанского гос. ун-та. 2017. №3 (46). С. 183—190.
15. *Карманов М.В., Эштитейн Н.Д., Егорова Е.А. и др.* Методология анализа демографической безопасности и миграции населения. М., 2013.
16. *Самыгин С.И., Верецагина А.В.* Демографическая безопасность российского общества: критерии и оценка // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2013. Вып. 2. С. 39—45.
17. *Соболева С.В., Смирнова Н.Е., Чудаева О.В.* Демографическая безопасность России: региональные измерители, оценка результатов // Мир новой экономики. 2016. №4. С. 142—154.

18. *Malnar D., Malnar A.* Demographic Security trends in Southeastern Europe // *Croatian International Relations Review*. 2015. Vol. 73, №21. P. 57—87.
19. *Черешнев В. А., Татаркин А. И.* Социально-демографическая безопасность регионов России: методические аспекты, состояние, тенденции // *Экономика региона*. 2007. №4. С. 9—26.
20. *Глазьев С. Ю., Локосов В. В.* Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием // *Вестник Российской академии наук*. 2012. Т. 82, №7. С. 587—614.
21. *Попов А. В., Калачикова О. Н.* Интегральные индексы в оценке демографической безопасности территорий // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2015. №46. С. 56—66.
22. *Агафонов Н. Т., Голубев А. Н.* Категории и факторы демографической обстановки (ситуации) // *Народонаселение. Прикладная демография*. М., 1973.
23. *Федоров Г. М.* Научные основы концепции геодемографической обстановки. Л., 1991.
24. *Кузнецова Т. Ю.* Геодемографическая обстановка в странах Балтийского макро-региона: проблемы и перспективы. Калининград, 2009.
25. *Федоров Г. М.* Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России // *Балтийский регион*. 2014. №2. С. 7—28.
26. *Klemeshev A. P., Kuznetsova T. Y., Fedorov G. M.* Population dynamics: geographical differences in countries of the Baltic Sea Region // *Journal of Applied Economic Sciences*. 2016. Vol. 11, №8. P. 1750—1760.

Об авторе

Геннадий Михайлович Федоров, доктор географических наук, профессор, директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: GFedorov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4267-2369>

Для цитирования:

Федоров Г. М. Демографическая обстановка и демографическая безопасность в регионах Западного побережья России // *Балтийский регион*. 2018. Т. 10, №3. С. 119—135. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-7.

DEMOGRAPHIC SITUATION AND DEMOGRAPHIC SECURITY IN THE REGIONS OF RUSSIA'S WESTERN BORDERLANDS

G. M. Fedorov¹

¹ *Immanuel Kant Baltic Federal University
14 A Nevskogo St., Kaliningrad, Russia, 236016*

Submitted on April 20, 2018
doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-7

In this study, I address the vast and complicated problem of population replacement in Russia's border regions. Although both national and regional demographic indicators have improved in Russia in recent years, many issues relating to sub-replacement fertility, irrational migration, etc. remain unresolved. This lends an urgency to studying regional demo-

graphic security, namely, the problems of ensuring replacement fertility, regulating migrations, and overcoming a skewed age and sex structure. I provide a detailed definition of the notion of demographic security and a list of indicators for evaluating it. I stress typological differences in the demographic situation across Russia's western borderlands to ensure a differentiated approach to providing regional demographic security. In this study, I use economic-statistical methods, a comparative analysis, and an empirical typology of regions based on the above indicators. In terms of theory, the findings obtained can contribute to a more detailed definition of demographic security and a better methodology of regional population studies. In practical terms, the study has relevance to the development of proposals for improving national and regional demographic policy and regional strategic planning given the identified typological differences.

Keywords: demographic situation, demographic situation, demographic security, Russia, Western borderlands

References

1. Barinov, S.L. 2011, Barriers to Cross-border Socio-cultural Communications, *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, no. 1, p. 45—54 (in Russ.).
2. Katrovsky, A.P., Kovalev, Yu. P., Ridevsky, G.V. 2016, Demographic Situation and Socio-Economic Development of the Russian-Belarusian borderland, *Rossiisko-belorusskoe prigranich'e: problemy i perspektivy razvitiya* [Russian-Belarusian Borderland: Problems And Development Prospects], Smolensk, p. 212—218 (in Russ.).
3. Kolosov, V.A., Vendina, O.I. (eds.) 2011, *Rossiisko-ukrainskoe pogranich'e: dvadtsat' let razdelenenogo edinstva* [Russian-Ukrainian Borderlands: Twenty Years of Divided Unity], Moscow, 252 p. (in Russ.).
4. Manakov, A.G. 2013, Russian-Belarusian Border: Historical-geographical Determination, *Pskovskii regionologicheskii zhurnal*, no. 16, p. 169—176 (in Russ.).
5. Vardomsky, L.B. 2017, The Neighborhood Factor in the Economic Development of New Border Regions of Russia, *Mir peremen* [The World of Change], no. 3, p. 91—104.
6. Druzhinin, A.G., Dong, Y. 2018, One Belt — One Road Initiative: A Window of Opportunity for Russia's Western Border Regions, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 2, p. 39—55. doi: 10.5922/2079-8555-2018-2-3.
7. Kolosov, V.A., Zotova, M.V., Popov, F.A., Gritsenko, A.A., Sebentsov, A.B. 2018, Post-Soviet Borderland of Russia between East and West (Analysis of political discourse). Part I. Looking at the West, *Polis (Russian Federation)*, 3, p. 42—59. doi: 10.17976/jpps/2018.03.04.
8. Federal State Statistics Service, available at: <http://www.gks.ru/> (accessed 15.05.2018) (in Russ.).
9. On the National Goals and Strategic Tasks of the Development of the Russian Federation for the Period up to 2024. Decree of the President of the Russian Federation No. 204 of May 7, 1981, available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038> (accessed 17.05.2018) (in Russ.).
10. Senchagov, V.K. 2005, *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii* [Economic Security of Russia], Moscow, 896 p. (in Russ.).
11. Rybakovsky, L.L. 2004, Demographic Security: Geopolitical Aspects // *Narodonaselenie* [Population], no. 1, p. 43—57 (in Russ.).
12. Glushkova, V.G., Khoreva, O.B. 2014, Demographic Security of Russia and Its Regions: Problems and Ways to Solve them, *Vestnik finansovogo universiteta* [Bulletin of the Financial University], no. 3, p. 14—25 (in Russ.).
13. Panova, T.V. 2017, *Demographic Aspects of the National Security of Russia, Ekonomika i upravlenie narodnym khozyaistvom* [Economy and Management of National Economy], no. 6 (151), p. 30—33 (in Russ.).
14. Bondarenko, N.A., Syupova, M.S. 2017, Forms of Manifestation of Demographic Security in the Region and Assessment of its Threats, *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (46), p. 183—190 (in Russ.).

15. Karmanov, M. V., Epshtein N. D., Egorova, E. A., Smelov, P. A., Karmanov, A. M. 2013, *Metodologiya analiza demograficheskoi bezopasnosti i migratsii naseleniya* [Methodology of Demographic Security and Migration Analysis], Moscow, 168 p. (in Russ.).
16. Samygin, S. I., Vereshchagina, A. V. 2013, Demographic Security of Russian Society: Criteria and Evaluation, *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki* [Humanitarian, Socio-economic and Social sciences], no. 2, p. 39—45 (in Russ.).
17. Soboleva, S. V., Smirnova, N. E., Chudaeva, O. V. 2016, Demographic Security of Russia: Regional Measuring Instruments, *Mir novoi ekonomiki* [The World of a New Economy], no. 4, p. 142—154 (in Russ.).
18. Malnar, D., Malnar, A. 2015, Demographic Security Trends in Southeastern Europe, *Croatian International Relations Review*, Vol. 73, no. 21, p. 57—87. doi: 10.1515/cirr-2015-0011.
19. Chereshnev, V. A., Tatarkin, A. I. 2007, Socio-demographic Security of Russian Regions: Methodological Aspects, State, Trends, *Economy of Region*, no. 4, p. 9—26 (in Russ.).
20. Glazyev, S. Yu., Lokosov, V. V. 2012, Assessment of the Extremely Critical Values of Indicators of the State of Russian Society and Their Use in Managing Socio-economic Development, *Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], Vol. 82, no. 7, p. 587—614 (in Russ.).
21. Popov, A. V., Kalachikova, O. N. 2015, Integral Indices in Assessing the Demographic Security of Territories, *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], no. 46, p. 56—66 (in Russ.).
22. Agafonov, N. T., Golubev, A. N. 1973, Categories and Factors of the Demographic Situation. In: *Narodonaselenie. Prikladnaya demografiya* [Population. Applied Demography], Moscow, 135 p. (in Russ.).
23. Fedorov, G. M. 1991, *Nauchnye osnovy kontseptsii geodemograficheskoi obstanovki* [Scientific Foundations of the Concept of Geodemographic Situation], Leningrad, 179 p. (in Russ.).
24. Kuznetsova, T. Yu. 2009, *Geodemograficheskaya obstanovka v stranakh Baltiiskogo makroregiona: problemy i perspektivy* [Geodemographic Situation in the Countries of the Baltic Macroregion: Problems and Prospects], Kaliningrad, 158 p. (in Russ.).
25. Fedorov, G. M. Current Issues in the Geodemographic Studies in Russia, *Balt. Reg.*, no. 2, p. 4—21. doi: 10.5922/2079-8555-2014-2-1.
26. Klemeshev, A. P., Kuznetsova, T. Y., Fedorov, G. M. 2016, Population Dynamics: Geographical Differences in Countries of the Baltic Sea Region, *Journal of Applied Economic Sciences*, Vol. 11, no. 8, p. 1750—1760.

The author

Prof. Gennady M. Fedorov, Director of the Institute of Nature Management, Spatial Development, and Urban Planning, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: Gfedorov@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4267-2369>

To cite this article:

Fedorov, G. M. 2018, Demographic Situation and Demographic Security in the Regions of Russia's Western Borderlands, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p. 119—135. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-7.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ
В УСЛОВИЯХ
ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ
НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

С. С. Лачининский^{1, 2}

Рассматриваются отдельные аспекты экономической безопасности Санкт-Петербурга и Ленинградской области в условиях геоэкономической неопределенности, возникшей с 2014 года. Объект исследования — их экономическая и технологическая устойчивость при возрастающих вызовах экономической безопасности и геоэкономических рисках. Для оценки экономической безопасности использованы некоторые параметры, предложенные в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года, и другие параметры, имеющие значение для оценки состояния экономики, находящейся в условиях геоэкономической неопределенности — кризиса 2014—2016 годов, возникшего в результате действия как внешних, так и внутренних факторов.

В исследовании автор придерживается взгляда на триумvirат конкурентоспособности экономики регионов, их экономической безопасности и устойчивости их социально-экономического развития: именно такая связка не только показывает логику сегодняшнего и завтрашнего развития субъектов РФ, но и дает возможность определить слабые места и возможности их развития.

Конкурентоспособность регионов в условиях геоэкономической неопределенности рассматривается через анализ деятельности ключевых предприятий и быстрорастущих технологических компаний. Также рассмотрена динамика выручки основных промышленных компаний региона за 2014—2015 годы и показана роль ведущих промышленных экспортеров.

Статья является постановочным исследованием и не претендует на законченность. Предполагается, что дальнейшие исследования будут направлены на конкретизацию полученных выводов.

Ключевые слова: экономическая безопасность, геоэкономическая неопределенность, Санкт-Петербург, Ленинградская область, экономическая устойчивость, конкурентные преимущества, инновации

Введение

Вопросы обеспечения экономической безопасности на региональном уровне приобретают особую значимость, учитывая тот факт, что последний экономический кризис спровоцирован не только внутренними, но и внешними факторами.

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9.

² Институт проблем региональной экономики РАН, 190013, Россия, Санкт-Петербург, ул. Серпуховская, 38.

Поступила в редакцию 21.04.2018 г.

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-8

© Лачининский С. С., 2018

Период геоэкономической неопределенности приходится на кризис 2014—2016 годов, который был вызван одновременным действием ряда факторов [1]. При этом многие исследователи считают, что причины нынешнего экономического спада в России связаны преимущественно с внутренними факторами. Так, В. В. Ивантер отмечает:

Устойчивое падение темпов роста, которое началось в конце 2012 г., в первую очередь было обусловлено заметным снижением инвестиционной активности в российской экономике [2, с. 17].

Эту позицию разделяют и другие авторы:

...Негативные последствия санкций возымели действие и смогли усилиться за анализируемый санкционный период 2014—2016 гг. не столько из-за внешних шоков (колебаний цен на нефть, современных тенденций и состояния мировой финансовой системы и т. п.), сколько вследствие внутренних факторов («провалов» регулирования национальной экономики) [3, с. 4].

Однако эти утверждения были справедливы до последних событий 2018 года, когда внешние санкции и ограничения стали оказывать более заметное влияние на макроэкономическую стабильность и важнейшие сегменты национальной экономики — нефтегазовую отрасль, энергетику, металлургию. В 2018 году стало понятно, что эти ограничения становятся все более сфокусированными на конкретные компании и отрасли, а также все сильнее затрагивают экономику наиболее экономически продвинутых и успешных регионов, встроенных в глобализованное геоэкономическое пространство, какими являются Санкт-Петербург и Ленинградская область.

Можно констатировать, что изучение генезиса и движущих сил последнего кризиса получило развитие в социально-экономических науках [4—12]. В частности, некоторые экономисты справедливо указывают:

С середины 2014 г. сочетание реализовавшихся геополитических рисков, внешних и внутренних шоков привело к дестабилизации ситуации и запуску механизмов кризисных процессов, определив логику и параметры наступления в России очередной рецессии [3, с. 4].

В этой связи вопросы экономической безопасности, нашедшие свое отражение в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года [12] (далее — Стратегия), требуют инвентаризации на уровне ключевых регионов страны. И в этом смысле Санкт-Петербург и Ленинградская область, обеспечившие в 2017 году, в частности, перевалку 233,7 млн тонн (или 30% национального морского грузооборота портов) экспортных и импортных грузов, заслуживают повышенного внимания.

Экономическая безопасность региона: теория и практика

Отметим, что сама по себе *концепция экономической безопасности* возникла XX веке. Она появилась в США, когда президент Ф. Рузвельт объявил о создании Федерального комитета по экономической безопасности. С тех пор вопросы экономической безопасности рассматриваются на различных уровнях государственного управления, в том числе и региональном.

Проблематика *экономической безопасности региона* нашла отражение в современных зарубежных и отечественных публикациях [13—19]. Вместе с тем лишь немногие авторы выходят на собственную систему оценки и показателей [14].

Например, С. А. Иванов и Е. Я. Осип отмечают:

Экономическая безопасность и конкурентоспособность — это характеристики национального хозяйственного комплекса и его составных частей. Однако если конкурентоспособность одновременно и цель, и индикатор степени развития национального хозяйственного комплекса и его составных частей, то экономическая безопасность представляет собой условие его существования и развития [15, с. 133].

Некоторые авторы справедливо утверждают, что экономическая безопасность не является изменчивым состоянием, а должна рассматриваться как мгновенно зафиксированный процесс взаимодействия субъектов, где органу, осуществляющему мониторинг, можно понять логику происходящего без дополнительного изучения причин, вызвавших системные трансформации в хозяйственном комплексе региона [16].

Авторы работы [14] отмечают, что социально-экономическая безопасность региона зависит от уровня самообеспеченности и самофинансирования региона, развития его экономического потенциала (промышленного, трудового, природного, инвестиционного, инновационного, научного). Они связывают понятия *экономическая безопасность региона* и *экономическая устойчивость региона*, последнее из которых опирается на региональный экономический комплекс и способность поддерживать непрерывное расширенное воспроизводство товаров и услуг, с соответствующим стабильным увеличением производства продукции и экономических показателей.

Отдельные исследователи [17; 18] полагают, что экономическую безопасность необходимо увязывать с понятием конкурентоспособности.

П. Я. Бакланов трактует экономическую безопасность как фактор, условие, элемент *устойчивого развития*. Он считает, что экономическая безопасность представляет собой внутреннюю «способность, наличие собственного внутреннего потенциала у страны или региона для длительного безопасного и даже устойчивого, эффективного функционирования и развития», то есть рассматривает ее в качестве составной части более широкого понятия — *устойчивость развития* [20].

Можно констатировать, что экономическая безопасность и устойчивое развитие часто используются как определяющие друг друга, взаимосвязанные понятия. Действительно, связка между конкурентоспособностью экономики региона, экономической безопасностью и устойчивостью его развития дает более полное представление о логике сегодняшнего и завтрашнего развития субъекта РФ, позволяет увидеть слабые места и перспективные возможности. Вместе с тем в практике государственного планирования и управления региональное измерение экономической безопасности малозаметно.

В Стратегии имеется лишь один пункт, констатирующий «*неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития*» [12, п. 24]. Видно, что игнорируется сама по себе устойчивость пространственной конструкции страны, составляющих ее макрорегионов, жизненно важных зон и территорий.

Между тем в Стратегии отмечается, что среди основных задач по реализации направления, касающегося сбалансированного пространственного и регионального развития РФ следует выделить:

1) совершенствование системы территориального планирования с учетом вызовов и угроз национальной безопасности РФ;

- 2) совершенствование национальной системы расселения, создание условий для развития городских агломераций;
- 3) сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ;
- 4) расширение и укрепление хозяйственных связей между субъектами РФ, создание межрегиональных производственных и инфраструктурных кластеров;
- 5) приоритетное развитие экономического потенциала Восточной Сибири, Крайнего Севера, Дальнего Востока, Северного Кавказа, Крыма и Калининградской области;
- 6) развитие Северного морского пути, модернизация Байкало-Амурской и Транссибирской железной дороги.

Таким образом, Санкт-Петербург и Ленинградская область могут рассматриваться в контексте выполнения задач п. 1—3 Стратегии [12].

После произошедшей в конце 2012 — начале 2013 года реорганизации исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга возобновила работу Межведомственная комиссия при Правительстве Санкт-Петербурга по вопросам экономической безопасности. Отметим, что соответствующие подразделения и службы входят в силовые структуры регионов — МВД, ФСБ и других.

Понятно, что задачи по реализации направления, касающегося сбалансированного пространственного и регионального развития РФ, должны решаться в сотрудничестве региональных и федеральных органов исполнительной власти, ответственных за социально-экономическое развитие.

Индикаторы экономической безопасности регионов

Проблема выбора показателей для исследования любого явления всегда сопряжена с известными трудностями — доступностью данных, репрезентативностью, качеством статистики.

Для оценки экономической безопасности регионов России будем опираться на систему показателей, предложенных в Стратегии. Однако из 40 предложенных в документе показателей лишь несколько могут быть спроецированы на региональный уровень: ВРП на душу населения, доля инвестиций в основной капитал в составе ВРП, сальдо торгового баланса, оборот розничной торговли.

Настоящее исследование опирается на такие показатели (табл. 1): численность населения; миграционный прирост; ВРП, ВРП на душу населения; доходы консолидированного бюджета субъекта; доля инвестиций в основной капитал от ВРП; объем отгруженных товаров собственного производства (обрабатывающие производства); объем розничной торговли; сальдо торгового баланса.

Состояние экономической безопасности Санкт-Петербурга и Ленинградской области в условиях геоэкономической неопределенности

Для определения существующего уровня экономической безопасности региона рассмотрим соответствующие показатели (табл. 1).

Таблица 1

**Показатели экономической безопасности
для Санкт-Петербурга и Ленинградской области***

Показатель	Санкт-Петербург			Ленинградская область		
	2010	2016	Рост	2010	2016	Рост
Численность населения, млн чел.	4,88	5,28	108,2	1,72	1,79	104,1
Миграционный прирост, тыс. чел.	58,6**	44,7	76,2	25,8	21,7	83,9
ВРП, млрд руб.	2628	3742	142,4	788	914	116,0
ВРП на душу населения, тыс. руб.	536,3	712,3	132,8	345,2	511,8	148,2
Доходы консолидированного бюджета субъекта, млн руб.	552,0	485,9	88,0	111,9	136,7	122,2
Доля инвестиций в основной капитал от ВРП, %	37,7	15,5	...	87,1	28,7	...
Объем отгруженных товаров собственного производства, (обрабатывающие производства), млрд руб.	2071	2062	99,6	254	899	353,9
Объем розничной торговли, млрд руб.	1075,4	1234,3	114,8	266,3	342,6	128,6
Сальдо торгового баланса, млрд дол.	-19,9	-5,5	...	8,5	2,1	...

* Приведено в ценах 2016 года.

** По данным на 2011 год.

Из данных таблицы 1 видно, что большинство показателей экономической безопасности обоих субъектов имеют положительную динамику, и это указывает на устойчивость их экономической модели.

Так, Санкт-Петербург развивается в логике мировых городов. При этом в его экономике гораздо более внушительная доля (21 % ВРП в 2016 году) приходится на обрабатывающую промышленность базовых технологических узлов (судостроение, автомобилестроение, электротехническое оборудование и др.). Торговый сектор составляет 25 % экономики города. Экономика Ленинградской области базируется на мощном обрабатывающем (около 30 % ВРП) и инфраструктурном (транспорт и связь — 17 % ВРП) секторах экономики.

Численность населения обоих регионов увеличивается, причем не только за счет естественного, но и за счет механического прироста. Вместе с тем происходит сокращение миграционного прироста, что связано с девальвацией рубля в 2014—2016 годах и заморозкой ряда строительных объектов.

Тревожным показателем для Санкт-Петербурга является снижение доходов консолидированного бюджета за рассматриваемый период. При этом Ленинградская область наращивает свои доходы.

В обоих субъектах наблюдается снижение доли инвестиций в основной капитал в составе ВРП, что тормозит модернизацию их физических активов. Отметим, что и в целом по стране экономическому кризису 2014—2017 годов предшествовала почти нулевая динамика инвестиций в основной капитал в реальном выражении на протяжении 2013 года.

Важным параметром экономической безопасности регионов стало сальдо торгового баланса, которое сокращается в основном за счет снижения импорта.

Факторы конкурентоспособности Санкт-Петербурга и Ленинградской области в условиях геоэкономической неопределенности

При определении перспектив экономического развития России уделяется внимание и конкурентоспособности:

Конкурентоспособность российских регионов, как и регионов других стран, базируется на конкурентоспособности ключевых профильных предприятий. Деятельность таких предприятий определяет специализацию регионов, обеспечивает основную часть налоговых поступлений в консолидированные региональные бюджеты и играет главную роль в формировании доходов домохозяйств [21, с. 40].

Однако если рассмотреть деятельность крупнейших компаний регионов (табл. 2), то видно, что основу конкурентоспособности в Санкт-Петербурге формируют нефтегазодобывающая компания и торговые сети. Вместе с тем благодаря государственному оборонному заказу, исторически сложившемуся в городе судостроительному кластеру на пятое место вышла холдинговая «Объединенная судостроительная корпорация» (ОСК), которая в Санкт-Петербурге имеет 11 предприятий, в том числе гигантов отрасли — АО «Балтийский завод», АО «Адмиралтейские верфи», ПАО «СЗ «Северная верфь» и др. А среди ведущих компаний Ленинградской области фигурируют отечественные и иностранные производственные структуры.

Между тем из 50 крупнейших технологических компаний России (2015 год [22]) на территории Санкт-Петербурга располагаются «Адмиралтейские верфи» (17-е место), ЦКБ МТ «Рубин» (20-е место), «Северная верфь» (38-е место).

Таблица 2

Крупнейшие компании по объему реализации продукции

Санкт-Петербург		Ленинградская область	
2010	2016	2010	2016
1. ПАО «Газпром нефть»	ПАО «Газпром нефть»	ЗАО «Форд Мотор Компани»	ООО «Новатэк — Усть-Луга»
2. Сеть магазинов «О'Кей»	Банк ВТБ	ЗАО «Филип Моррис Ижора»	ЗАО «Филип Моррис Ижора»
3. Агроторг	Агроторг	Балтнефтепровод	ТД «Интерторг»
4. Сеть гипермаркетов «Лента»	Сеть гипермаркетов «Лента»	Киришинефтеоргсинтез	Ноккиан шина
5. Трансойл	ОСК	Выборгский судостроительный завод	ПК «Орими Трэйд»
6. Петербургская сбытовая компания	Ростелеком	ОАО «Хенкель-Эра»	ЗАО «Интернешнл Пейпер»
7. Авиакомпания «Трансаэро»	Банк «КИТ Финанс»	ЗАО «Интернешнл Пейпер»	Тихвинский вагоностроительный завод
8. Газпромтрансгаз Санкт-Петербург	Сеть магазинов «О'Кей»	АО «Концерн Титан-2»	АО «Концерн Титан-2»
9. ООО «Петро»	Стройгазконсалтинг	Ноккиан Шина	ООО «Якобс Дау Эгбертс Рус»
10. АО «Гознак»	Стройтранснефтегаз	ПФ «ВИС»	ОАО «Усть-Луга Ойл»

В кризисный период с 2014 по 2017 год в обоих регионах продолжался курс на импортозамещение и строительство новых промышленных объектов. Так, в 2016 году на Октябрьском электровагоноремонтном заводе Санкт-Пе-

тербурга открыт новый комплекс по выпуску подвижного состава для городского рельсового транспорта. Производственная мощность комплекса — около 200 вагонов метро и не менее 70 трамваев в год¹.

Динамика выручки ведущих промышленных компаний Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2014—2015 годах показывает, что они способствуют укреплению экономической безопасности и повышению конкурентоспособности региональных экономик данных субъектов РФ (табл. 3).

Таблица 3

Динамика выручки ведущих промышленных компаний Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2014—2015 годах [23]

Компания	Регион	Отрасль	Выручка, млрд руб.		Темп прироста выручки, %
			2014	2015	
ПАО «Газпром нефть»	СПб	ТЭК	1408,2	1467,9	4
ООО «Новатэк — Усть-Луга»	ЛО	ТЭК	76,1	142,7	88
ООО «Хендэ Моторс Мануфактуринг Рус»	СПб	Автомобилестроение	85,4	103,2	21
АО «Группа Илим»	СПб	ЛПК	71,3	102,5	44
ООО «Ниссан Мэнзюфэтуринг Рус»	СПб	Автомобилестроение	152,0	97,0	–36%
АО «Петербургская бытовая компания»	СПб	Энергетика	85,8	96,7	13%
ЗАО «Филип Моррис Ижора»	ЛО	Табачная	69,9	88,6	27%
ООО «Пивоваренная компания "Балтика"»	СПб	Пищевая	83,2	86,6	4%
АО ТГК-1	СПб	Энергетика	69,0	69,4	1%
ПАО «Силловые машины»	СПб	Энергетическое машиностроение	69,8	59,8	–14%
ООО «КИНЕФ»	ЛО	Нефтепереработка	54,7	56,5	3%
ЗАО «Бритиш Американ Табакко — СПб»	СПб	Табачная	32,6	48,8	50%
ООО «Петро»	СПб	Табачная	35,4	47,3	34%
АО «Адмиралтейские верфи»	СПб	Судостроение	36,4	45,3	24%
АО МРСК Северо-Запада	ЛО	Энергетика	46,9	42,4	–6%
АО «Ленэнерго»	СПб	Энергетика	41,6	39,0	–6%
ООО «Орими»	ЛО	Пищевая	26,7	35,5	33%
ЗАО «Интершнешнл Пейпер»	ЛО	ЛПК	25,9	36,4	41%
АО «Гознак»	СПб	Полиграфия	44,1	36,0	–19%

Здесь важно подчеркнуть, что некоторые из представленных компаний являются крупными экспортёрами. Так, на промышленные компании Санкт-Петербурга пришлось 2,2 млрд долларов промышленного экспорта в 2015 году, а

¹ Площадь производственного комплекса — более 15 тыс. м². Его особенность — использование гибких технологий, позволяющих быстро переориентироваться на новые виды деятельности. В строительство комплекса ЗАО «Трансмашхолдинг» вложено около 1 млрд рублей.

на компании Ленинградской области — 1,2 млрд долларов [24]. Среди ведущих компаний-экспортеров отметим следующие (объем экспортируемой продукции приведен в долларах США): АО «Группа Илим» (1,2 млрд дол., ЛПК), ПГ «Фосфорит» (0,3 млрд, химическая промышленность), ЗАО «Бритиш Американ Табакко — СПб» (0,16 млрд, табачная), ЗАО «Интернешнл Пейпер» (0,15 млрд, ЛПК), ЗАО «Филип Моррис Ижора» (0,13 млрд, табачная), «Метахим» (0,12 млрд, химическая), АО «Гознак» (0,1 млрд, ЛПК), «Втормет» (0,09 млрд, металлургия), «Силовые машины» (0,07 млрд, машиностроение), ООО «ММ-Ефимовский» (0,06 млрд, ЛПК), ЗАО «Мера» (0,06 млрд, металлургия), «Тихвинский ферросплавный завод» (0,05 млрд, металлургия) и др. Важной особенностью кризисного периода для ведущих промышленных компаний стал выход большинства из них на новые рынки постсоветского пространства, Ближнего Востока и Европы.

В национальном рейтинге российских быстрорастущих технологических компаний «ТехУспех» присутствуют 15 компаний из Санкт-Петербурга (табл. 4), которые представляют следующие отрасли: информационные технологии (1 компания), электроника и приборостроение (5), фармацевтика (3), машиностроение (1), промышленное оборудование (1), инжиниринг (2), электроника (1), электроэнергетика (1).

Таблица 4

**Быстрорастущие технологические компании Санкт-Петербурга в 2017 году
(рейтинг «ТехУспех» [25])**

Основной рейтинг		Быстрорастущие		Инновационные	
Компания	№	Компания	№	Компания	№
«Биокад»	4	ООО «Оптосенс»	10	Лаборатория «Вычислительная механика»	2
ООО «Оптосенс»	11	ООО «ЭТУ»	14	НПП «Лазерные системы»	8
Лаборатория «Вычислительная механика»	12	Лаборатория «Вычислительная механика»	20	ГК «Геоскан»	14
		ООО «Ракурс-инжиниринг»	23	«НПП «Радар ММС»	18
		ГК «Геоскан»	24	«Биокад»	24
		«Биокад»	36	ГК «Диаконт»	26
		«Би Питрон»	54	ООО «Оптосенс»	29
		НПП «Лазерные системы»	59	ГК «Герофарм»	32
		ГК «Герофарм»	63	ГК «Алкор Био»	38
		ГК «Алкор Био»	83	«Би Питрон»	44
		НПО «СПБЭК»	93	ООО «Аргус-спектр»	51
		НПП «Радар ММС»	94	НПО «СПБЭК»	85
		ООО «Аргус-спектр»	102	ГК «Скаут»	96
		ГК «Диаконт»	110	ООО «Ракурс-инжиниринг»	100
				ООО «ЭТУ»	107

По сравнению с 2014 годом количество компаний увеличилось с 14 до 15.

Рекомендации по проведению государственной политики в области экономической безопасности

На основе проведенного анализа можно дать некоторые рекомендации органам государственной власти Санкт-Петербурга и Ленинградской области в области экономической безопасности.

Во-первых, следует интенсифицировать работу межведомственных комиссий при Правительстве Санкт-Петербурга и Ленинградской области по вопросам экономической безопасности с целью решения задач 1—3 Стратегии.

Во-вторых, нужно признать успешным опыт АО «Концерн ВКО "Алмаз-Антей"» в 2007—2015 годах по созданию Северо-Западного регионального центра (СЗРЦ), представляющего собой современный инновационный производственно-технологический кластер, и распространить его на ведущие отрасли специализации Санкт-Петербурга — судостроение, двигателестроение, автомобилестроение, энергетическое машиностроение, приборостроение, ИТ, фармацевтика².

В-третьих, с учетом изменения порядка уплаты налога на прибыль для крупных корпораций предполагается дальнейшее увеличение бюджетного дефицита (он вырастет с 31,4 млрд до рекордных 51,5 млрд рублей). Это заставляет кардинально менять экономическую политику в области поддержки и стимулирования промышленного производства через создание за пределами исторического центра крупных современных производственно-технологических кластеров с научной, экспериментальной, лабораторной и производственной базой.

В-четвертых, в русле генеральной цели Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года — повышение его глобальной конкурентоспособности — следует интенсифицировать кластерную политику по привлечению частного и государственного бизнеса³. Необходимо уходить от создания «нормативных» кластеров сверху и переходить к стимулированию инициативы снизу, от бизнеса, прежде всего в проектах с участием государства (судостроение, ВПК, транспортный комплекс, инфраструктура, городское хозяйство, креативные сектора экономики).

В-пятых, в условиях возрастающих геоэкономических рисков и внешнего давления нарастает настойчивая необходимость в форсировании масштабных

² ОАО «Климов» (производство авиационных двигателей) завершает реализацию стратегического инвестиционного проекта по переносу производственных мощностей, реконструкции и техническому перевооружению научно-производственной базы по выпуску авиационных газотурбинных двигателей (объем инвестиций в проект — 6,5 млрд рублей).

ОАО «Силовые машины» (производство энергетического оборудования и турбин) уже реализует проект, предусматривающий вывод из исторического центра города мощностей филиалов компании «Ленинградский металлический завод», «Электросила», «Завод турбинных лопаток» и строительство современного завода по производству энергетического оборудования на земельных участках, расположенных в нежилых зонах «Металлострой» и «Ижорские заводы».

³ В рамках развития кластера медицинской, фармацевтической промышленности и радиационных технологий в Санкт-Петербурге продолжается реализация ряда инвестиционных проектов по созданию лабораторных комплексов и фармацевтических производств: ЗАО «МБНПК "Цитомед"»; ООО «НТФФ "ПОЛИСАН"»; ООО «Гротекс»; ООО «Герофарм»; ООО «Самсон-Мед».

проектов в области импортозамещения в соответствии с отраслевыми планами, утвержденными приказами Министерства промышленности и торговли России (для Ленинградской области — деревообработка, сельское хозяйство, мебельная промышленность, двигателестроение).

В-шестых, Ленинградская область лишена собственных быстрорастущих технологических компаний, что ставит под угрозу не только экономическую безопасность региона, но и его конкурентоспособность в среднесрочной перспективе. В этой связи возникает настойчивая необходимость создания подготовленных промышленных площадок и инвестиционных проектов для привлечения технологичных компаний на территориях области, примыкающих к Санкт-Петербургу, а также в ведущих центрах региона⁴.

Заключение

Вопросы экономической безопасности Санкт-Петербурга и Ленинградской области в условиях геоэкономической неопределенности, возникшей в период с 2014 года, невозможно рассматривать в отрыве от конкурентоспособности региональной экономики. Она была рассмотрена через призму деятельности ключевых предприятий регионов. Анализ деятельности быстрорастущих технологических компаний показал, что в Ленинградской области таковых нет, а в Санкт-Петербурге сохраняется лидерство компаний из сфер приборостроения, фармацевтики, инжиниринга, электроники. Анализ выручки ведущих промышленных структур обоих регионов за 2014—2015 годы показывает, что 15 из 20 ведущих промышленных компаний регионов демонстрируют положительную динамику.

В целом констатируем, что экономическая безопасность Ленинградской области в условиях геоэкономической неопределенности характеризуется большей устойчивостью. Дополнительным фактором устойчивости и конкурентоспособности областной экономики является наличие крупных промышленных экспортеров. Вместе с тем благодаря наличию в Санкт-Петербурге быстрорастущих технологических компаний из пятого и шестого технологического уклада можно предположить, что создается фундамент под укрепление конкурентоспособности и экономической безопасности региона в будущем.

Для более детального исследования вопросов экономической безопасности регионов на уровне конкретных предприятий было бы целесообразно организовать закрытое анкетирование руководителей (менеджмент) ведущих предприятий обоих регионов. В качестве целевой выборки следует взять крупнейшие компании по объему реализации продукции (табл. 2) и ведущие промышленные компании (табл. 3).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-17-00112 «Обеспечение экономической безопасности регионов Западного порубежья России в условиях геополитической турбулентности»).

⁴ Летом 2018 года концерн «Калашников» завершил оформление сделки по приобретению 60% акций ООО «Кингисеппский машиностроительный завод» и ООО «Дизель-зипсервис». Предприятия станут базой для кластера дизелестроения, создание которого планируется в Ленинградской области [25].

Список литературы

1. *Экономический кризис* — социальное измерение: информационно-аналитический бюллетень / под ред. Т. М. Малевой; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2015. № 1.
2. *Ивантер В. В.* Перспективы восстановления экономического роста в России // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87, № 1. С. 15—28.
3. *Глазьев С. Ю., Архипова В. В.* Оценка влияния санкций и других кризисных факторов на состояние российской экономики // Российский экономический журнал. 2018. № 1. С. 3—29.
4. *Лежнина Ю. П.* Социально-экономический кризис на пространстве России: проблемы населения и «очаги беспокойства» // Социологические исследования. 2016. № 10 (390). С. 54—65.
5. *Борисова И., Замараев Б., Козлова И. и др.* Российская экономика под гнетом санкций и дешевой нефти // Вопросы экономики. 2016. № 7. С. 5—35.
6. *Федорова Е.* Кризис в России и его распространение на страны СНГ: оценка каналов трансмиссии // Вопросы экономики. 2016. № 7. С. 78—92.
7. *Федорова Е., Федотова М., Николаев А.* Оценка влияния санкций на результаты деятельности российских компаний // Вопросы экономики. 2016. № 3. С. 34—45.
8. *Зубаревич Н. В.* Региональная проекция нового российского кризиса // Вопросы экономики. 2015. № 4. С. 37—52.
9. *Бобылев С., Зубаревич Н., Соловьева С.* Вызовы кризиса: как измерять устойчивость развития? // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 147—160.
10. *Aganbegyan A. G.* Social and Economic Development of Russia: An Analysis and a Forecast // Studies on Russian Economic Development. 2014. Vol. 25, № 4. P. 319—328.
11. *Стратегия экономической безопасности Российской Федерации до 2030 года*, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 года № 208. URL: <http://cdnimg.rg.ru/pril/140/28/53/strategiya2030.pdf> (дата обращения: 17.04.2018).
12. *Economic Security for a Better World*. International Labour Organization 2004. URL: <http://www.social-protection.org/gimi/gess/RessourcePDF.action?ressource.ressourceId=8670> (дата обращения: 12.04.2018).
13. *Kazakova N. A., Bolvachev A. I., Gendon A. L., Golubeva G. F.* Monitoring Economic Security in the Region Based on Indicators of Sustainable Development // Studies on Russian Economic Development. 2016. Vol. 27, № 6. P. 650—660.
14. *Иванов С. А., Осун Е. Я.* Инновационный потенциал развития экономической безопасности хозяйственной системы // Вестник Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России. 2009. № 2. С. 120—133.
15. *Сигов В. И., Песоцкий А. А.* Безопасность экономического пространства региона: концептуальные основы и система показателей // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 4. С. 1236—1250.
16. *Khairullov D. S., Saipullaev U. A.* Management of Social and Economic Security of the Region // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. Vol. 5, № 12. P. 177—188.
17. *Mingaleva Zh. A., Gerchanok G. A.* Sustainable Development in the Region: Innovation, Competitiveness and Economic Security // Economy of Region. 2012. № 3. P. 68—77.
18. *Копеин В. В., Фильмонова Е. А.* Региональный фактор в системе экономической безопасности // Российское предпринимательство. 2014. № 14 (260). С. 13—25.
19. *Бакланов П. Я.* Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. М., 2007.
20. *Польнев А. О.* Сравнительная конкурентоспособность российских регионов: основные факторы и современные тренды // Современные производительные силы. 2014. № 3. С. 37—42.
21. *Рейтинг ведущих промышленников*. URL: expert.ru/northwest/2016/38/rejtingveduschih-promyishlennikov/ (дата обращения: 18.04.2018).
22. *Рейтинг РБК: 50 крупнейших технологических компаний России*. URL: www.rbc.ru/ratings/business/04/06/2015/55674b3d9a7947ee1956ff0 (дата обращения: 18.04.2018).

23. *Экспорт с дисконтом: о поставках продукции предприятий Северо-Запада*. URL: stroypuls.ru/pso/2016/172-dekabr-2016/130365/ (дата обращения: 18.04.2018).

24. *Ton 15 рейтинга «ТехУспех-2017»*. URL://www.ratingtechup.ru/rate/ (дата обращения: 18.04.2018).

25. *«Калашников» завершил сделку по приобретению Кингисеппского машиностроительного завода*. URL: //rostec.ru/news/kalashnikov-zavershil-sdelku-po-priobreteniuyu-kingiseppskogo-mashinostroitel'nogo-zavoda/ (дата обращения: 18.04.2018).

Об авторе

Станислав Сергеевич Лачининский, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия; старший научный сотрудник, Институт проблем региональной экономики РАН, Россия.

E-mail: lachininsky@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0885-6992>

Для цитирования:

Лачининский С. С. Некоторые аспекты экономической безопасности Санкт-Петербурга и Ленинградской области в условиях геоэкономической неопределенности // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №3. С. 136—149. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-8.

THE SOME ASPECTS OF ECONOMIC SECURITY OF ST. PETERSBURG AND THE LENINGRAD REGION UNDER CONDITIONS OF GEO-ECONOMIC UNCERTAINT

S. S. Lachininskiy^{1, 2}

¹ Saint Petersburg State University

7—9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034 Russia

² Institute of Problems of Regional Economics, Russian Academy of Sciences

38 Serpuhovskaya St., Saint Petersburg, 190013, Russia

Submitted on April 21, 2018

doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-8

In this article, I consider individual aspects of the economic security of Saint Petersburg and the Leningrad Region amid the geo-economic uncertainty observed since 2014. The object of the study is the economic and technological sustainability of Saint Petersburg and the Leningrad Region given geo-economic risks and growing challenges to economic security. To evaluate the economic security of Saint Petersburg and the Leningrad Region, I employ some of the parameters proposed in the Strategy for the Economic Security of the Russian Federation until 2030. I also use other parameters pertinent to the evaluation of the state of an economy amid geoeconomic uncertainty, in this case, in the conditions of the crisis of 2014—2016, brought about by both external and internal factors. I employ the concept of the triad of regional economic competitiveness, regional economic security, and sustainable regional socio-economic development. I believe that this triad does not only demonstrate the logic of the current and prospective development of a Russian region but also highlights

weaknesses and opportunities for future development. The competitiveness of Saint Petersburg and the Leningrad region amid geo-economic uncertainty is considered through the performance of the regions' key enterprises and emerging technology companies. I analyse the revenue profiles of the regions' leading industrial enterprises in 2014–2015 and emphasise the role of key industrial exporters. This article is a preliminary study without any claim to completeness. Further research will seek to present the findings obtained in more detail.

Keywords: economic security, geo-economic uncertainty, Saint Petersburg, Leningrad Region, economic stability, competitive advantages, innovations

References

1. Malevaya, T. M. 2015, Ekonomicheskii krizis — sotsial'noe izmerenie: informatsionno-analiticheskii byulleten' [Economic Crisis — Social Dimension: Information and Analytical Bulletin], Part. 1, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, available at: <https://publications.hse.ru/books/211771818> (in Russ.).
2. Ivanter, V. V. 2017, Prospects for Restoring Economic Growth in Russia // *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], Vol. 87, no. 1, p. 15—28 (in Russ.).
3. Glazyev, S. Yu., Arkhipova, V. V. 2018, Assessment of the Impact of Sanctions and Other Crisis Factors on the State of the Russian Economy, *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* [Russian Economic Journal], no. 1, p. 3—29 (in Russ.).
4. Lezhnina, Yu. P. 2016, The Socio-Economic Crisis in the Space of Russia: The Problems of the Population and "Hotbeds of Anxiety", *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], no. 10 (390), p. 54—65 (in Russ.).
5. Borisova, I., Zamaraev, B., Kozlova, I., Nazarova, A., Sukhanov, E. 2016, The Russian Economy under the Yoke of Sanctions and Cheap Oil, *Voprosy ekonomiki* [Issues of Economics], no. 7, p. 5—35 (in Russ.).
6. Fedorova, E. 2016, The Crisis in Russia and its Spread to the CIS Countries: Assessment of Transmission Channels, *Voprosy ekonomiki*, no. 7, p. 78—92 (in Russ.).
7. Fedorova, E., Fedotova, M., Nikolaev, A. 2016, Assessment of the Impact of Sanctions on the Performance of Russian Companies, *Voprosy ekonomiki*, no. 3, p. 34—45 (in Russ.).
8. Zubarevich, N. V. 2015, Regional Projection of the New Russian Crisis, *Voprosy ekonomiki*, no. 4, p. 37—52 (in Russ.).
9. Bobylev, S., Zubarevich, N., Solovyova, S. 2015, Challenges of the Crisis: How to Measure the Sustainability of Development? *Voprosy ekonomiki*, no. 1, p. 147—160 (in Russ.).
10. Aganbegyan, A. G. 2014, Social and Economic Development of Russia: An Analysis and a Forecast, *Studies on Russian Economic Development*, Vol. 25, no. 4, p. 319—328. doi: <https://doi.org/10.1134/s1075700714040029>.
11. The Strategy of Economic Security of the Russian Federation until 2030, Approved by the Decree of the President of the Russian Federation of May 13, 2017 No. 208, available at: cdnimg.rg.ru/pril/140/28/53/strategiya2030.pdf (accessed 21.01.2018) (in Russ.).
12. *Economic Security for a Better World*, 2004, International Labour Organization, available at: <http://www.social-protection.org/gimi/gess/RessourcePDF.action?ressource.ressourceId=8670> (accessed 21.01.2018).
13. Kazakova, N. A., Bolvachev, A. I., Gendon, A. L., Golubeva, G. F. 2016, Monitoring Economic Security in the Region Based on Indicators of Sustainable Development, *Studies on Russian Economic Development*, Vol. 27, no. 6, p. 650—660. doi: <https://doi.org/10.1134/s1075700716060058>.
14. Ivanov, S. A., Osip, E. Ya. 2009, Innovative Potential for Development of Economic Security of the Economic System, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta GPS MChS Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg State University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Measures of Russia], no. 2, p. 120—133 (in Russ.).

15. Sigov, V. I., Pesotsky, A. A. 2017, Security of the Economic Space of the Region: the Conceptual Framework and the System of Indicators, *Economy of Region*, Vol. 13, no. 4, p. 1236—1250. doi: 10.17059/2017-4-21.

16. Khairullov, D. S., Saipullaev, U. A. 2014, Management of Social and Economic Security of the Region, *Mediterranean Journal of Social Sciences*, Vol 5, no. 12, p. 177—188. doi:10.5901/mjss.2014.v5n12.

17. Mingaleva, Zh. A., Gerchanok, G. A. 2012, Sustainable development in the region: innovation, competitiveness and economic security, *Economy of Region*, no. 3, p. 68—77. doi: <https://doi.org/10.17059/2012-3-6>.

18. Kopein, V. V., Filimonova, E. A. 2014, Regional Factor in the System of Economic Security, *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Entrepreneurship], no. 14 (260), p. 13—25 (in Russ.).

19. Baklanov, P. Ya. 2007, *Territorial'nye struktury khozyaistva v regional'nom upravlenii* [Territorial Structures of the Economy in Regional Management], Moscow (in Russ.).

20. Polynev, A. O. 2014, Comparative Competitiveness of Russian Regions: Main Factors and Current Trends, *Sovremennye proizvoditel'nye sily* [Modern Productive Forces], no. 3, p. 37—42.

21. Rating of Leading Industrialists, 2016, *Northwest*, available at: <http://expert.ru/northwest/2016/38/rejting-veduschih-promyshlennikov/> (accessed 18.04.2018) (in Russ.).

22. RBC Rating: 50 Largest Technology Companies in Russia, 2015, *RBC*, available at: www.rbc.ru/ratings/business/04/06/2015/55674b3d9a7947eee1956ff0 (accessed 18.04.2018) (in Russ.).

23. Export at a Discount: On the Supply of Products of Enterprises of the North-Westm, 2016, *Stroy puls*, available at: stroy puls.ru/ps0/2016/172-dekabr-2016/130365/ (accessed 18.04.2018) (in Russ.).

24. TOP 15 RATINGS OF TEHUSPEX — 2017, 2017, available at: <http://www.ratingtechup.ru/rate/> (accessed 18.04.2018) (in Russ.).

25. «Kalashnikov» Completed the Acquisition of Kingisepp Machine-Building Plant, 2018, *Rosteh*, available at: <http://rostec.ru/news/kalashnikov-zavershil-sdelku-po-priobreteniyu-kingiseppskogo-mashinostroitel'nogo-zavoda/> (accessed 18.04.2018) (in Russ.).

The author

Dr Stanislav S. Lachininskiy, Associate Professor, Department of Economic and Social Geography, Saint Petersburg State University; Research Fellow, Institute of Problems of Regional Economics, Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: lachininsky@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0885-6992>

To cite this article:

Lachininskiy, S. S. 2018, The Some Aspects of Economic Security of St. Petersburg and the Leningrad Region under Conditions of Geo-Economic Uncertainty, *Balt. Reg.*, Vol. 10, no. 3, p. 136—149. doi: 10.5922/2079-8555-2018-3-8.

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.

4. Все присланные в редакцию работы проходят **внутреннее** и **внешнее рецензирование**, а также проверку системой «Антиплагиат», по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал.

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Статья направляется в редакцию журнала выпускающему редактору Татьяне Юрьевне Кузнецовой по e-mail: tikuznetsova@kantiana.ru или tikuznetsova@gmail.com

7. С января 2013 г. статьи на рассмотрение принимаются в режиме онлайн. Для этого авторам нужно зарегистрироваться на портале «Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта» http://journals.kantiana.ru/submit_an_article/ и следовать подсказкам в разделе «Подать статью онлайн».

8. Решение о публикации (или отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

1) индекс УДК — должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

2) название статьи на русском и английском языках (*до 12 слов*);

3) аннотацию на русском и английском языках, оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую:

- вступительное слово о теме исследования;
- цель научного исследования;
- описание научной и практической значимости работы;
- описание методологии исследования;
- основные результаты, выводы исследовательской работы;
- ценность проведенного исследования (какой вклад данная работа внесла в соответствующую область знаний);
- практическое значение итогов работы.

В аннотации не должен повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также ее название. В ней не должно быть цифр, таблиц, внутритекстовых сносок и т. д.;

- 4) ключевые слова на русском и английском языках (*4—8 слов*);
- 5) список литературы;
- 6) пристатейные библиографические списки оформляются на русском языке (в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008) и *на латинице* (Harvard System of Referencing Guide);
- 7) сведения об авторах на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученые степени, звания, должность, место работы (организация, город, страна), почтовый адрес, e-mail);
- 8) сведения о языке текста, с которого переведен публикуемый материал.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате листа А4 (210 × 297 мм), таблицы и рисунки в формате (параметры страницы): поля верхнее, нижнее — 4,35 см, левое, правое — 4,5 см.

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте «Единая редакция научных журналов БФУ им. И. Канта» <http://journals.kantiana.ru/authors/imk/> (информационно-методический комплекс «Как написать научную статью»).

BALTIJSKIJ
REGION
2018
Volume 10
№ 3

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2018.
153 p.

The journal
was established in 2009

Frequency:
quarterly
in the Russian and English
languages per year

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Saint Petersburg
State University

Editorial Office

Address:
2, Zoologicheskaya str.,
Kaliningrad, Russia 236000

Executive secretary:
Tatyana Kuznetsova,
tikuznetsova@kantiana.ru
Tel/Fax.: +7 4012 31-33-50
www.journals.kantiana.ru

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

© I. Kant Baltic Federal
University, 2018

Editorial council

Prof. *Andrei P. Klemeshev*, rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Editor in Chief); Prof. *Gennady M. Fedorov*, director of the Institute of Environmental Management, Territorial Development and Urban Construction, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia (Deputy Chief Editor); Prof. Dr *Joachim von Braun*, director of the Center for Development Research (ZEF), Professor, University of Bonn, Germany; Prof. *Irina M. Bussygina*, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Prof. *Aleksander G. Druzhinin*, director of the North Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, Russia; Prof. *Mikhail V. Ilyin*, Prof. of the Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Russia; Dr *Perti Joenniemi*, senior researcher, Karelian Institute, University of Eastern Finland, Finland; Dr *Nikolai V. Kaledin*, head of the Department of Regional Policy & Political Geography, Saint Petersburg State University, Russia (co-chair); Prof. *Konstantin K. Khudolei*, head of the Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Dr *Kari Liuhto*, director of the Pan-European Institute, Turku, Finland; Prof. *Vladimir A. Kolesov*, head of the Laboratory for Geopolitical Studies, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences; Prof. *Gennady V. Kreinin*, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia; Prof. *Vladimir A. Mau*, rector, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia; Prof. *Andrei Yu. Melville*, dean of the Faculty of Social Sciences, National Research University — Higher School of Economics, Russia; Prof. *Nikolai M. Mezhevich*, Department of European Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Tadeusz Palmowski*, head of the Department of Regional Development, University of Gdansk, Poland; Prof. *Andrei E. Shastitko*, head of the Department of Competitive and Industrial Policy, Moscow State University, Russia; Prof. *Aleksander A. Sergunin*, Department of History and Theory of International Relations, Saint Petersburg State University, Russia; Prof. *Eduardas Spiriajevas*, head of the Centre of Transborder Studies, Klaipeda University (Lithuania); Prof. *Daniela Szymańska*, head of the Department of Urban Studies and Regional Development, Nicolaus Copernicus University in Torun, Poland; Dr *Viktor V. Voronov*, Leading Research Fellow, Institute of Social Studies, Daugavpils University, Latvia.

Mass Media Registration Certificate PI № FS77-61749,
on 26 August, 2011

CONTENTS

Demographic Processes

<i>Iontsev V.A., Subbotin A.A.</i> Current Scenarios for the Demographic Future of the World: The Cases of Russia and Germany	4
<i>Degusarova V.S., Martynov V.L., Sazonova I.E.</i> Geodemography of the Saint Petersburg Suburbs	19
<i>Kuznetsova T. Yu.</i> Population Change in the Neighbouring Regions of Russia and the European Union States	41

Diaspora

<i>Molodikova I.N., Lyalina A.V., Emelyanova L.L.</i> Contacts with Diasporas and Diaspora Organisations as a Key to a Successful Migrant Integration Policy in the EU	58
<i>Sluka N.A., Korobkov A.V., Ivanov P.N.</i> The Chinese Diaspora in the EU Countries	80

Economic and Demographic Security

<i>Voloshenko E.V., Voloshenko K. Yu.</i> Evaluating and Measuring the Security of Russia's Border Regions: Theory and Practice	96
<i>Fedorov G.M.</i> Demographic Situation and Demographic Security in the Regions of Russia's Western Borderlands	119
<i>Lachininskiy S.S.</i> The Some Aspects of Economic Security of St. Petersburg and the Leningrad Region under Conditions of Geo-Economic Uncertainty	136

Научное издание

БАЛТИЙСКИЙ РЕГИОН
2018
Том 10
№ 3

Редактор *Л. Г. Ванцева*
Корректор *С. В. Ильина*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Подписано в печать 04.09.2018 г.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 13,5
Тираж 1000 экз. (1-й завод 50 экз.). Заказ

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6